

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет:
Антон Міранович (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А.М. Вабішчэвіч
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байкоў
Т.А. Гарупа
А.А. Гужалоўскі
Т.І. Доўнар
А.І. Забейварота
У.В. Здановіч
Г.А. Зорын
У.Л. Клюня
У.У. Лосеў
Б.М. Ляпешка
А.А. Савіч

Пасведчанне аб реєстрацыі
у Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрес рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
універсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 2 / 2018

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 16.01.2018 № 16) часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
на гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Бурик Е.А. Развитие договорно-правовой базы приграничного сотрудничества Республики Беларусь с сопредельными странами	5
Савіч А.А. Палітыка Польшчы і становішча Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. у адлюстраванні айчыннай гісторыяграфіі 1920-х – першай паловы 1950-х гг.	13
Савчук Т.П. Деятельность государственных органов поувековечению памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь в 1990-е – начале 2000-х гг. (на примере Брестской области).....	23
Лисовская Т.В. Современная украинская историография поздних протестантских движений	29
Громыко М.В. Минская консервативная печать в общественно-политической жизни Российской империи (1906–1915 гг.)	39
Белозорович В.А. «Романтизация» белорусской истории на рубеже XIX и XX вв.	47
Крывуць В.І. Польскія ўлады і ўніфікацыя праўрадавых саюзаў сельскай моладзі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1930-я гг.	56
Пашкович Е.И., Мендель О.А. Облик городов и местечек Полесского воеводства в 1921–1939 гг.....	63

ЭКАНОМІКА

Костенко Н.В. Диверсификация экспорта Республики Беларусь на рынке молочной продукции	75
Конончук В.В. Моделирование использования отходов в условиях агроэкологических рисков	85
Куган С.Ф. Анализ методологии и практики исследования эффективности логистических систем.....	91
Кот Н.Г. Методика определения периода функционирования субъектов малого бизнеса	99
Романович С.П. Структурирование потребительского рынка Брестской области в контексте стратегии устойчивого развития регионов.....	104
Мишкова М.П. Финансовые отношения в цепях поставок	112

ПРАВА

Цюга С.А. Теоретические проблемы понимания и классификации участников избирательного процесса в Республике Беларусь.....	119
Береговцова Д.С. Деятельность этических комитетов в здравоохранении как гарантия прав человека при применении современных медицинских технологий.....	128
Степаненко Д.М. Правотворческая форма реализации инновационной функции белорусского государства	136
Храмов С.М. Предупреждение преступлений, совершаемых с применением охотничьего оружия.....	144
Зайчук Г.И. Проблемы разграничения права позитивного и негативного природопользования	155
Резюк В.И. Хищения бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями: выделение основных криминологических количественных показателей и их специфика	164
Горупа Т.А., Шалаева Т.З., Пашкевич И.П. Формирование общего финансового рынка в Евразийском экономическом союзе и правовая система Республики Беларусь	171

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:
S.A. Marzan

International Board:
Anton Miranovich (Poland)
Mark Pilkington (France)
Stanislav Rudolf (Poland)
B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:
A.M. Vabishchevich
(managing editor)
V.F. Bajnyov
T.A. Garupa
A.A. Guzhalovski
T.I. Dovnar
A.I. Zabeivarota
V.V. Zdanovich
G.A. Zorin
V.L. Klunia
V.V. Losev
B.M. Lyapeshka
A.A. Savich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY
ECONOMICS
LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2018

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 № 94 (as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 16, 2018 № 16) the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

INDEX

HISTORY

Burik E.A. The Development of a Legal Basis for Cross-Border Cooperation of the Republic of Belarus with Neighboring Countries	5
Savich A.A. Policy Poland and the Situation in the West of Belarus in 1921–1939 in Reflected Domestic Historiography of the 1920s – the First Half of the 1950s	13
Savchuk T.P. The Activity of State Bodies with Intention to Immortalize the Memory about the Great Patriotic war in the Republic of Belarus in 1990s – early 2000-s (on the Example of Brest Region).....	23
Lisouskaya T.V. Modern Ukrainian Historiography of the History of the Protestant Movements.....	29
Gromyko M.W. The Minskaya Conservative Press in the Public-Political Life of the Russian Empire (1906–1915).....	39
Belazarovich V.A. «Romanticizing» the History of Belarus in XIX–XX Centuries	47
Kryvuts V.I. The Polish Authorities and the Unification of the Pro-Governmental Unions of Rural Youth of the West Belarus in the 1930s.....	56
Pashkovich E.I., Mendel O.A. The Appearance of Cities of the Polesye District in 1921–1939	63

ECONOMICS

Kostenko N.V. Diversification of Export of the Republic of Belarus in the Market of the Dairy Products	75
Kononchuk V.V. Modeling the Use of Waste in the Condition of Agro-Ecological Risks.....	85
Kugan S.F. The Analysis of Research Methodology and Practice of Logistics System Effectiveness.....	91
Kot N.G. The Method to Determine the Period of Functioning of Subjects of Small Business.....	99
Romanovich S.P. Structuring of the Consumer Market of Brest Region in the Context of Sustainable Development of the Region.....	104
Mishkova M.P. Financial Relationships in Supply Chains.....	112

LAW

Tsjuga S.A. Theoretical Issues of Understanding and Classification of Participants in the Electoral Process in Belarus	119
Berahautsova D.S. Activities of Ethics Committees in Health Care as a Guarantee of Human Rights in the Application of Modern Medical Technologies	128
Stepanenko D.M. The Law-Making Form of Realization of the Innovation Function of the Belarusian State	136
Chramov S.M. Areas of Prevention of Crime, Committed with the use of Hunting Weapons	144
Zaychuk G.I. Problems of Differentiation of Positive and Negative Law of Nature.....	155
Rezyuk V.I. Misappropriations and Embezzlements of Budgetary Funds by Abuse of Official Powers: the Selection of the Basic Criminological Quantitative Indicators and their Specifics.....	164
Gorupa T.A., Shalaeva T.Z., Pashkevich I.P. Formation of Common Finance Market in the Eurasian Economic Union and Legal System of the Republic of Belarus	171

ГІСТОРЫЯ

УДК 341.221.27(476)

E.A. Бурик

канд. ист. наук, декан исторического факультета
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: burik-@mail.ru

РАЗВИТИЕ ДОГОВОРНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С СОПРЕДЕЛЬНЫМИ СТРАНАМИ

Указано, что договорно-правовая база приграничного сотрудничества Беларуси с сопредельными странами имеет пять уровней: международный, межгосударственный, национальный, межрегиональный и локальный. Каждый из этих уровней способен функционировать только в связи с остальными. Отмечено, что межрегиональный и локальный уровни правовой базы стали наиболее разветвленными, они определяли более конкретные и точные формы, направления и условия приграничного сотрудничества. Наиболее активно развивалось сотрудничество по оформлению договорно-правовой базы взаимодействия Беларуси с Польшей и Украиной, более медленно – с Литвой и Латвией.

Введение

Геополитические условия, сложившиеся после распада СССР, потребовали от молодых независимых республик создания прочной договорно-правовой основы, регламентирующей широкий спектр сотрудничества. Республика Беларусь стремительно налаживала двусторонние отношения со странами дальнего и ближнего зарубежья. Новыми для Беларуси оказались вопросы оформления двустороннего межгосударственного сотрудничества, а также межрегионального и приграничного взаимодействия.

В конце 1990-х гг. в белорусской внешнеполитической стратегии оформилась концепция создания «пояса добрососедства» Беларуси с сопредельными странами. Эта идея была озвучена президентом Беларуси А.Г. Лукашенко в сентябре 1997 г. на Международной конференции «Сосуществование народов и добрососедские отношения – гарантия безопасности и стабильности в Европе», участие в которой приняли главы 11 государств Центральной и Восточной Европы. Президент Беларуси тогда отметил, что потенциал укрепления экономики региона заключается в приграничной торговле, создании сильных экономических зон, а также провозгласил создание вокруг Беларуси «пояса добрососедства» [1, с. 17]. Приграничное сотрудничество стало прочной основой пояса добрососедства, элементами которого стали политическая толерантность и правовое взаимодействие, военная безопасность и партнерство, экономическая стабильность, экологическое равновесие и безопасность, информационное взаимодействие [2, с. 148].

Цель статьи – раскрыть процесс формирования договорно-правовой базы приграничного сотрудничества Республики Беларусь с сопредельными странами.

Политико-правовое оформление приграничного сотрудничества

Необходимость тесного сотрудничества на основе добрососедства и доверия провозглашалась как Республикой Беларусь, так и рядом других европейских государств. После 1991 г. происходил параллельный процесс возобновления взаимоотношений на межгосударственном уровне и налаживания двусторонних приграничных контактов. Так, в апреле 1992 г. между правительствами Республики Беларусь и Республики Польша уже были подписаны Соглашение об основных принципах трансграничного сотрудничества, а в июне того же года – Договор о добрососедстве и дружелюбном сотрудничестве. Двусторонние основополагающие договоры о сотрудничестве с Литвой и Украиной были подписаны в 1995 г. С Латвией взаимодействие осуществлялось на основании Декларации о принципах добрососедских отношений между странами, подписанный 16 декабря 1991 г.

Следует отметить, что Украина в первые годы независимости не рассматривала Беларусь как серьезного партнера. О необходимости расширения договорно-правовой базы с Беларусью в Украине речь пошла накануне президентской кампании в Беларуси летом 1994 г. [3, арк. 65]. Тогда в Украине прогнозировали победу В. Кебича и в связи с этим усиление влияния России на политику Беларуси, в том числе и на белорусско-украинские отношения. Поэтому МИД Украины в июне 1994 г. заявил, что ключевым элементом отношений с Беларусью может стать расширение тесного взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества с поступательным наращиванием присутствия экономических «агентов» Украины в Республике Беларусь и необходимость расширения договорно-правовой базы, чтобы обеспечить дружелюбные плодотворные взаимоотношения [4, арк. 173]. Действительно, уровень украинско-белорусского сотрудничества в начале 1990-х гг. не соответствовал в должной степени ни политическому взаимопониманию, ни экономическому потенциалу сопредельных государств. Договор между УССР и БССР, регулировавший межгосударственные контакты, был подписан еще 29 декабря 1990 г. и не отвечал условиям времени, не учитывал геополитических изменений, вызванных распадом СССР. Новый Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между странами президенты подписали во время встречи 17 июля 1995 г., а в силу он вступил только в 1997 г. Однако уже в первые годы независимости страны-соседи подписали пакет документов, регламентирующих условия сотрудничества по пограничным и таможенным вопросам, в области транспорта, о пунктах пропуска, о безвизовом режиме между государствами.

Если налаживание межгосударственных отношений происходило на основе прежних договоренностей и соглашений, то развитие приграничного сотрудничества остро нуждалось в разработке правового регулирования. Его основу составили пять уровней: международный, межгосударственный, национальный, межрегиональный и локальный.

Международный уровень правового регулирования приграничного сотрудничества представила Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, подписанная в Мадриде 21 мая 1980 г., а также два протокола к ней – 1995 и 1998 гг. [5]. В 1990-е гг. к конвенции присоединились наши соседи. Беларусь данный документ не ратифицировала, но придерживалась его де-факто, образовав на границах с Польшей, Украиной, Литвой и Латвией ряд еврорегионов. После того как местные органы власти Беларуси получили правомочия на подписание документов о вступлении приграничных областей в состав формирующихся еврорегионов, в 1997 г. на белорусско-польско-литовском пограничье сложился еврорегион «Неман», в 1998 г. на белорусско-украинско-польском пограничье еврорегион «Буг», в 1999 г. на белорусско-литовско-латвийском пограничье еврорегион «Озерный край», в 2002 г. на белорусско-польском пограничье еврорегион «Беловежская пуща», а в 2003 г. на белорусско-украинско-российском пограничье еврорегион «Днепр».

Кроме этого, Беларусь стала активным участником соглашений в рамках СНГ. В 2000-е гг. государства – участники СНГ заложили фундамент межгосударственной правовой базы приграничного сотрудничества, который составили Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ, утвержденная решением Совета глав правительств СНГ от 15 сентября 2004 г., и Конвенция о приграничном сотрудничестве государств – участников СНГ, принятая решением Совета глав государств СНГ от 10 октября 2008 г. Однако Украина не подписала Конвенции и не поддержала создания единого в рамках СНГ органа, призванного способствовать координации действий государственных и региональных органов власти в области регионального сотрудничества, – Совета по межрегиональному и приграничному сотрудничеству государств – участников СНГ. Несмотря на то что данные документы исходили из принципов единства и целостности территорий и внутренних рынков государств, развитие приграничного сотрудничества между странами – участниками СНГ происходило преимущественно в двустороннем формате. Лидерами заключения дву-

сторонних договоров по широкому спектру сотрудничества выступали Казахстан, Россия, за ними следовали Украина и Беларусь [6, с. 16]. Для более эффективного развития двустороннего взаимодействия, преодоления сложившихся барьеров на пути сотрудничества главами государств СНГ 16 сентября 2016 г. была подписана Конвенция о межрегиональном сотрудничестве государств – участников СНГ. Данная Конвенция направлена на углубление интеграционных процессов стран СНГ именно за счет усиления межрегионального взаимодействия [7].

Межгосударственный уровень нормативно-правового поля регулирования приграничных отношений Республики Беларусь с сопредельными странами представлен рядом двусторонних договоров. Наибольшее значение для развития приграничных отношений Беларуси с Польшей, Литвой и Латвией имели соглашения об основных принципах трансграничного сотрудничества, подписанные соответственно в 1992, 1998 и 2006 гг.

Приграничное сотрудничество с украинской стороной регламентировалось межправительственным Соглашением о сотрудничестве приграничных областей Республики Беларусь и Украины, подписанным в Киеве 12 мая 1997 г. [8], а нормативной базой для осуществления приграничной торговли стало Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о выездной ярмарочной торговле в приграничных регионах Беларуси и Украины товарами национального производства (05.11.2009) [9].

Новыми для соседних постсоветских государств оказались законодательные вопросы функционирования государственной границы, оформления совместного пограничного режима, перемещения через границу людей, товаров и транспортных средств, взаимодействия таможенных ведомств. Этот блок законодательных актов приобрел стратегическое значение для приграничных территорий, где обстановка во многом зависела от качества обслуживания движения на границе, обеспечения безопасности.

Важным показателем состояния приграничных контактов выступает интенсивность приграничного движения, возможность установления личностных контактов. В данном направлении наиболее продуктивным стало взаимодействие Беларуси и Украины. Для создания благоприятных условий в этом сегменте пограничного сотрудничества стало подписание в Минске 12 декабря 1998 г. межправительственного соглашения о порядке пересечения белорусско-украинской государственной границы гражданами, проживающими в приграничных районах. Документ предусматривал пересечение белорусско-украинской границы в пунктах упрощенного (местного) пропуска (всего 30 пунктов) по паспортам с отметками о прописке в приграничных районах [10]. Это способствовало значительному расширению приграничных контактов, а также уменьшению очередей на ППП международного и межгосударственного значения.

Активизировать приграничное сотрудничество Беларуси с Польшей, Литвой и Латвией были призваны договоры между правительствами этих стран о правилах приграничного движения, подписанные в феврале 2010 г. Однако к запланированному сроку (01.04.2011) договоры между Беларусью и Польшей, а также Литвой не вступили в силу по ряду причин экономического, организационного и политического характера. Договор о малом приграничном движении начал действовать с 2012 г. только в отношении белорусско-латвийского пограничья, которое является не столь протяженным.

Национальный уровень правового регулирования приграничного сотрудничества составили внутренние законы, регулирующие отдельные аспекты приграничного сотрудничества с сопредельными странами. В Беларуси к данному уровню можно отнести законы «О государственной границе Республики Беларусь», «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», «О внешних инвестициях на территории Республики Беларусь» и др. Основные направления в области трансграничного сотрудничества представлены в Законе «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь», принятом 14 ноября 2005 г. Пункт 37 данного закона предусматривал поощрение еврорегионов как формы приграничного

сотрудничества в целях сглаживания различий в уровнях социально-экономического развития территорий, развития приграничной инфраструктуры, совместного решения проблем в сфере охраны природы, преодоления дисбаланса в вопросах занятости населения, культурных и языковых барьеров [11].

Кроме этого, в целях координации совместной деятельности органов государственного управления при реализации приграничного сотрудничества Беларусь с сопредельными странами 18 декабря 2004 г. был создан Межведомственный координационный совет по вопросам приграничного сотрудничества с сопредельными странами под руководством министра иностранных дел [12]. В состав Совета вошли представители ряда министерств, пограничной и таможенной служб, а также региональных властей. Несмотря на это в Беларусь ощущался дефицит единой концепции развития приграничного сотрудничества. В 2007 г. был разработан проект Государственной программы развития еврорегионального сотрудничества Республики Беларусь в целях повышения эффективности трансграничного сотрудничества на 2007–2010 гг., однако он не прошел процедуры согласования в Совете Министров Республики Беларусь и не был утвержден [13]. Таким образом, в Беларусь действовали законы, которые обеспечили правовой задел для приграничного сотрудничества, но не существовало целостной программы (либо закона, концепции).

Новый импульс развитию приграничных контактов придали указы Президента Республики Беларусь по введению в стране безвизового режима. Так, на белорусско-польской границе с июня 2015 г. стал применяться безвизовый режим на международном велосипедно-пешеходном пункте пропуска «Переров – Беловежа». Инициатива введения безвизового режима исходила от администрации Национального парка «Беловежская пуща», где и расположен пункт пропуска. В туристических целях иностранные граждане могут пересечь границу на основании действительного паспорта или иного документа, его заменяющего, пред назначенного для выезда за границу, и документа, предоставляющего право на посещение Национального парка «Беловежская пуща» и пребывание на его территории до трех суток [14]. Согласно Указу Президента Беларусь в августе 2016 г. был установлен безвизовый порядок въезда иностранных граждан на территорию туристско-рекреационного парка «Августовский канал». В целях дальнейшего развития трансграничного туризма в декабре 2017 г. был принят новый Указ Президента Республики Беларусь, согласно которому было увеличено количество пунктов пропуска для безвизового въезда иностранных граждан в отдельных районах Брестской и Гродненской областей, расширена территория их временного пребывания, а срок пребывания увеличивался до 10 дней. Это увеличило приток туристов в приграничные области: так, в 2015 г. число туристов из Польши в Брестскую область увеличился в 6,4 раза по сравнению с 2014 г. [15, с. 180].

Основную долю договорно-правовой базы приграничного сотрудничества Беларусь со странами-соседями составили соглашения межрегионального и локального уровня. Они основывались на документах межгосударственного уровня и сумели учесть аспекты, не нашедшие отражения в соглашениях высшего уровня. Наиболее активно в этом направлении развивалось сотрудничество Беларусь с Польшей и Украиной.

Уже в начале 1990-х гг. руководители Брестской и Гомельской областей заключили договоры о двустороннем сотрудничестве с приграничными Черниговской, Житомирской, Волынской и Ровенской областями Украины. Это придало официальный характер их сотрудничеству. Межрегиональные двусторонние договоры этого периода акцентировали внимание на развитии экономических взаимоотношений, позволяли заключать прямые договоры между предприятиями, создавать совместные предприятия и производства, формировать рыночную инфраструктуру и др. Данные документы способствовали расширению приграничного сотрудничества в социальной, научно-технической и культурной областях. А в декабре 1994 г. в г. Луцке было подписано Соглашение между Брестским областным Советом народных депутатов и Волынским об-

ластным Советом народных депутатов о развитии приграничного сотрудничества, где содержались условия развития контактов в различных областях [16, арк. 1–5].

Только к 1997 г. увидели свет рамочные соглашения о социально-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве администраций украинских приграничных областей и исполнительных комитетов белорусских областей: соглашение между Брестской и Житомирской областями (12.12.1996), между Брестской и Ровенской (26.12.1996), между Гомельской и Киевской (15.08.1997) и др. Несмотря на широкий спектр заявленных в соглашениях направлений сотрудничества, преимущество безоговорочно получила сфера экономики. Однако двусторонние межобластные соглашения не обеспечивали полноценного взаимодействия приграничных регионов. В 1998 г. были обновлены соглашения о развитии приграничного сотрудничества между Брестской и Волынской областями, а с начала 2000-х гг. – о социально-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между облисполкомами Беларуси и администрациями приграничных областей Украины [17, с. 12–13]. Эти документы содержали подробное правовое описание приграничного сотрудничества в сферах экономики, культуры и искусства, спорта и туризма, науки и просвещения, охраны окружающей среды, взаимопомощи при возникновении чрезвычайных ситуаций и преодолении их последствий, сотрудничества правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Приграничное сотрудничество Беларуси с Польшей осуществлялось в рамках договоров между административно-территориальными единицами: областями и воеводствами, районами и гминами, городами. 5 сентября 1991 г. во время визита в Брест делегации из г. Бяла Подляска во главе с президентом города М. Радецким был подписан бессрочный договор о сотрудничестве городов. Договор предусматривал тесные экономические взаимосвязи, создание белорусско-польских предприятий, обмен опытом в социальной сфере. Создавались благоприятные условия для более глубокого сотрудничества в культурной области, а также в науке, спорте, налаживался широкий обмен информацией о жизни двух городов [18, с. 181]. В ноябре 1991 г. между исполкомом Брестского областного Совета депутатов и Управлением Люблинского воеводства было подписано соглашение о сотрудничестве, в апреле 1995 г. – соглашение о сотрудничестве Брестской области с Бялоподляским воеводством, в январе 1997 г. как продолжение этого соглашения – протокол о развитии двусторонних связей в области экономики, культуры, спорта, медицины и охраны окружающей среды, а в октябре 1998 г. – соглашение о приграничном сотрудничестве. Были заключены также соглашения между Гродненской областью и Сувалковским воеводством о развитии приграничных хозяйственных и культурных связей (8 февраля 1995 г.), Белостокским (5 июня 1995 г.) и Ольштынским (26 октября 1995 г.) воеводствами [19, с. 70]. В последующем эти договоры обеими сторонами неоднократно перезаключались. Наиболее активным участником приграничных контактов с Литвой также стала Гродненская область. Соглашения устанавливали прямые связи на уровне отдельных районов, содействовали развитию побратимских связей. Так, в 2001 г. было оформлено договорное сотрудничество г. Гродно с г. Друскининкай, в 2008 г. – с г. Лаздияй, в 2009 г. – с г. Алитус [20]. С латвийской стороной налаживал тесное сотрудничество Витебский регион: с 1995 г. осуществлялось сотрудничество г. Витебска с г. Резекне, с 1998 г. – с г. Даугавпилс; г. Браслав установил партнерские отношения с г. Краслава [21]. В целом основными направлениями взаимодействия с Литвой и Латвией стали сотрудничество в туристической сфере, в области экологии и культуры, а также по вопросам благоустройства приграничной инфраструктуры. С начала 2000-х гг. в реализацию приграничного сотрудничества активно включались и северо-западные районы Минской области: Мядельский, Молодеченский, Вилейский, Воложинский, Столбцовский, Несвижский и Клецкий. Это стало возможным благодаря реализации таких программ, как «Польша – Беларусь – Украина», «Латвия – Литва – Беларусь», «Регион Балтийского моря», в рамках Европейского инструмента добрососедства и партнерства.

Договоры и соглашения 1990-х гг. о двустороннем сотрудничестве между приграничными регионами Беларуси, Польши, Литвы и Латвии стали прочной правовой основой для развития более широких контактов. В последующие годы они не теряли своей значимости, а только расширялись, что привело к созданию еврорегионов «Неман», «Буг», «Озерный край», «Беловежская пуща» и «Днепр».

Локальный уровень приграничного сотрудничества составили соглашения, контракты и договоренности между хозяйствующими субъектами, учреждениями, коллективами приграничных регионов. Они регламентировали конкретные производственно-кооперационные, научно-технические, коммерческие, культурные отношения как средство укрепления добрососедства. Локальный нормативно-правовой механизм приграничного сотрудничества решал конкретные задачи, реализуемые определенными субъектами в соответствии с собственными интересами согласно подписанным контрактам, соглашениям. Так, были заключены прямые договоры о сотрудничестве между Брестским городским Домом культуры и Домом культуры (ГДК) и Гминным Центром культуры в Корощине, о сотрудничестве торгово-промышленных палат приграничных регионов и т.д. [20, л. 336–338]. Вместе с тем следует также учесть устные, или «джентльменские», соглашения, не зафиксированные в документах и не подкрепленные юридически. Весьма часто представители разных сторон согласовывали свои действия, договаривались, не оформляя это на бумаге. Такие договоренности свидетельствовали о высокой степени доверия и интегрированности субъектов как важные показатели добрососедства.

Заключение

Приграничное сотрудничество стало важным механизмом проведения внешней политики государства, способствовало более тесной регионализации и укреплению добрососедских отношений на межгосударственном уровне. В его реализацию активно вовлекались прилегающие к границам административно-территориальные единицы Беларуси, Литвы, Латвии, Польши и Украины, становясь связующим звеном между государствами. Ведь сопредельным странам необходимо было выстраивать двусторонние отношения с учетом новых геополитических реалий, вызванных распадом СССР.

Приграничное сотрудничество Республики Беларусь со странами-соседями основывалось на широкой договорно-правовой базе на пяти уровнях: международном, межгосударственном, национальном, межрегиональном и локальном. Эти уровни тесно взаимосвязаны, каждый из них функционировал с учетом критерии остальных. Наиболее активно развивалось сотрудничество по оформлению договорно-правовой базы взаимодействия Беларуси с Польшей и Украиной, с Литвой и Латвией продвигалось более медленными темпами. Благодаря программам Европейского инструмента добрососедства и партнерства приграничное сотрудничество между этими странами интенсифицируется. Международный и межгосударственный уровни стали фундаментом дальнейшего развития правового элемента приграничного сотрудничества, получившего позже развитие в виде создания еврорегионов, а также обеспечили участие этих территорий в совместных проектах и программах, в том числе финансируемых ЕС.

Однако неполная разработанность национально-правовой базы приграничного сотрудничества, слабость реальных организационно-правовых механизмов его обеспечения, а также расхождения между внутренним законодательством сопредельных стран и нормами международного права, банальное незнание нормативной базы соседей сдерживали развитие приграничных взаимоотношений. Тем не менее межрегиональный и локальный уровни правовой базы стали наиболее разветвленными, они определяли более конкретные и точные формы, направления и условия приграничного сотрудничества благодаря учету особенностей того или иного региона. Активно в правовое оформление приграничных контактов вовлекались и районные центры. Непосредственную заинтересованность в укреплении добрососедства и развитии приграничного сотрудничества проявляли местное население и органы власти, деловые круги, общест-

венные организации. Безусловно, ряд заключенных правовых актов имел рамочный характер, осложняющий реализацию конкретных условий на практике. Однако на протяжении последних десятилетий между Беларусью и сопредельными странами сложилось разветвленное законодательство приграничного сотрудничества, стимулирующее взаимодействие в различных областях. Благодаря прочной нормативно-правовой базе партнерам удалось воплотить ряд проектов, отвечающих интересам приграничья, тем самым укрепив пояс «добрососедства».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сосуществование народов и добрососедские отношения – гарантія безпекиності і стабільності в Європе // Вестн. М-ва іностр. дел. – 1998. – № 4. – С. 15–17.
2. Улахович, В. Е. Формування основ зовнішньої політики Республіки Білорусь (1991–2005 рр.) / В. Е. Улахович. – Мінськ : Харвест, 2009. – 352 с.
3. Листування з питань укладання міжурядових угод з Республікою Білорусь та їх виконання // Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). – Ф. 2. Оп. 15. Спр. 3834. Арк. 65.
4. Документи про роботу МЗС України у 1993 році, пріоритети потреби України в контексті розширення співробітництва з Євросоюзом, підсумки засідання Ради міністрів закордонних справ ЄС (16.05.1994 р.) і ін. (звіт, заява, директиви, меморандум, програма, інформації, доповідні записи, листування) // ЦДАВО України. – Ф. 5233. Оп. 1. Спр. 437. Арк. 173.
5. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, Мадрид, 21 мая 1980 г. СДСЕ № 106 [Электронный ресурс] // Совет Европы : Бюро договоров. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/106.htm>. – Дата доступа: 27.01.2018.
6. Межрегиональное и приграничное сотрудничество государств – участников СНГ: проблемы перспективы : информ.-аналит. докл. / Исполнительный комитет СНГ. – М. : ВИНИТИ, 2006. – 240 с.
7. Конвенция о межрегиональном сотрудничестве государств – участников СНГ [Электронный ресурс] : [заключена в г. Бишкеке 16.09.2016 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
8. Пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Украіны аб супрацоўніцтве прыграничных абласцей Рэспублікі Беларусь і Украіны : 12 мая 1997 г. // Знешняя палітыка Беларусі : зб. дак. і матэрыялаў / склад. У. Е. Снапкоўскі [і інш.]; рэдкал.: С. М. Мартынаў (старш.). – Мінск : БДУ, 2008. – Т. 8 (1996–2000 гг.). – С. 118–123.
9. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о выездной ярмарочной торговле в приграничных регионах Беларуси и Украины товарами национального производства // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 170. – Ст. 2/1706.
10. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о порядке пересечения белорусско-украинской государственной границы гражданами, проживающими в приграничных районах // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – 27 авг. – № 64. – 3/23.
11. Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 188. – 2/1157.
12. О создании Межведомственного координационного совета по вопросам приграничного сотрудничества с сопредельными странами : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 18 дек. 2004 г., № 1602 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 1. – 5/15324.

13. Государственная программа развития еврорегионального сотрудничества Республики Беларусь в целях повышения эффективности трансграничного сотрудничества на 2007–2010 гг. // Текущий архив управления внешних экономический связей Брестского областного исполнительного комитета. – Папка «Трансграничное объединение Еврорегион “Буг” (2007–2009 гг.)».

14. Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ Беларусь, 9 марта 2015 г., № 115 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

15. Статистический ежегодник Брестской области – 2018 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, Гл. стат. упр. Брест. обл. – Минск, 2018. – 457 с.

16. Документи про розвиток прикордонного співробітництва між Волинською та Брестською облрадою (договори, карта, угоди) за 1994–1998 рр. // Державний архів Волинської області. – Ф. Р-3505. Оп. 1. Спр. 88. Арк. 1–5, 7–9.

17. Бурик, Е. А. Становление договорно-правовой основы белорусско-украинского приграничного сотрудничества / Е. А. Бурик // Междунар. отношения: история, теория, практика : материалы II науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ, Минск, 2 апр. 2012 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – С. 11–15.

18. Информация о соглашениях и договорах о побратимских связях и партнерских отношениях, заключенных с городами и районами дальнего и ближнего зарубежья // Текущий архив Гомельского отделения БелТПП. – Папка «Соглашения о сотрудничестве с ТПП СНГ и стран Балтии, ТПП дальнего зарубежья».

19. Klim-Klimaszewska, A. Kontakty Białej Podlaskiej i Brześcia jako przykład współpracy samorządów miast / A. Klim-Klimaszewska // Blisko, a tak daleko: polacy w obwodzie Brzeskim na Białorusi : Блізка, а так далёка: палякі ў Брэсцкай вобласці ў Беларусі / Siedleckie Towarzystwo Naukowe, Stowarzyszenie «Współnota Polska» ; red. nauk. A. Bobryk. – Warszawa, 2004. – S. 181–184.

20. Дорняк, И. И. Белорусско-польское экономическое и культурное сотрудничество в 1991–2004 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. И. Дорняк. – Гродно, 2010. – 160 л.

21. Информация о международных культурных связях за период 2005 – ноябрь 2007 гг. // Текущий архив Управления культуры Брестского облисполкома. – Папка : «Международное культурное сотрудничество Брестской области».

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.10.2018

Burik E.A. The Development of a Legal Basis for Cross-Border Cooperation of the Republic of Belarus with Neighboring Countries

The article analyzes the development of the legal framework of cross-border cooperation between Belarus and neighboring countries. It is stated that it was based on five levels: international, intergovernmental, national, regional and local. Each of these levels is able to function only according to the criteria of the others. It is noted that the interregional and local levels of the legal framework have become the most extensive; they determined more specific and accurate forms, directions and conditions of cross-border cooperation. The most actively developed cooperation on registration of the legal framework of cooperation is between Belarus and Poland and Ukraine.

УДК 930(476)

A.A. Савіч

канд. гіст. навук, дац., дац. каф. гісторыі славянскіх народоў

Брэсцкага дзяржунага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

e-mail: uleks@tut.by

**ПАЛІТЫКА ПОЛЬШЧЫ І СТАНОВІШЧА ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ
Ў 1921–1939 гг. У АДЛЮСТРАВАННІ АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ
1920-х – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ 1950-х гг.**

Раскрываеца абумоўленасць акцэнтаў і фармулёвак прэзентацыі адпаведных пытанняў сацыяльна-палітычнымі прыярытэтамі савецкай улады. Выяўляюча асноўныя тэматычныя сюжэты, іх палітыка-ідэалагічная скіраванасць, дынаміка фармулёвак і акцэнтаў даследаванняў адносна стрыжнёвых аспектаў тэмы. Прадстаўлена айчынная гісторыяграфічная канцепцыя палітыкі Польшчы ў Заходній Беларусі. Апублікаваныя працы акцэнтавалі ўвагу на акутацыінай, захопніцкай сутнасці польскай улады, стварэнні Польшчай жорсткага рэжыму абмежаванняў і пераследаў у дачыненні да мясцовага няпольскага насельніцтва, скіраванага на асіміляцыю і паланізацыю Заходній Беларусі, і адразніваліся высокім ідэйна-палітычным і эмасыйным узроўнем з відавочнай арыентацыяй на неабходнасць організацыі рэвалюцыйнай барацьбы. Першапачатковая наяўнасць аб'ектаўных звестак пра станоўчыя з'явы заходнебеларускай рэчаіснасці паступова змянілася спрошчанай, тэндэнцыйнай, схематычнай падачай падзеі на фоне агульнага негатыўнага стаўлення да польскай улады.

Уводзіны

Становішча Заходній Беларусі 1921–1939 гг. у складзе Польшчы і палітыка польскіх уладаў у дачыненні да «кressau» заўсёды былі адным з прыярытэтных напрамкаў айчыннай гісторычнай навукі. Вывучэнне гісторыі Заходній Беларусі ў складзе Польшчы было абумоўлена ў 1920–1930-я гг. дзяржаўна-палітычнымі і сацыяльна-эканамічнымі прыярытэтамі савецкай улады. Відавочнай падставай для актыўнага фарміравання ў тагачасным айчынным ідэйна-палітычным трэндзе адмоўнага вобраза «белапанскай Польшчы» як захопніцы і ворага рабочых і сялян сталі нядобразычлівия і гвалтоўныя дзеянні польскіх уладаў па ўсталяванні свайго панавання на беларускіх ашарах як у час польска-савецкай вайны, так і пасля Рыжскага міру. Айчынная гісторыяграфія 20–50-х гг. ХХ ст. сферміравала вялікі пласт публістычнай і навукова-папулярнай літаратуры, дэтэрмінаванай сацыяльна-класавымі, палітыка-еканамічнымі патрэбамі савецкага кіраўніцтва. Мэтай артыкула з'яўлецца выяўленне ідэйна-палітычных прыярытэтаў айчыннай гісторычнай навукі 1920-х – першай паловы 1950-х гг. і стварэнне гісторыяграфічнай канцепцыі палітыкі міжваеннай Польшчы і становішча Заходній Беларусі ў 1921–1939 гг.

Ідэйна-палітычная скіраванасць і змест айчыннай гісторыяграфіі палітыкі Польшчы і стану Заходній Беларусі ў 1921–1939 гг.

Ажыццёўленыя ў савецкай краіне сацыялістычныя пераўтварэнні, рэзка негатыўна ўспрынятыя афіцыйнымі дзяржаўнымі коламі Польшчы, сарваныя летам 1920 г. польскім супрацівам прэтэнзіі бальшавіцка-камінтэрнаўскага кіраўніцтва на распаўсюджванне сусветнай рэвалюцыі, пазіцыянуналі Польшчу як аднаго з галоўных ворагаў Савецкай Рэспублікі, СССР і БССР. Негатыўныя фармулёўкі ў дачыненні да польскай улады ўзмацняліся і дзякуючы актыўнай антыакупацыйнай рыторыцы, якая сыходзіла і ад нацыянальна арыентаваных беларускіх дзеячаў, якія ў адстойванні беларускіх нацыянальна-дзяржаўных прыярытэтаў БНР ажыццяўлялі сярод мясцовага насельніцтва агітацыйна-пропагандысцкія мерапрыемствы, арганізацыйна-падрыхтоўчыя дзеянні паўстанцкага харкту, паралельна з гэтым актуалізуючы беларускую проблематыку дыплама-

тычнымі сродкамі на міжнароднай арэне. У выніку гэтага ў пачатку 1920-х гг. паступова гісторыяграфічна складваўся надзвычай негатыўны вобраз Польшчы і яе палітыкі ў Заходній Беларусі, які павінен быў кансалідаваць насельніцтва па абодва бакі рыжскай мяжы на падставе ідэалогіі і практичных мерапрыемстваў антыакупацыйнай нацыянальна-вызваленчай барацьбы. Аўтарытэтным пачынальнікам такай гісторыяграфічнай традыцыі стаў А. Луцкевіч, які ў сваёй вядомай працы прадстаўвіў вобраз захопніцкай Польшчы, пацвярджаючы адпаведныя тэзісы яркім і красамоўнымі прыкладамі злоўживанняў прадстаўнікоў польскай ваеннай і цывільнай адміністрацыі на захопленых землях Беларусі [1]. Пры гэтым неабходна адзначыць памяркоўнае стаўленне да мерапрыемстваў польскай улады з боку нацыянальна арыентаваных беларускіх колаў Заходній Беларусі, якія, нягледзячы на навязванне палякамі сваіх парадкаў, разлічвалі на наладжванне партнёрскіх узаемаадносін з польскай уладай, пры гэтым неадназначна ацэньваючы яе практичныя дзеянні [2–4]. Відавочна паланафільскія погляды дэмантравала газета «Еднасць», якая заклікала беларусаў да кансалідацыі і легальнаў актыўнай грамадскай справы, у тым ліку ўдзелу ў выбарах у польскі сейм, зыходзячы з таго, што «будучы Сойм, які выбірае гэты народ у сваёй большасці – безумоўна выявіць волю і жаданні не паноў і іх хаўруsnікаў, а сялянскага і рабочага люду, з якім ідзе і ўся дэмакратыя Польшчы» [5]. Адназначна адмоўную пазіцыю ў дачыненні да Польшчы дэмантравалі эсэраўскія дзеячы, якія выступалі за ўмацаванне беларуска-літоўскіх дзяржаўна-палітычных сувязей, у прыватнасці К. Дуж-Душэўскі, вядомы беларускі палітык, у 1920-я гг. – супрацоўнік міністэрстваў беларускіх і замежных спраў Літвы [6].

Сваёй танальнасцю адназначна фарміравалі ўяўленне пра Польшчу як ворага беларускага народа, рабоча-сялянскай улады, БССР і СССР перыядычныя выданні БССР. Вядома, што пасля няўдалага паходу на Варшаву і заключэння Рыжскай дамовы вырашэнне лёсу Заходній Беларусі звязвалася з развіццём класавай, рэвалюцыйнай нацыянальна-вызваленчай барацьбы, ідэі сусветнай рэвалюцыі. Ідучы па шляху рэалізацыі гэтих планаў, савецкае кіраўніцтва актыўна праводзіла працу па інспірацыі і падтрымцы антыпольскіх настроў у Заходній Беларусі. Найважнейшымі ў гэтым сэнсе былі дзеянні па выкryванні ў перыядычным друку рознага кшталту мерапрыемстваў польскіх уладаў у Заходній Беларусі, тым больш што палітыка Польшчы ў дачыненні да беларусаў на «крэсах» была ў канчатковым выніку скіравана на іх паланізацыю. Таму ўжо ў пачатку 1920-х г. у перыядычным друку БССР з'явіліся артыкулы, прысвечаныя заходнебеларускай проблематыцы [7, с. 22]. Публіцыстыка ўздымала пытанні знаходжання Заходній Беларусі ў складзе Польшчы, даючы адназначна адмоўную ацэнку палітыка-прававому, сацыяльна-эканамічнаму і сацыяльна-культурнаму становішчу, якое складвалася ў той час на «крэсах» у выніку акупацыйна-захопніцкай, асімілятарскай палітыкі Польшчы. Публікацыі ў перыядычным друку павінны былі садзейнічаць уздыму рэвалюцыйнага руху ў краі, аказаць маральна-палітычную падтрымку яго ўдзельнікам у змаганні з польскім рэжымам. Такога кшталту матэрыялы, выяўляючы савецкія партыйна-дзяржаўныя пазіцыі ў дачыненні да знаходжання Заходній Беларусі ў складзе Польшчы, сталі нормай айчыннага публіцыстычна-прапагандысцкага стылю [8–11].

З сярэдзіны 1920-х гг. у фарміраванні інфармацыйнага поля заходнебеларускай рэчаіннасці гісторыка-публіцыстычныя матэрыялы дапаўняюцца больш значнымі публікацыямі ў выглядзе кніг, зборнікаў артыкулаў і дакументаў, якія выдзяляюцца сваёй красамоўнасцю і канцептуалізацыяй заходнебеларускай тэматыкі на падставе антыпольскай антыакупацыйнай рыторыкі [12–17]. Асаблівасцю некаторых матэрыялаў з'яўляецца спроба філасофскага асэнсання становішча беларусаў у Польшчы, стану і задач нацыянальнага адраджэння беларускага народу на фоне рэалізацыі захопніцк-інтэграцыйных дзяржаўна-палітычных праектаў Польшчы, польскай палітыкі ў Заходній Беларусі і яе наступстваў. У прыватнасці, такой адметнасцю вызначаюцца артыку-

лы з віленскага зборніка «Заходняя Беларусь», матэрыялы якога былі падрыхтаваны ў 1923–1924 гг. Заходнебеларускія аўтары, апрача крытыкі ў дачыненні да польскай палітыкі, якая «пагражае самаму існаваньню беларускай нацыянальнасці» (А. Луцкевіч), дэманстравалі аптымізм і надзею на канструктыўнае супрацоўніцтва з польскім грамадствам, нягледзячы на дэструктыўныя дзеянні польскай улады. На фоне адсутнасці грамадскай кансалідацыі беларусаў адносна абароны каштоўнасцей нацыянальна-культурнага і грамадскага характару яны заклікалі да калектыўнай самаахвярнасці (І. Канчэўскі), на фоне «паваенай барбaryзацыі эўрапейскага грамадзянства, гэткую сільнную і ў Польшчы», заклікалі да адстойвання «беларускага духу» ва ўмовах рэальнай перспектывы поўнай асіміляцыі беларусаў і іх «дэнацыяналізацыі» У. Самойла (Суліма) [12, с. 5, 8, 67, 68].

Негатыўным стаўленнем да польскай улады і перакананнем у неабходнасці расчай барацьбы з польскай акупацыяй выдзяляліся выданні БССР. Краевугольным каменем афіцыйнай савецкай ідэлогіі і гісторыяграфіі ў дачыненні да адлюстравання гісторыі Заходняй Беларусі быў тэзіс аб Польшчы як аб класава варожай дзяржаве, якая абараняе інтэрэсы памешчыкаў і капіталістаў, садзейнічаючы абнішчэнню мясцовага насельніцтва і заняпаду заходнебеларускай эканомікі [14, с. 38; 17, с. 27; 18, с. 43]. Пры гэтым нацыянальны ўціск для забеспечэння паланізацыі і асіміляцыі заходнебеларускага насельніцтва падаваўся як асноўная прыкмета польскай улады. Мэтам канчатковага замацавання Заходняй Беларусі за Польшчу, пазбаўлення «крэсавых абшараў іх нацыянальнага твару» служыла гвалтоўная палітыка польскай улады па насаджэнні польскай мовы і польскай культуры праз адміністрацыю, суд, школу, касцёл, войска, чыгунку, пошту і г.д. Абапіраючыся на створаныя пры падтрымцы заходніх краін узброенныя сілы, на падставе розных ваенных саюзаў Польшча імкнеца забяспечыць «утрыманье Крэсаў», перапаўняючы іх войскам, паліцыяй, адміністрацыяй, «зъверскім задушэннем усякіх адзнак нездавольства і бунту, каб забіць нават самую волю крэсавага жыхарства, перарабіць яго ў пакорлівую масу, сълепа-паслушную ўсім загадам з Варшавы» [19, с. 16]. М. Лучанін акрэслівае чатыры сферы дзяржаўна-палітычнага рэжыму, якія найбольш відавочна дэманструюць акупацыйна-захопніцкую, асіміляцыйную сутнасць Польшчы. Як крыніцы рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі аўтар вылучае нацыянальную, сацыяльную, палітычную і рэлігійную. Пры гэтым Лучанін не называе ў якасці праблемных сацыяльна-еканамічныя пытанні, хаця ў пераліку «польскіх каменьняў» на першае месца ім пастаўлена зямельная справа, за ёй асадніцтва і поўтым «школа, газэты, адміністрацыя, паліцыя, шпікі, жандармэрыя, войска, самаўрады, кооперацыя, падаткі, экономічны крызіс, безрабоцьце, рэлігійны ўціск і г.д.» [14, с. 24].

Крывадушнасць і вераломства польскіх правячых колаў аўтары пацвярджалі ігнараваннем міжнародных абавязкаў Польшчы па забеспечэнні нацыянальна-культурных праў этнічных меншасцей. Публікацыі спрэядліва звярталі ўвагу на тое, што Польшча прыкрывалася гучнымі лозунгамі і дэмакратычнымі законамі, якія маскіравалі свавольства буржуазна-памешчыцкай улады, злачыннасць і незаконнасць захопу Польшчай заходнебеларускіх зямель і насаджэнне жорскага акупацыйнага рэжыму [14, с. 38; 17, с. 10–11].

Звяртаючы ўвагу на роўныя права для ўсіх рэлігій паводле польскай канстытуцыі, аўтары актуалізавалі пытанне канфесійнай палітыкі Польшчы, мэтанакіравана павялічвалі яе нядобразычлівія намеры ў дачыненні да праваслаўной царквы і ўвогуле да беларускага народа, адназначна выстаўляючы каталіцызм як сродак асіміляцыі і паланізацыі краю. Акцэнтацыя на абмежаванні ў дачыненні да праваслаўя і праваслаўных, закрыцці цэркваў, шматлікія мерапрыемствы рэвіндикацыі павінны былі ўзмацніць негатыўнае стаўленне праваслаўнага насельніцтва да польскай улады і каталіцкай царквы як праваднікоў і выканаўцаў асіміляцыйнай польскай палітыкі. Пры гэтым

з агульнага праваслаўнага асяродка выдзяляліся праціўнікі польска-каталіцкай улады і яе прыхільнікі. Да зраднікаў інтэрсаў народа аднесены і вышэйшыя праваслаўныя іерархі, «пастаўленыя на адпаведныя пасады польскім чыноўнікамі», таму аўтарытэт «іх зусім слабы», а праваслаўныя беларусы не хоцуць прызнаваць за сваіх і «проста прагналі-б іх вон, як наймітаў польскага ўраду, каб маглі гэта зрабіць» [14, с. 40–41]. «Праваслаўная царква стала фактарам спольшчвання, яна ў асобах сваіх вышэйших іерархаў узамен на матар’яльны добрабыт ахвотна йдзе насустроч плянам польскага ўраду» [19, с. 16].

Нядобразычліве стаўленне да беларусаў аўтары пацвярджалі і абмежаваннямі ў школьнім пытанні: польскія ўлады ўсяляк намагаліся прыпыніць працу па стварэнні беларускай пачатковай школы, разбурыць створаную раней сетку беларускіх навучальных устаноў. Так, адзін з заснавальнікаў Таварыства беларускай школы (ТБШ) А. Смоліч небеспадстаўна сцвярджаў: «Школ беларускіх на вёсцы няма; апошняя дзесятак вяскоўых школ, якія застаўся ад больш ліберальных часоў, пакрысе ліквідуецца» [20, с. 37]. У некаторых выпадках паказаны і канструктыўныя дзеянні ўладных структур па стабілізацыі становішча на «крэсах», аввостранага ў выніку актывізацыі партызанскага руху, шляхам распрацоўкі, прыняцця і ажыццяўлення «моўных законаў» [19, с. 19, 20, 25]. Аднак агульная скіраванасць польскіх уладаў на скасаванне беларускага школьніцтва была відавочнай і дэструктыўнай. Дастаткова аб’ектыўнымі былі заявы, што ў польскія школы «селянін сваіх дзяцей пасылаць ня хоча; там вучыць яго вораг, урадовец, які да сялянства адносіцца не лепш паліцыянта; навука там ня навука, але агітацыя за ненавісную Польшчу» [20, с. 37].

Справядлівага асуджэння заслугоўвала і пададзеная як каланіяльная эканамічная палітыка Польшчы, у тым ліку ў галіне прамысловасці, развіццю якой, паводле айчынных аўтараў, усялякімі сродкамі стрымлівалі і мэтанакіравана падрывалі [21, с. X]. Але ў першую чаргу аграрная сфера, з улікам падаўляльной колькасці сялян у структуры насельніцтва Заходній Беларусі, мела палітычнае значэнне і прыцягвала значную ўвагу айчынных аўтараў як сродак паланізацыі мясцовага насельніцтва. Асабліва гэта тычыцца асадніцтва, якое, як адзначалася, служыла «падвойным мэтам: беспасрэдна ваенным і палёнізатарскім» [19, с. 16]. Пры гэтым з пункту гледжання эканамічнай неабходнасці выказвалася паразуменне з польскім урадам, які, жадаючы выраўняць гушчыню насельніцтва ў розных частках дзяржавы, прыступіў да каланізацыі «ўсходніх крэсаў» выхадцамі з цэнтральнай Польшчы. «Асаднікі» на старонках выданняў заканамерна атрымалі статус праваднікоў эканамічнай, нацыянальнай, культурнай палітыкі польскага ўраду, здольныя на выкананне любых спраў, накіраваных на ўмацаванне польскага панавання, у тым ліку выканання ваенна-паліцэйскіх функцый [14, с. 24, 25; 19, с. 17; 20, с. 38, 39; 22, с. 45, 47, 54]. Справядліва адзначалася шкода польскай справе «на крэсах» ад асаднікаў, таму што асадніцтва «адпіхнула» беларускае сялянства ад «панской культуры» і ўзмацняла беларускі рэвалюцыйны рух [14, с. 25].

На гэтым фоне актыўна выкарыстоўваліся відавочныя недахопы мясцовага самакіравання як сродку ўсталявання польскага панавання. Выбары і функцыянованне мясцовага самакіравання павінны былі забяспечыць функцыянованне нізовых органаў, садзейнічаць паднавартаснаму вырашэнню бягучых адміністратыўна-гаспадарчых і сацыяльна-культурных патрэб, уцягваць мясцове насельніцтва ў легальны палітычны працэс. Савецкія аўтары дастаткова аб’ектыўна ілюстравалі недахопы «самаўрадаў». Катэгарычнасць аўтараў не пакідала сумнення ў чарговым акце непавагі да сваіх жа законаў і заходнебеларускага насельніцтва з боку польскага ўрада, які, жадаючы хутчэй «польшчыць край», запоўніў яго «хмарамі чыноўніцтва, камплектуемага з ураджэнцаў карэнай Польшчы», мясцовым жа, няпольскім элементам нікага ходу няма [19, с. 18]. Карыстаючыся шырокай палітрай мастацкіх сродкаў, аўтары красамоўна пераконвалі:

«І павятовыя і гмінныя “самаўрады” Заходній Беларусі – толькі адна назва. Выбраны яны старастаю, а не насяленьнем, і выяўляюць яны волю старасты, а не насяленьня, і, значыцца, яны зъявляюцца не грамадзянскаю, а ўрадоваю ўстановай, дапамагаючы абшарніцка-ксяндзойскай Польшчы змагацца з беларускім сялянствам». «У гмінных і павятовых самаўрадах сядзяць цяпер “паны, падпанкі, шэршні, мяшчане, ксяндзы”, але няма там “нашага” селяніна» [14, с. 36]. Славольства ў справе правядзення выбараў і падпарадкованне органаў самакіравання ваяводам і старастам выкryвалі Б. Вансоўскі і Г. Рудаміно [17, с. 13]. Паводле А. Смоліча, польская адміністратyўная сістэма ў Заходній Беларусі, дзе «адноўлены сярэднявечныя пыткі», акрамя наяўнасці «самых нялюдзкіх зъдзекаў і зъверстваў польскага поліцыянта, урадоўца і жаўнера», характарызувалася адсутнасцю прадэклараўванага нарматыўна-прававымі актамі фактычнага мясцовага самакіравання, «нават у такім скромным разьмеры, як іх тут дапускала царская Расія. Нават у воласьці-гміне сядзіць не выбраны сялянамі старшыня, а назначаны войт – у лепшым выпадку мясцовы падпанак, а ў большасці – прыезджыя палякі, часта з цёмнай біяграфіяй… Кіруе паветам самаўладца – стараста… Хабарніцтва, ашуканства бяскарна пануюць у “крэсовай” гміне» [20, с. 37–38].

Высокі ўзровень грамадскай эмакійнасці суправаджаў падачу негатыўнага вобраза польскага судаводства як лагічнага завяршэння і сімвала польскага несправядлівага і злачыннага панавання. Аўтары падкрэслівалі варожую сацыяльна-класавую сутнасць польскай буржуазна-памешчыцкай сістэмы. Асобнае месца ў выкryванні судовай улады займалі згадкі пра ваенна-палявыя суды, уведзеныя ў Заходній Беларусі пасля актывізацыі паўстанцка-партызанскіх дзеянняў: «Тут выносяць прыгывара аб съмерці толькі па адным падазрэнні, бяз усякіх рэчавых доказаў віны… Ніколі ня могуць злаўіць сапраўднага вінавайцу, а накідаўцца на западазронага і цягнуць яго пад суд, які і выносіць прыгавор аб съмерці» [14, с. 43–44]. Адзначаючы зацікаўленасць айчынных савецкіх аўтараў у іх патрыятычным жаданні забяспечыць вобраз несправядлівага польскага панавання, заўважым, што такога кшталту разважанні ігнаруюць шырока вядомыя прыклады вынясення справядлівых і нават апраўданых прысудаў у дачыненні да апанентаў польскай улады, у тым ліку западозранных у партызанскай дзеяннасці [23, с. 58–59].

Своеасаблівай энцыклапедыяй злойжыванняў польскай улады розных узроўняў па справядлівасці лічыцца зборнік «Інтэрпэляцыі беларускіх паслоў у польскі сойм». Да статкова інфарматыўным і красамоўным з'яўляецца «Паказынік характару інтэрпэляцыі, зъмешчаных у зборніку, і іх месца», у якім па рубрыках прадстаўлены асобныя накірункі і праявы злачынстваў прадстаўнікоў польскай улады. Сярод іх «Прасльедаваныні ў галіне народнае асьветы і школы», «Прасльедаваныні беларускае прэсы», «Гвалтоўная аграрная політыка», «Адміністрацыйныя напраўнасці і прасльедваныні», «Масавыя бяспраўныя арышты, катаваныні і зъдзекі», «Зъдзекі жаўнераў над насельніцтвам», «Зъдзекі і біцьцё дзяцей-вучняў» і інш. [16, с. III–IV]. Але адзначым, што са-ма працэдура, якая дазваляла сабраць і прапанаваць ўзве вышэйшай заканадаўча-прадстаўнічым уладам Польшчы выкryвальныя і скандальныя прыклады злачынстваў, безумоўна, пацвярджала наяўнасць у краіне дэмакратычных механізмаў, што не прываблівала савецкіх ідэолагаў.

Гэта трэба аднесці і на карысць іншых выданняў, якія рэзка выкryвальна пазіцыянувалі Польшчу ў другой палове 1920-х гг., але на фоне згортвання беларусізацыі і дэмакратычных тэндэнций грамадска-палітычнага жыцця і, наадварот, нарастання аўтарытарна-таталітарных прыкмет жыцця ў БССР, актыўнай інспірацыі беларускага нацыянальнага дэмакратызму, на фоне індустрыйлізацыі і калектывізацыі паказвалі становучыя аспекты гісторыі Польшчы. У першую чаргу, гэта парадаксальна тычыцца выданняў, якія яскрава і шматпланава ілюстравалі падзеі, звязаныя з забаронай Грамады [24–27]. У гэтym шэрагу сваім высокім публістычным стылем з элементамі навуко-

вага падыходу выдзяляеца выданне 1929 г. пад красамоўнай назвай «Западная Белоруссия на скамье подсудимых» [27]. У ім разам з раней шматразова агучанымі тэзісамі пра вядомыя і прызнаныя заганы польскай палітыкі праілюстраваны высокі ўзоровень і спеласць судовай сістэмы Польшчы, што відавочна дысаніравала з савецкай судовай практикай, антыгуманная і неправавая сутнасць якой паглыбілася яшчэ больш у 1930-я гг. [27, с. 4]. Выданне акцэнтуе ўвагу на нацыянальным уціску польскай улады ў дачынені да беларускага насельніцтва, але змяшчае інфармацыю пра насычанае сацыяльна-культурнае жыццё; прыведзены варыянты інтэграцыі заходнебеларускіх зямель, падкрэслена нязручная для савецкага кіраўніцтва легальнасць Грамады, нягледзячы на яе рэвалюцыйны імпэт і рабоча-сялянскі характар, якія не сталі перашкодай для афіцыйнага прызнання польскай уладай і наступнага яе функцыяновання як магутнага, апазіцыйнага ўраду прадстаўніка беларускага народа [27, с. 37, 39, 41, 42]. Відавочна, што ва ўмовах барацьбы за сацыялізм сітуацыя такога кшталту была недапушчальнай.

БСРГ і яе адлюстраванне яе дзеянасці на старонках розных выданняў былі своеасаблівым маркерам, які выяўляў сапраўдныя адносіны заказчыкаў і выкананіцаў да заходнебеларускай проблематыкі. Згадванне Грамады як легальнай арганізацыі рэвалюцыйнага характару, якая ўзнікла ў выніку функцыяновання дэмакратычных працэдураў у Польшчы, абвяргаў аднабаковыя, тэндэнцыйныя і неаб'ектыўныя публіцыстычныя штампы пра «крыавы польскі рэжым», «удушэнне беларускіх рабочых і сялян» і інш. Таму кіраўнікам савецкіх ідэалагічна-прапагандысцкіх інстанций, напэўна, было вельмі няёмка ад самога факту існавання Грамады і яе ідэалагічнай спадчыны. Нядзіўна, што ў другой палове 1930-х гг. у літаратуры з'явіўся зручны для савецкіх ідэолагаў тэзіс аб Грамадзе як дыверсіі пілсудчыкаў, створанай «польскім рэжымам» [7, с. 42].

У разгледзеных публікацыях на фоне беларусізацыі ў БССР яскрава выяўляеца імкненне аўтараў «беларусізаваць» заходнебеларускую сітуацыю, ігнаруючы наяўнасць і значэнне ў жыцці Заходняй Беларусі прадстаўнікоў іншых народаў, у першую чаргу яўрэяў, якія складалі вялікі адсотак гарадскага і местачковага насельніцтва. Такі «беларусацэнтрызм» быў харэктэрны, у прыватнасці, для прац А. Смоліча і М. Лучаніна, якія ў сваіх дзяржаўна-палітычных і нацыянальна-культурных памненнях зыходзілі з прыярытэтаў беларускага сялянства як вызначальнай большасці насельніцтва Заходняй Беларусі [14; 20]. Гэта выклікала незадаволенасць «небеларускіх» грамадска-палітычных дзеячаў Заходняй Беларусі і БССР, у тым ліку прапольскіх колаў. Магчыма, вынікам вядомай ідэйна-палітычнай канкурэнцыі ў камуністычным руху Заходняй Беларусі [28] як праявы некаторага ідэйна-палітычнага плюралізму ў гісторыяграфічнай сітуацыі сярэдзіны 1920-х гг. стала презентацыя і многіх станоўчых бакоў «польскага панавання». Разам з адзначанымі вышэй гэта адносіцца і да інфармацыі аб выбарах 1922 г., калі беларусам удалося «здзейсьніць сваё права... пры выбарах у Сойм, калі сам польскі ўрад быў зацікаўлены ў тым, каб насяленыне далучаных краін прымала ўдзел у выбарах, гэтым нібы згаджаючыся на сваё далучэнне да Польшчы» [20, с. 38]; звестак пра гарадскія і валасныя органы самакіравання, якія «маюць пэўныя права й абавязкі ды сваю выбарную адміністрацыю, праз якую могуць рабіць уплыў на выкананне сваіх пастаноў у галіне самакіравання», і «абцяжараны ўскладзенымі на іх дзяржаўнымі абавязкамі» [17, с. 13]. Сюды можна аднесці і некаторых эканамічныя мерапрыемствы, у тым ліку рэформы ўрада С. Грабскага, які «апраўдаў узложенія на яго спадзеі, спыніўшы спадак маркі і ўвёўшы сталую валюту. Гэтая ўдача Грабскага ў значнай меры прычынілася да новых ілюзій сярод пралетарыяту і сялянства, новых надзеянь на паляпшэнне іх жыцця» [18, с. 46]. Праявай ідэйна-навуковага плюралізму неабходна лічыць і інфармацыю беларускіх выданняў пра кааператыўны рух у Заходняй Беларусі, які з'яўляўся вынікам аб'яднання інтэлектуальных і гаспадарча-еканамічных рэсурсаў беларускага насельніцтва і нацыянальна-вызваленчага руху. Ва ўмовах наяўнасці беларускай каапе-

рацыі як самастойнага чынніка эканамічнага і сацыяльна-палітычнага жыцця адпаведная праблематыка атрымала сваё істотнае вывучэнне пры аналізе вызначальных агульнатэрэтычных, арганізацыйна-структурных, гаспадарчых, фінансавых і асветніцкіх аспектаў кааператывнага руху [14, с. 37–38; 29].

У пачатку 1930-х гг. прапагандысцкія памкненні савецкага друку былі накіраваны на максімальнае павелічэнне адчування жаху і роспачы ад дзеянняў польскай улады ў Заходній Беларусі. У сваім антыпольскім запале іх аўтары вельмі часта дэмантравалі высокую ступень эмацыйнасці на падставе гіпербалізацыі і дэмантазії фактаў нядобразычлівага стаўлення польскіх урадоўцаў да беларускага насельніцтва; шырока выкарыстоўваліся яркія мастацкія прыёмы і звароты: «крыававыя пагромы», «тысячы растрэляных рэвалюцыянероў», «ператварэнне фашистыкіх казэматаў у “фабрыкі съмерці”», «польскі фашизм залівае агнём і крывью заходнебеларускія прасторы» [11]. Гісторыкі «творча» асэнсавалі і на прыкладзе заходнебеларускіх грамадска-палітычных падзеяў ілюстравалі сталінскі тэзіс аб паглыбленні класавых супяречнасцей і рэалізацыі тэорыі «сацыял- і нацыянал-фашизму», акцэнтуючы ўвагу на tym, як на фоне «ннябачных ганенняў і рэпрэсій польскага ўраду» нацдэмы Заходній Беларусі яшчэ больш дыскрэдытиуюць сябе ў вачах народа супрацоўніцтвам з польскім «фашистоўскім» урадам, а «Астроўскі, Луцкевіч, Акінчыц і Ко – натхніцелі ўсіх жахаў і гвалтаў польскай апрычыны на Зах. Беларусі» [30; 31].

Яшчэ ў 1920-я гг. савецкія публікацыі змяшчалі інфармацыю пра імперскую, захопніцкую сутнасць Польшчы, якая, створаная краінамі Антанты як санітарны кардон, у планах сваіх мае пашырэнне тэрыторыі на ўсходзе і рыхтуеца да контррэвалюцыйнай вайны з СССР [17, с. 78; 18, с. 43]. Але больш яскравыя выявы атрымаў дадзены гісторыяграфічны дыскурс у пачатку 1930-х гг., калі на тэрыторыі Заходній Беларусі заўважаецца актыўнасць рэвалюцыйных элементаў і інспірацыя «народных паўстанняў» з надзеяй на дапамогу ад СССР, актуалізуючы думкі аб агрэсіўных намерах Польшчы ў дачыненні да Савецкай краіны, усё часцей згадваецца Польшча як плацдарм нападзення на СССР [32]. Своеасаблівым узорам антыпольскай рыторыкі і пафаснай падачы стану «на крэсах» з'явілася выданне «Краіна шыбеніц і карных экспедыцый»: «Польскі капіталістычна-абшарніцкі, фашистыкі ўрад пры дапамозе соцыял- і нацыянал-фашистыстаў розных колераў, рыхтуючыся да контррэвалюцыйнай вайны супроць Савецкага Саюзу, самым жорсткім чынам распраўляеца з рэвалюцыйнымі выступленнямі рабочых і сялян, душыць малейшыя праявы нацыянальна-вызваленчага руху шырокіх працоўных мас прыгнечаных народаў» [33, с. 3]. Аднак і гэтаму выданню не ўдалося «пазбавіцца» звестак пра адносна мяккія ўмовы ўтрымання ў польскіх турмах, пра іх кантроль з боку польскіх вышэйшых дзяржаўных і парламенцкіх улад, магчымасць выдання турэмных газет, барацьбу з турэмным рэгламентам і інш. [33, с. 6–11, 49–50, 53]. Нават простае прымяненне гісторыка-параўнальнага методу дазваляе суаднесці ўмовы турэмнага зняволення ў СССР і Польшчы не на карысць савецкага боку.

Заключэнне

Вядома, што сталінскае кіраўніцтва ў канцы 1920-х гг. на фоне развіцця сусветнага эканамічнага крызісу начало актывізацыю рэвалюцыйнага руху ў Польшчы. З гэтага часу ва ўмовах нарастання і ўмацавання аўтарытарных тэндэнций у савецкім дзяржаўна-палітычным кіраўніцтве адбываўся рост рэвалюцыйнай рыторыкі, і згаданы вышэй плюралізм пачаў мэтанакіравана абмяжоўвацца ў накірунку да ўсталявання адзінага ўніфікаванага вобразу Польшчы і Заходній Беларусі ў яе складзе. У першую чаргу для гэтага неабходна было пазбавіцца фактаграфічных дэталяў, якія «размывалі» патрэбны негатыўны вобраз Польшчы. Гэта вяло да дэградацыі заходнебеларускай гісторыяграфіі гісторыі Заходній Беларусі, схематызацыі і прымітывізацыі публікаций, іх

відавочнай тэндэнцыйнасці і заідэалагізаванасці. І калі публікацыі 1920-х гг. заўважна дэмантравалі імкненне да аб'ектыўнасці, то ў 1930-я гг. стаўленне савецкіх аўтараў да Польшчы і яе дзяржаўнасці было яскрава накіравана на іх спрашчэнне і прымітыўнасцю, што відавочна не адпавядала рэчаінасці і прыводзіла да вульгарызацыі гісторыі Заходняй Беларусі.

На адпаведнае «ачышчэнне» ад непажаданай фактаграфіі паўплывала пагаршэнне арганізацыйна-навуковых умоў пачатку 1930-х гг., звязанае з рэпрэсіямі ў дачыненні да беларускіх, а потым і польскіх грамадска-палітычных дзеячаў і навуковых кадраў у БССР і СССР і як своеасаблівы канчатковы дэкор гісторыяграфічнай сітуацыі – рэспуск КПП і КПЗБ і ўз'яднанне беларускіх зямель [7, с. 41–42]. У выніку сферміравалася версія стану Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы, аснову якой складалі тэзісы, агучаныя ў поствераснёўскіх публікацыях 1939–1940 гг. Знакаміты выраз Молатава аб Польшчы як «уродливом детище Версальскага договора, жившаго за счет угнетения непольских національностей» [34, с. 7] не даваў шанцаў гісторыкам аб'ектыўна адлюстроўваць гісторыю Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы.

Заўважнае павышэнне градуса «злачынстваў польскай улады» павінна было ў чарговы раз падкрэсліць справядлівасць кампаніі верасня 1939 г. і вызвалення «адзінакроўных братоў». На гэта былі накіраваныя як агітацыйныя матэрыялы для савецкіх работнікаў [35–38], так і больш значныя выданні [35], дзе рэзка асуджалася польская ўлада, гіпербалізаваліся памеры і ўзровень яе недахопаў. Усё гэта не павінна было пакінуць чытача раўнадушным да маркотнага мінулага «за панская Польшчай» на фоне светлых надзеяў на паляпшэнне жыцця ў сацыялістычнай Радзіме. Мэтанакіраваная і свядомая драпежная каланіяльная палітыка, заняпад прамысловасці, малазямелле і панаванне буйнога памешчыцкага землеўладання, антынародная сутнасць аграрных рэформаў, наяўнасць вялікай колькасці натуральных павіннасцей, адпрацовак, невыносімых і здзеклівых штрафаў і пабораў у канцэпцыі I. Лочмеля выяўлялі базіс створанай у Заходняй Беларусі «польскай буржуазна-памешчыцкай каланіяльнай сістэмы акупацийнага панавання, дзікага нацыянальнага прыгнёту, жорсткага пераследу беларускай культуры, гвалтоўнай асіміляцыі і паланізацыі» [39, с. 117–125]. Такога кшталту надзвычай тэндэнцыі, аднабаковае, спрошчанае асвятленне дзяржаўна-палітычнага стану Заходняй Беларусі ў складзе польскай дзяржавы стала прыкметай і пасляваенных выданняў, якія да другой паловы 1950-х гг. тыражыравалі вышэйадзначаныя тэзісы, забяспечваючы іх рысамі савецкага акадэмізму сталінскага перыяду [40–44].

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Луцкевіч, А. Польская акупацыя Беларусі / А. Луцкевіч. – Мінск : Адраджэнне, 1992. – 19 с.
2. Што за палітыка? // Беларус. ведамасці. – 1921. – 3 кастр.
3. Дзед Кузьма. Беларусы, бярыцесь за грамадzkую работу / Дзед Кузьма // Беларус. ведамасці. – 1921. – 3 кастр.
4. Chłopcy s pad Hrodny. Naša baćkauščyna – Biełaruś // Krynica. – 1921. – 23 stud.
5. Buduczy Sojm // Jednaśc. – 1921. – 29 traunia.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 476.
7. Савіч, А. А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гады): гісторыяграфія проблемы : манографія / А. А. Савіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2012. – 288 с.
8. НАРБ. – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 576.
9. НАРБ. – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 582.
10. НАРБ. – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 600.

11. НАРБ. – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 604.
12. Заходня Беларусь. Зборнік грамадзкае мыслі, навукі, літэратуры, мастацтва Зах. Беларусі. – Вільня : Друк. Вілен. вытвор. коопэратыву, 1924. – 156 с.
13. Заходня Беларусь. – Менск : ДБВ, 1925. – 68 с.
14. Лучанін, М. Заходня Беларусь пад панаваньнем Польшчы / М. Лучанін. – Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1926. – 56 с.
15. Западная Белоруссия : сб. ст. – Менск : Белорус. гос. изд-во, 1927. – Кн. 1. – 211 с.
16. Інтэрпэляцыі беларускіх паслоў у польскі сойм. 1922–1926 гг. : зб. дак. аб панскіх гвалтах, катаваньнях і зыдзеях над сялянамі і рабочымі Заходняй Беларусі. – Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1927. – 496 с.
17. Вансоўскі, Б. Куды Пілсудзкі вядзе Польшчу. Палітыка-еканамічны нарыс сучаснай Польшчы / Б. Вансоўскі, Г. Рудоміно. – Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1927. – 100 с.
18. Наступ капіталу ў Польшчы // Заходняя Беларусь : зборнік. – Менск : ДБВ, 1925. – С. 43–47.
19. Сучасная Польшча і Заходняя Беларусь // Заходняя Беларусь : зборнік. – Менск : ДБВ, 1925. – С. 3–30.
20. Смоліч, А. Сялянства Заходняй Беларусі (Яго сучаснае палажэнне) / А. Смоліч // Заходняя Беларусь : зборнік. – Менск : ДБВ, 1925. – С. 31–42.
21. Фришман, В. Промышленность Западной Белоруссии: стат.-экон. описание / В. Фришман. – Минск : Изд-во Белорус. акад. наук, 1934. – 133 с.
22. Гак, Л. Аграрная палітыка польской буржуазіі ў Заходняй Беларусі / Л. Гак. – Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі : Партмассэктар, 1933. – 95 с.
23. Бядуля, З. Партызанскі рух у Заходняй Беларусі / З. Бядуля // Заходняя Беларусь : зборнік. – Менск : ДБВ, 1925. – С. 48–68.
24. Белазеўскі, А. Заходняя Беларусь пад пятой польскіх акупантаў (За што Пілсудзкі разграміў Грамаду) / А. Белазеўскі. – Менск : Выд-ва ЦК МОПР БССР, 1928. – 45 с.
25. Беларуская сялянска-работніцкая грамада. – Менск : Дзярж. выд-ва, 1928. – 54 с.
26. Багданскі, Я. Аб клясавай барацьбе ў Заходняй Беларусі ў часы Беларускай Сялянска-Работніцкай Грамады / Я. Багданскі, Л. Бабровіч. – Менск : Беларус. акад. наук : Камісія Зах. Беларусі, 1932. – 67 с.
27. Западная Белоруссия на скамье подсудимых. Процесс Белорусской Крестьянско-Рабочей Громады. 23 февраля – 22 мая 1928 г. – Минск : Белорус. гос. изд-во, 1929. – 263 с.
28. Савіч, А. А. Фракцыйная барацьба ў КПЗБ: гісторыяграфія і перспектывы наукаўага асэнсавання / А. А. Савіч // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2017. – Т. 9, № 2. – С. 54–63.
29. Канчэўскі, І. З мінуўшчыны коопэрацыі ў Віленшчыне / І. Канчэўскі // Зах. Беларусь : зб. грамадзкае мыслі, навукі, літэратуры, мастацтва Зах. Беларусі. – Вільня : Друк. Вілен. вытвор. коопэратыву, 1924. – С. 133–141.
30. Крывавыя пагромы на Зах. Беларусі і Зах. Украіне. Тысячы растрэляных рэвалюцыянероў. Ператварэнне фашысцкіх казэматаў у «фабрыкі съмерці» // Звязда. – 1931. – 5 крас.
31. Цішка Гартны (Жылуновіч). Польскі фашызм залівае агнём і крывёю зах. беларускія і зах. украінскія прасторы. Астроўскі, Луцкевіч, Акінчыц і Ко – натхніцелі ўсіх жахаў і гвалтаў польскай апрычыны на Зах. Беларусі / Цішка Гартны (Жылуновіч) // Звязда. – 1931. – 9 крас.

32. Тарашкевіч, Б. Заходня Беларусь – пляцдарм імпэрыялістычнай інтэрвэнцыі / Б. Тарашкевіч. – Менск : Беларус. акад. навук : Каміс. па вывучэнні Заход. Беларусі, 1931. – 20 с.
33. Краіна шыбеніц і карных экспедыцый. Да 10-годзьдзя МОПР'у. – Менск : Друкарня Беларус. акад. навук, 1932. – 74 с.
34. Молотов, В. М. Доклад о внешней политике Правительства : стеногр. отчет / В. М. Молотов. – М. : Изд. Верхов. Совета СССР, 1939. – С. 7–24.
35. Гарбуноў, Ц. Год пад сцягам саветаў / Ц. Гарбуноў. – Мінск : Дзярж. выд-ва пры СНК. Рэд. паліт. літ., 1940. – 56 с.
36. Егоров, Г. Западная Белоруссия / Г. Егоров. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1939. – 40 с.
37. Пичета, В. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии / В. Пичета. – М. : Моск. рабочий, 1939. – 40 с.
38. Трайнин, И. Национальное и социальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии / И. Трайнин. – М., 1939. – 80 с.
39. Лочмель, И. Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов / И. Ф. Лочмель. – М. : Воениздат, 1940. – 163 с.
40. Горбунов, Т. Воссоединение белорусского народа в едином советском социалистическом государстве / Т. Горбунов. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1948. – 232 с.
41. Каменская, Н. В. Уз'яднанне беларускага народа ў адзінай Беларускай Савецкай сацыялістычнай дзяржаве : стэнагр. публіч. лекцыі / Н. В. Каменская. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1948. – 28 с.
42. Перцаў, В. Барацьба працоўных Заходняй Беларусі за сваё вызваленне ў перыяд польскай акупацыі (1921–1939 гг.) / В. Перцаў // Бальшавік Беларусі. – 1947. – № 12. – С. 30–38.
43. Пономаренко, В. П. Католическая церковь Западной Белоруссии – орудие колониальной политики буржуазно-помещичьей Польши (1919–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. П. Пономаренко ; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М., 1955. – 15 с.
44. Царюк, А. В. Революционное освободительное движение в Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Царюк ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1954. – 22 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.06.2018

Savich A.A. Policy Poland and the Situation in the West of Belarus in 1921–1939 in Reflected Domestic Historiography of the 1920s – the First Half of the 1950s

The conditioning accents and language presentation of the relevant issues of socio-political priorities of the Soviet regime is disclosed. The main thematic subjects, their political and ideological orientation, language dynamics and research focus on the core aspects of the topic are identified. Domestic historiographical concept of Polish policy in western Belarus is represented. The published works focused on the occupation, the aggressive essence of the Polish authorities, the creation of Poland strict regime of restrictions and persecution against the local non-Polish population, aimed at assimilation and polonization of Western Belarus, and had a high ideological and political and emotional level with a clear focus on the need for organization of the revolutionary struggle. Initial availability of objective information about the positive effects of western Belarusian reality gradually gave way to more simplified, biased and schematic presentation of events together with the general negative attitude to the Polish authorities.

УДК 94(47+57) «1941/45» + 719(476)

T.P. Савчук

канд. ист. наук, доц. каф. истории Беларуси
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: Silivaniuk@tut.by

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В 1990-е – НАЧАЛЕ 2000-х гг.
(НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

На основе разнообразных источников, как введенных в научный оборот, так и неопубликованных, показано становление и развитие системы государственных органов в сфере увековечения памяти о погибших и событиях Великой Отечественной войны в Республике Беларусь. Характеризуются основные направления их деятельности на примере Брестской области. Анализируется процесс формирования нормативно-правовой базы в данной области. Раскрыто состояние работы по поиску неучтенных воинских захоронений и захоронений жертв войны, установлению имен погибших, а также сохранению памяти о них в памятниках и монументах.

Введение

Увековечение памяти о Великой Отечественной войне включает в себя деятельность государственных органов, государственных и иных организаций, общественных объединений и граждан, направленную на сохранение уважительного отношения к событиям и погибшим при защите Отечества, их мужеству и героизму, а также жертвам войны. В качестве близкого по смыслу используется также термин «мемориализация» как совокупность механизмов сохранения и передачи памяти о войне.

Формирование политики мемориализации приходится на советский период истории Беларуси, что нашло отражение в принятии целого ряда правительственные постановлений и партийных решений того времени. Пройдя путь эволюции содержания и основных форм, концепция увековечения в своей основе осталась неизменной и в современной мемориальной практике и культуре. Что касается историографии проблемы, то тема сохранения памяти о Великой Отечественной войне представлена в отдельных публикациях М.Б. Ботвинника [1], А.А. Ковалени [2–4], И.Э. Мартыненко [5], В.В. Шумского [6].

В данной статье будет раскрыта деятельность государственных органов Брестской области по сооружению и сохранению памятников Великой Отечественной войны, а также поиску неучтенных воинских захоронений и захоронений жертв войны, установлению имен погибших в 1990-е – начале 2000-х гг.

Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в Брестской области: основные направления и итоги

С распадом Советского Союза возникла необходимость пересмотра существовавших нормативных правовых документов и формирования собственной законодательной базы. Первыми законодательными актами независимой Беларуси в деле сохранения памяти о Великой Отечественной войне и погибших в ней стали постановление Совета Министров Республики Беларусь № 763 от 21 декабря 1992 г. «Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн» [7], Указ Президента Республики Беларусь № 231 от 30 ноября 1994 г. «Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь» [8, с. 193], а также постановление Кабинета Министров Республики Беларусь № 85 от 9 февраля 1996 г. «Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн» [9, с. 194–197].

Согласно данным нормативным документам, координацию деятельности государственных органов и общественных структур в сфере увековечения памяти о войне отнесли к компетенции Министерства обороны Республики Беларусь, в котором было создано Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн (далее – Управление по увековечению). Реализация этой работы была возложена на местные исполнительные и распорядительные органы: в Минской, Гродненской, Могилевской областях, г. Минске – на управления идеологической работы, в Брестской, Гомельской и Витебской областях – на отделы по координации деятельности административных органов. В районах увековечением занимались музеи, отделы культуры и идеологической работы [9, с. 195; 10].

В 1990-е гг. основная деятельность местных государственных органов по мемориализации войны заключалась в сохранении памятников, возведенных еще в советский период. В 1997 г. решением Брестского областного исполнительного комитета был создан координирующий орган по всем вопросам сохранения, возрождения, реставрации, реконструкции, консервации, проведения научных исследований, использования историко-культурных ценностей и популяризации их среди населения. На заседаниях Межведомственного координационного совета по охране материального и культурного наследия также рассматривались вопросы увековечения памяти о Великой Отечественной войне. В районах принимались комплексные программы по охране памятников [11, л. 2, 19; 12, л. 4; 13, л. 1; 14, л. 1; 15]. Все мемориальные объекты были закреплены за предприятиями, организациями, учебными заведениями. Так, решением Пинского городского исполнительного комитета № 719 от 13.12.1991 г. разработана и утверждена программа «Спадчына» на 1991–1995 гг. [11, л. 19]. В рамках осуществления комплексной программы охраны и сбережения памятников истории и культуры на 1996–2005 гг. на территории Кобринского района был проведен капитальный ремонт братской могилы в д. Остромичи, в 1998 г. был заменен памятник на братской могиле советских воинов в д. Грушево, произведен капитальный ремонт могилы жертв фашизма в д. Каменка [12, л. 4]. В результате реализации программы на территории Брестского района было подготовлено 13 мемориальных объектов для включения в Список памятников, охраняемых государством, 22 памятника отреставрировали [13, л. 1, 8–9].

Некоторые памятники советского времени заменялись новыми, которые имели более абстрактное, символическое значение. К примеру, на месте памятника (скульптура солдата) на братской могиле советских воинов и партизан в г.п. Антополь Брестской области, установленного в 1950 г., в 1994 г.озвели новый, который представляет собой изображение трех летящих аистов и одного мертвого. Монумент увековечивает память 146 земляков и символизирует каждого четвертого белоруса, погибших в годы Великой Отечественной войны [16, с. 83].

Кроме того, появляются новые мемориальные знаки, в том числе в память о военнопленных и евреях – жертвах войны. В 1991 г. в трех км на юг от г. Иваново на братской могиле жертв фашизма открыли памятник, увековечивающий память 3 500 граждан европейской национальности [16, с. 67]. В 1993 г.озвели мемориал военнопленным Леснянского лагеря смерти в д. Березовка Барановичского района, в 1994 г. – памятный знак в честь военнопленных лагеря «Красные казармы» на ул. С. Смирнова в Бресте [16, с. 42, 46].

В целом, следует отметить, что в 1990-х гг. работа по сохранению памяти о событиях Великой Отечественной войны осуществлялась в условиях разработки национальной нормативно-правовой базы мемориализации, определялись и конкретизировались полномочия различных государственных органов и структур. Вопросы охраны военных памятников и захоронений рассматривались в рамках как общих программ по сохранению историко-культурного наследия, так и Республиканских программах по уве-

ковечению памяти защитников Отечества и жертв войн. В период с 1996 г. по 2005 г. было принято 5 программ. Они предусматривали долевое финансирование мероприятий по благоустройству мемориальных объектов за счет средств республиканского и местных бюджетов. С принятием республиканских программ деятельность по мемориализации стала носить более целенаправленный и системный характер.

В начале 2000-х гг. основные мероприятия по увековечению были связаны с подготовкой к 60-летию освобождения Беларуси и Победы в Великой Отечественной войне. По состоянию на 1 августа 2004 г. на территории Брестской области на учете состояли 575 памятников и мемориальных досок, 486 воинских захоронений и 281 братская могила жертв войны (таблица) [15, л. 19об.]. По поручению председателя Брестского облисполкома № 21/16-17 от 01.03.2005 г. с целью мониторинга технического состояния мемориальных объектов была создана областная комиссия, которая в период с 21 марта по 1 апреля 2005 г. провела соответствующую работу [17, л. 8; 18]. В итоге на 1 апреля 2005 г. были отремонтированы и благоустроены 1 134 памятника и захоронения Великой Отечественной войны. Объем финансирования составил 480,7 млн руб. [17, л. 8; 19, л. 6; 20]. После проведения республиканского субботника дополнительно на строительство и ремонт памятников было выделено 238 млн руб., в том числе на благоустройство и реставрационные работы на территории мемориала «Брестская крепость-герой» – 50 млн руб., Гарнизонного кладбища в Бресте – 24 млн руб., мемориала «Урочище Гай» (г. Барановичи) – 20 млн руб., мемориала в городском парке Пинска – 15 млн руб. и др. [17, л. 14–14об.].

Таблица. – Количество учтенных памятников, воинских захоронений и захоронений жертв Великой Отечественной войны на территории городов и районов Брестской области по состоянию на 01.08.2004

Города, район	Воинские захоронения	Братские могилы жертв войны	Мемориалы, памятники	Мемориальные доски
г. Брест	15	8	11	30
г. Барановичи	26	3	10	17
г. Пинск	5	2	12	33
Барановичский р-н	52	11	21	5
Брестский р-н	39	32	1	11
Березовский р-н	16	11	19	16
Ганцевичский р-н	10	7	27	1
Дрогичинский р-н	30	16	32	7
Жабинковский р-н	11	10	14	10
Ивановский р-н	31	29	24	8
Ивацевичский р-н	27	25	25	5
Каменецкий р-н	37	7	1	2
Кобринский р-н	44	23	40	7
Лунинецкий р-н	27	14	20	5
Ляховичский р-н	21	5	19	10
Малоритский р-н	28	29	11	8
Пинский р-н	13	26	37	5
Пружанский р-н	34	13	21	8
Столинский р-н	20	10	34	8
Всего:	486	281	379	196

Примечание – составлено по [15, л. 19об.].

В 2005 г. состоялось открытие новых памятников: мемориальный комплекс в г. Барановичи на месте гибели 31 тыс. советских военнопленных – узников концлагеря № 337, памятник на могиле жертв фашизма в д. Ляхчицы, памятные знаки землякам в д. Киселевцы Кобринского района, жертвам фашизма в д. Заболотье Малоритского района, погибшим односельчанам в д. Здитово Пинского района [12, л. 9–10] и др.

Важной составляющей деятельности в сфере мемориализации является поисковая работа. В соответствии с законодательством Республики Беларусь работу по поиску неучтенных захоронений с раскопками на местности осуществляет исключительно личный состав отдельной специализированной поисковой воинской части (52-й отдельный специализированный поисковый батальон). Так, в 2004 г. поисковой ротой Министерства обороны в г. Бресте было вскрыто захоронение по ул. Смирнова, 18, в результате чего удалось извлечь останки 51 военнопленного, погибшего (умершего) в лагере «Красные казармы» в 1942–1943 гг. [21, л. 14]. В 2004–2005 гг. производились раскопки на территории Брестской крепости с целью обнаружения останков погибших военнослужащих Красной армии в районе расположения 333-го стрелкового полка. Надзор осуществлял старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси О.В. Иов. Однако обнаружить останки периода войны не удалось.

Все воинские захоронения и захоронения жертв войны, находящиеся на территории Республики Беларусь и на территории иностранных государств, подлежат государственному учету. Сведения о погибших (умерших) военнослужащих, участниках движения Сопротивления, военнопленных, жертвах войны предоставляются в Управление по увековечению и заносятся в автоматизированный банк данных «Воинские захоронения», «Книга Памяти» [20].

По данным автоматизированного банка данных, на территории Брестской области на 2005 г. было учтено 650 захоронений периода Великой Отечественной войны с 640 установленными на них памятниками или мемориальными знаками. Количество погибших по всем типам захоронений составило 404 194 человека (известных, «личность идентифицирована», – 51 176 человек, неизвестных – 353 018 человек) [20; 22].

Установленные в ходе поисковой деятельности фамилии наносились на мемориальные доски воинских захоронений. По данным Управления по увековечению, в период с 1997 г. по 2005 г. удалось установить и увековечить фамилии 868 защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны на территории Брестской области [23].

Заключение

Таким образом, в 1990-е гг. деятельность государственных органов Брестской области по сохранению памяти о Великой Отечественной войне осуществлялась в русле формирования национальной правовой базы, регламентирующей данную сферу. Основной акцент делался на реставрацию, реконструкцию и сохранение мемориальных объектов советского периода, что нашло отражение в реализации районных комплексных программ по охране историко-культурного наследия.

С принятием в середине 1990-х гг. республиканских программ по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн и созданием Межведомственного координационного совета по охране материального и духовного наследия работа в сфере мемориализации стала системной и целенаправленной. Все учтенные памятники и захоронения Великой Отечественной войны закреплялись за предприятиями, организациями, учебными заведениями и находились под государственной охраной. С начала 2000-х гг. была введена практика ежегодного обследования технического состояния мемориальных объектов с последующим их благоустройством. Кроме того, продолжился поиск

неучтенных воинских захоронений и захоронений жертв войны, проводилась работа по установлению имен погибших и их мемориализации.

Следует подчеркнуть, что для постсоветского периода истории Беларуси характерна первостепенная роль государства в организации и осуществлении поисковой деятельности, которую координирует Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Министерства обороны Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ботвинник, М. Памятники геноцида евреев Беларуси / М. Ботвинник. – Минск : Беларус. навука, 2000. – 325 с.
2. Коваленя, А. А. Великая Победа: время и память / А. А. Коваленя // Наука и инновации. – 2010. – № 5. – С. 27–30.
3. Коваленя, А. А. Героизм, мужество, самоотверженность: навечно в памяти народной / А. А. Коваленя // Беларусь, 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память : в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Кн. 2. – С. 275–330.
4. Коваленя, А. На века в памяти людей / А. Коваленя, Е. Колесникова // Неман. – 2010. – № 5. – С. 171–189.
5. Мартыненко, И. Правовая охрана воинских мемориалов / И. Мартыненко // Судеб. весн. – 2004. – № 1. – С. 50–51.
6. Шумский, В. В. Государственный учет воинских захоронений в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / В. В. Шумский // Погибшие – Пленные – Захороненные: цифры и факты о советских и немецких жертвах в период Второй мировой войны и послевоен. время : ст. и докл. Междунар. конф., Дрезден, 2010 г. – Режим доступа: <http://www.dokst.ru/content>. – Дата доступа: 20.04.2010.
7. Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 дек. 1992 г., № 763 : в ред. постановления Кабинета Министров Респ. Беларусь от 09.02.1996 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
8. Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 нояб. 1994 г., № 231 // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь ; сост.: В. И. Адамушко [и др.] ; предисл. В. В. Шумского. – Минск, 2008. – С. 193.
9. Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн : постановление Кабинета Министров Респ. Беларусь, 9 февр. 1996 г., № 85 // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь ; сост.: В. И. Адамушко [и др.] ; предисл. В. В. Шумского. – Минск, 2008. – С. 194–197.
10. О создании системы автоматизированного учета воинских захоронений и сведений о погибших и захороненных на территории Республики Беларусь, 12.12.2005 г., № 6/3–902 // Текущий арх. упр. культуры Брест. обл. исполн. ком. – Папка «Материалы по увековечению памяти жертв войн Вооруженных Сил».
11. Документы управления по увековечению имен знаменитых соотечественников, охране историко-культурного наследия, о списке исторических объектов для проведения проектных и реставрационных работ (справка, список, информации и др.) за 1996 г. // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1293. Оп. 1. Д. 1040.

12. Документы о деятельности областного, городских и районных координационных советов по охране материального и духовного наследия (информации, справки и др.) за 1997 г. // ГАБр. – Ф. 1293. Оп. 1. Д. 1064.
13. Документы управления по охране, восстановлению и изучению памятников истории и культуры области (решение, справки, информации и др.) за 1998 г. // ГАБр. – Ф. 1293. Оп. 1. Д. 1084.
14. О Положении и новом составе межведомственного координационного совета облисполкома по охране материального и духовного наследия и документы к нему : решение облисполкома, 24. нояб. 1997 г., № 1999 // ГАБр. – Ф. 1293. Оп. 1. Д. 1060.
15. Документы управления по охране, реставрации историко-культурного наследия области (информация, справки, докладные записки и др.) за 2004 г. // ГАБр. – Ф. 1293. Оп. 1. Д. 1272.
16. Памяць. Беларусь. Рэспубліканская книга // Беларус. энцыкл. ; Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1995. – 624 с.
17. Документы по охране, ремонту и благоустройству памятников боевой славы к 60-летию Победы (информация, сведения и др.) за 2005 г. // ГАБр. – Ф. 1293. Оп. 1. Д. 1309.
18. О техническом состоянии памятников защитников Отечества и паспортизации, 14.11.2008, № 2505-5 // Текущий арх. упр. культуры Брест. обл. исполн. ком. – Папка «Материалы по увековечению памяти жертв войн Вооруженных Сил».
19. Документы управления по охране, реставрации историко-культурного наследия области (информации, сведения и др.) за 2005 г. // ГАБр. – Ф. 1293. Оп. 1. Д. 1308.
20. Автоматизированный банк данных «Книга памяти» и «Воинские захоронения Республики Беларусь», по состоянию на 13.12.2011 г. // Текущий арх. упр. по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн М-ва обороны Респ. Беларусь.
21. Документы о воинских захоронениях на территории г. Бреста (сводные ведомости, сведения и др.) за 2005 г. // ГАБр. – Ф. 1432. Оп. 1. Д. 516а.
22. Документы о воинских захоронениях на территории г. Бреста (сводная ведомость, сведения и др.) за 2010 г. // ГАБр. – Ф. 1432. Оп. 1. Д. 616.
23. Справка об установленных в архивах новых именах, нанесенных на мемориальные доски братских могил (по данным областных военных комиссариатов), 2011 г. // Текущий арх. упр. по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн М-ва обороны Респ. Беларусь.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.10.2018

Savchuk T.P. The Activity of State Bodies with Intention to Immortalize the Memory about the Great Patriotic war in the Republic of Belarus in 1990s – early 2000-s (on the Example of Brest Region)

The formation and development of the system of state bodies in the area of immortalizing of the memory about the victims and events of Great Patriotic war in the Republic of Belarus are shown in this article based on various sources, both scientific and unpublished. The article characterizes the main directions of their activity on the example of Brest Region. The process of formation of the regulatory frameworks in this area is analyzed. The article displays the status of work on the research of unregistered military burials, on the discovering of the names of the dead, and on the protecting of the memory about them in monuments and memorials.

УДК 930 + 94(476):2

T.B. Лисовская

канд. ист. наук, доц., доц. каф. гуманитарных наук
Брестского государственного технического университета
e-mail: lisovski_rb@tut.by

СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЗДНИХ ПРОТЕСТАНТСКИХ ДВИЖЕНИЙ

В связи с системной трансформацией украинского общества пересматривается роль религиозных институтов в общественной жизни, на основе новых источников и подходов в методологии происходит переосмысление и комплексное изучение конфессиональной истории Украины с учетом исторической и религиоведческой методологии. Отмечено, что научный дискурс изучения позднепротестантского движения в Украине сфокусирован на вопросах определения места протестантизма в обществе и в религиозной структуре с точки зрения его исторического развития, процесса институционализации и участия в социокультурных и политических процессах.

Введение

В конце XX – начале XXI в. украинская религиозная жизнь претерпела значительные изменения, связанные с дроблением Православной церкви между Киевским и Московским патриархатами, постепенным расширением ареала распространения католицизма и активным распространением протестантских и новых религиозных движений. Данные процессы, а также тот факт, что позднепротестантские организации активно интегрируются в социокультурное и политическое пространство Украины, вызвал повышенный интерес исследователей к позднему протестантизму как с исторической точки зрения, так и с религиоведческой для интерпретации происходящих процессов и прогнозирования дальнейших тенденций его развития.

История позднепротестантского движения на украинских землях имеет богатую, но при этом неоднородную и тенденциозную историографию: во-первых, исследования дореволюционного периода носят апологетично-православную и обличительно-антисектантскую направленность, а во-вторых, исследования советского периода во многом сохранили традиции идентификации позднепротестантских деноминаций как сектантских групп. Кроме того, учитывая доминирование научного атеизма как методологического принципа изучения конфессиональной проблематики, украинские исследователи были существенно ограничены в возможности целостного и объективного исследования истории протестантского движения в связи с сильным идеологическим давлением и цензурными запретами.

На фоне системной трансформации украинского общества с конца 80-х – начала 90-х гг. ХХ в. пересматривается роль религиозных институтов в общественной жизни, на основе новых подходов в методологии происходит переосмысление и дальнейшее изучение конфессиональной истории Украины.

Общая характеристика украинской историографии протестантского движения

Отказ от методологии научного атеизма сформировал предпосылки для развития новых методологических схем и подходов, в связи с чем в конце 80-х гг. ХХ в. в украинской историографии наблюдается переход к либеральной школе, в рамках которой исследователи демонстрируют стремление к толерантному восприятию религиозных институтов, умеренность и объективность при анализе религиозных процессов.

Комплексное изучение конфессиональной проблематики на основе новой методологической парадигмы началось с конца 80-х – начала 90-х гг. учеными Отделения религиоведения Института философии НАН Украины [48] и активизировалось в 1993 г.

в связи с учреждением Украинской Ассоциации религиоведения под руководством профессора А.Н. Колодного. Работам исследователей и исследовательских коллективов свойственен научный синкретизм: конфессиональная проблематика изучается как в религиоведческом, так и историческом аспектах [1; 20].

Новая методологическая парадигма изучения конфессиональной проблематики, направленная на либеральное восприятие религиозных институтов, отражена в ряде работ, целью которых становится научный анализ роли церкви в государственно-национальном возрождении, в социально-политическом развитии [32; 33; 42; 50], переосмысление места религиозных организаций в жизни общества [4; 27; 29]. Обобщающие работы по истории христианских и других конфессий в Украине С.И. Головащенко [7] и десятитомная «История религии в Украине», изданная Отделением религиоведения Института философии НАН Украины направлены на изучение и представление комплексной картины религиозной жизни украинского общества. В данном контексте примечательно, что пятый и шестой тома «Истории религии в Украине» посвящены истории раннего (кальвинизм, лютеранство, анабаптизм) и позднего протестантизма (баптизм, адвентизм, пятидесятничество, методизм и др.) [21; 22], анализу исторических предпосылок появления протестантизма, выявлению их особенностей на украинских землях. Следует также отметить, что в этих работах протестантские деноминации обозначены как неотъемлемая составляющая религиозной структуры общества, используется нейтральная религиоведческая терминология (движение, конфессия, деноминация), а терминология с негативной коннотацией (секта) практически не используется.

Новые подходы и концептуальные изменения в оценках протестантизма как социально-религиозного явления продемонстрированы в работах В.И. Любашенко (Мельник) [30], Ю.Е. Решетникова [39; 42], А.Я. Леды [24], Р.А. Ситарчука [43–46], И.А. Опры [35], О.В. Безносовой [2], Г.В. Павлюка [36] и других авторов, исследующих отдельные протестантские деноминации, их вероучение и становление на украинских землях. В работах перечисленных авторов значимое место занимает анализ государственно-церковных отношений и процесса становления позднего протестантизма как конфессии на украинских землях.

Анализируя исторический процесс, исследователи обозначают факторы, способствующие укоренению позднего протестантизма на украинских землях. Так, Г.В. Павлюк, рассматривая вопросы положения позднепротестантских общин на территории Волынской губернии, анализирует процесс проникновения деноминаций в регион, в том числе на территорию белорусского Полесья, и утверждает, что активную роль в данном процессе сыграли немецкие миссионеры [36]. В качестве факторов развития позднепротестантских деноминаций О.В. Безносова и Е.О. Голощапова выделяют национальный фактор, распространение протестантизма в среде немецких мигрантских кругов, лояльную государственную политику на первом этапе развития (конец XIX – начало XX в.), рационализм вероучения и практики [2; 8].

В работах В.И. Любашенко по истории западноукраинского пятидесятнического движения межвоенного периода [30], а затем и советской Украины [25] богатый фактический материал обобщен, дополнен анализом системы воспитания детей, которая, по мнению автора, является одним из основных факторов укоренения пятидесятничества и стабильного численного роста. Исследователь делает вывод, что гибкость вероучения и культовой практики стали фактором приспособления пятидесятничества к условиям новой социально-политической реальности [25, с. 16]. Следует отметить, что работа В.И. Любашенко [26] является практически единственной комплексной работой по истории протестантизма на украинских землях, в которой систематизирован весь доступный фактологический материал по истории протестантизма с периода его появления до современности, прослежена эволюция вероучения наиболее распространенных

течений раннего и позднего протестантизма в контексте исторического развития. Ценность данной работы заключается в том, что на основе новых методологических принципов автор раскрывает место протестантизма в социокультурных процессах страны. В данной работе обозначены концептуальные направления изучения протестантизма в Украине, в рамках которых происходит дальнейшее изучение истории протестантизма.

Среди исследований отдельных протестантских течений наиболее комплексно изучена история адвентистов седьмого дня. Диссертационное исследование на получение ученой степени доктора исторических наук, а также монография Р.А. Ситарчука являются междисциплинарными исследованиями [44; 45], в которых проанализированы религиоведческие аспекты вероучения адвентистов, проведен сравнительный анализ деятельности адвентистов сквозь призму трансформации вероучения. В качестве основных факторов распространения адвентизма он выделяет миграционные процессы конца XIX – начала XX в. и активную миссионерскую деятельность [45, с. 175–176]. Автор также выявил и проанализировал взаимодействие общин адвентистов седьмого дня с иностранными центрами, показано место украинского адвентизма в европейской и мировой организационной структуре.

Следует отметить, что причины и факторы распространения позднего протестантизма являются обязательным предметом анализа украинских исследователей. Наряду с внутренними факторами распространения (особенности вероучения, активный прозелитизм, система религиозного воспитания [25, с. 14], национальный фактор [2, с. 248; 8, с. 150]), украинские исследователи выделяют внешние факторы (миграционные процессы [2, с. 110–115; 24, с. 15–16], взаимодействие с иностранными миссионерскими центрами [29, с. 136–137; 44]). Также в качестве одного из внешних факторов распространения позднепротестантского движения на украинских землях большинство исследователей называют кризис Православной церкви, способствующий позитивному восприятию населением нового вероучения. Так, Г. Надтока акцентирует внимание на тех внутренних факторах развития Православной церкви в период проникновения позднего протестантизма на украинские земли, которые благоприятствовали распространению «сектантства» [33, с. 101–102].

Характерной чертой украинской историографии является активная работа по изучению и сохранению своего исторического наследия представителями позднепротестантских движений с конца 1980-х гг. Активные научные поиски и обработка документальных источников были реализованы в работе Л. Гапонюк [13], сборнике «История баптизма» [18], представляющем обзор развития европейского, американского и отечественного баптизма в исторической и современной перспективе, а также в сборнике документов [19].

Большой ценностью для изучения истории позднепротестантских деноминаций, в том числе с источниковой стороны, являются монографии конфессиональных авторов, представляющие описание истории движения на основе личных воспоминаний и архивов, религиозной периодики [16; 18; 31], а также конфессиональных историков В. Домашовца [11; 12] и Л. Жабко-Потаповича [15]. Особое место среди таких работ занимает трехтомная монография В. Франчука «Просила Россия дождя у Господа» [49]. Незаангажированные жесткими методологическими рамками, на богатом фактологическом материале с использованием нарративных материалов и воспоминаний, конфессиональные авторы стремятся к объективному анализу процесса развития религиозных движений.

Следует отметить, что при насыщенности фактологическим материалом, введении в научный оборот неизвестных светским исследователям материалов личных архивов и нарративных источников работам конфессиональных авторов свойственна определенная тенденциозность, в них явно прослеживается тенденция к обоснованию авто-

хтонного происхождения протестантизма в Украине. Так, стремясь обосновать местный, украинский, характер движения, отдельные авторы отрицают влияние немецких колонистов и меннонитов на возникновение и распространение евангельско-баптистского движения, связывая его появление исключительно с деятельностью и учением Г. Сковороды [15, с. 186]. Данный подход основан на стремлении к поиску национально-культурной самоидентификации украинского протестантизма. Эти поиски также можно рассматривать как первые шаги в формировании собственной церковной традиции, для утверждения исторической преемственности позднепротестантского движения в Украине и его традиционности для религиозной структуры общества.

Анализируя украинскую историографию позднепротестантского движения, следует отметить, что среди вопросов, являющихся предметом исследований украинских ученых, доминирует тематика государственно-церковных отношений. Объективное исследование проблемы государственно-конфессиональных отношений, изучение ограничения свободы совести и раскрытие масштабов репрессий в отношении верующих стали возможными только с начала 1990-х гг. Изменение политической ситуации открыло перед исследователями новые возможности, сняло ограничения в исследовательских подходах и выводах.

Вопросы государственно-конфессиональных отношений в Российской империи затронуты в работах О.В. Безносовой [2], И.А. Опри [35], Г.В. Павлюка [36], Ю.Е. Решетникова [40], М.В. Беликовой [3]. Авторы поддерживают тезис о реакционности и «антисектантской» направленности государственной политики в отношении позднепротестантских общин, обосновывая это сильным влиянием Православной церкви на процесс государственного управления. Анализируя правовое поле деятельности протестантского «сектантства» в Российской империи, Г.В. Павлюк отмечает, что, несмотря на либерализацию законодательства в 1903–1906 гг., его декларативный характер не привел к позитивным изменениям для верующих позднепротестантских общин [35, с. 102].

В современной украинской историографии среди первых проб комплексного осмыслиения государственно-церковных отношений советского периода значимое место занимают работы Р.А. Ситарчука [43; 46], Т.В. Грушовой [9], И.Ю. Даниловой [10], С.В. Петрова [37], Е.О. Голощаповой [8]. Данные работы характеризуются широким спектром точек зрения на проблемы взаимоотношений государств и религиозных организаций, углубленным анализом документальных источников, положений позднепротестантских общин и организаций сквозь призму государственной политики в условиях социально-политической трансформации общества. Так, Р. Ситарчук отмечает трансформацию политики большевиков в отношении позднего протестантизма: от союзнической концепции в борьбе с самодержавием до открытой борьбы с религией и насаждения иного типа религиозного мировоззрения – атеизма [46, с. 176].

Систематизация политики органов советской власти в отношении позднепротестантских движений в конце 40-х – 70-е гг. XX в. предложена в работах И.Ю. Даниловой [10] и Ю.В. Вильхового [6]. Ю.В. Вильховой выделил основные периоды и соотнес развитие протестантских организаций с общественно-политической ситуацией в стране. В качестве характерной черты государственной политики послевоенного периода автор называет стремление уничтожить протестантское движение с помощью провластных организаций, что стало основой появления внутренней оппозиции и раскола в протестантском движении. Угроза расширения оппозиционного движения, с одной стороны, привела к изменению направления массовых религиозных репрессий членов незарегистрированных объединений, а с другой – вынудила государственно-партийные структуры значительно ослабить давление на легальные общины и организации [6, с. 126, 256–260].

Вопрос места и роли протестантизма в социально-политической структуре общества является одним из актуальных вопросов научного дискурса в украинской исто-

риографии. Анализируя историческое развитие позднепротестантских деноминаций в украинских землях, Р. Ситарчук отмечает, что на протяжении 1920–30-х гг. протестантские объединения Украины имели все признаки самостоятельных церковных организаций: четкую структуру, унифицированную обрядность, отдельные от всесоюзных финансы, собственное издательство, молодежные организации, культурно-просветительские учреждения. На создание в рамках республики самостоятельных организаций протестантов подвигала прежде всего многочисленность членов общин, а также, хоть и относительный, но автономный статус УССР. Автор отмечает, что, несмотря на довольно короткий исторический путь деноминаций на украинских землях, глубина изменений, которая коснулась структуры, свидетельствует о том, что позднепротестантские деноминации уже в 1930-х гг. окончательно вышли за границы классического «сектантства». Автор утверждает, что догматизация вероучения и обрядности, создание властных институтов, четкой структуры конфессии означают оцерковление их организаций, создают условия для трансформации позднего протестантизма от деноминации к традиционному церковному институту [46, с. 175–176].

В контексте концепции трансформации украинского протестантизма М.М. Мокиенко анализирует институциональный и общественно-политический аспекты деятельности позднепротестантских деноминаций и приходит к выводу, что, во-первых, украинскому протестантскому движению свойственно ослабление новозаветных космополитических традиций, что привело к украинизации евангельско-баптистского движения с начала 1990-х гг. Во-вторых, происходит рост общественно-политической активности позднепротестантских деноминаций [32, с. 127]. И в-третьих, динамический процесс институализации позднепротестантских деноминаций и активная общественная позиция обусловили тенденцию к более тесному «партнерству» с государственными институтами с целью не столько политической, сколько социальной активности [32, с. 135]. По мнению автора, эти процессы обусловлены объективными факторами исторического пути становления протестантизма на украинских землях и трансформации вероучения.

Национальные аспекты религиозной деятельности позднего протестантизма рассмотрены в работах О. Шубы [50], А.Я. Леды [24], Ю.Е Решетникова [41; 42]. Исследуя процесс появления позднепротестантских деноминаций в Западной Украине в конце XIX – начале XX в., А.Я. Леда отмечает их стремление к независимости и самоидентификации в качестве украинских национальных организаций [24, с. 17]. Поддерживая данный тезис, О. Шуба утверждает, что протестантизм, несмотря на стремление выступать в качестве наднациональной идеологии, со времени появления на украинских территориях постепенно приобретает «определенную этническую окраску», и на современном этапе эти тенденции содействуют процессам национально-культурного возрождения [50, с. 299].

Особого внимания при изучении позднего протестантизма как религиозно-общественного явления заслуживают работы В.И. Любащенко. Исследователь утверждает, что Украина является регионом значительного присутствия протестантизма. Он указывает на закономерности расширения социально-политической активности протестантов, обусловленную не только количественным ростом адептов, традицией присутствия на украинских землях, но и активным проникновением в культуру, науку, образование. Учитывая количественные (историческое присутствие большинства известных классических и радикальных, ранних и поздних течений) и качественные (разнообразие религиозной и внерелигиозной деятельности протестантских сообществ) факторы, а также в связи со стремлением протестантизма «включиться» в социокультурные и межконфессиональные процессы, В. Любащенко характеризует Украину как протестантский регион [25, с. 151; 29].

Как видим, научный дискурс изучения позднепротестантского движения в Украине сосредоточен на вопросах определения места деноминаций в обществе и в религиозной структуре с точки зрения их исторического развития, процесса институционализации и участия в социокультурных и политических процессах. При этом ряд вопросов остается вне поля зрения исследователей, либо в недостаточной степени подвергается научному анализу. Так, следует отметить немногочисленность исследований по истории протестантских деноминаций межвоенного периода в рамках «восточных окраин» II Речи Посполитой. В той или иной степени тематика западноукранского движения межвоенного периода затронута в исследованиях В.И. Любашенко [26], А.Я. Леды [24], Л.И. Бородинской [5].

В работах А.Я. Леды особенное внимание сосредоточено на процессе появления неопротестантизма на западноукраинских землях, в которые включено и белорусское Полесье. Появление новых вероучений связывается с деятельностью немецких миссионеров, наличие немецких колоний на Волыни представлено как основной фактор, на основе которого проходило распространение вероучений [24, с. 15–16]. Особое внимание исследователь уделил процессу институционализации украинских движений, отмечая их стремление к независимости и самоидентификации в качестве украинских национальных организаций. При этом белорусские общины Полесского воеводства воспринимаются исследователем как структурная часть украинского протестантизма, несмотря на то, что центр Объединения церквей Христового вероисповедания находился в Кобрине.

Такой же подход отражен и в исследовании Л.И. Бородинской, которая, анализируя процесс институционализации евангельско-баптистского движения в Польше, актуализирует его как процесс объединения преимущественно украинских общин Волыни и Галиции в Объединение славянских общин евангельских христиан и баптистов [5, с. 162].

Вопросы межконфессиональных отношений не нашли отражения и в специальных исследованиях украинских ученых; они лишь в определенной степени затронуты в работах Ю.Е. Решетникова, В.И. Любашенко, А.Я. Леды. В рамках изучения межконфессиональных отношений основное вниманиеделено анализу отношений Православной церкви с позднепротестантскими деноминациями в дореволюционный период. Большинство исследователей считают, что негативное отношение Православной церкви было основано на восприятии позднепротестантских деноминаций как конкурентов за паству, особенно после выхода евангельско-баптистского движения за пределы немецкого меньшинства [2, с. 24, 29, 140]. При этом отмечается, что православное духовенство не было готово к антисектантской борьбе, потому делало ставку на организационно-массовые мероприятия и сотрудничество с государственными структурами [2, с. 140, 148].

Изучение межконфессиональных отношений в советский период практически не проводилось, затрагивались лишь отдельные вопросы отношений внутри протестантского движения [5, с. 133–157], связанные с особенностями построения государственно-церковных отношений [23, с. 235–250]. Современные межконфессиональные отношения рассматриваются в рамках экуменического движения в контексте анализа особенностей конфессионального восприятия христианского единства конфессий, проблем миссионерства и прозелитизма.

Заключение

Актуальность изучения истории позднего протестантизма определяется тем, что сегодня позднепротестантские деноминации в Украине представлены рядом многочисленных и хорошо организованных движений, которые играют значимую роль в социальных и политических процессах. Это обусловило повышенный интерес исследователей к изучению истории этих движений и процесса их укоренения на украинских землях как в среде светских исследователей, так и в среде самих протестантов. Исследова-

ния истории позднего протестантизма прежде всего направлены на выявление места и значения данных течений на украинских территориях, определения их роли в формировании социокультурного пространства, обоснования необходимости построения диалога с государственными властями, обществом и другими религиозными конфессиями.

Анализируя состояние разработки истории позднепротестантских деноминаций в Украине, следует отметить следующее.

Значимым достижением современных украинских исследователей истории протестантизма является определение новых концептуальных направлений, методологии исследования. Характерной чертой изучения проблемы является ее направленность на изучение истории позднепротестантских деноминаций в общественно-политическом контексте с концентрацией внимания на социально-резонансных явлениях, что ведет к противоречивому характеру и однобокости исследований. Рассмотрение истории позднепротестантских течений находится преимущественно в рамках обобщающих исследований по истории протестантского движения в целом. Такой подход не позволяет увидеть и изучить специфику отдельных движений и организаций, несмотря на разнообразие течений внутри позднепротестантского движения.

Современная украинская историография позднепротестантского движения тяготеет к обобщениям и анализу религиоведческих аспектов проблемы. С одной стороны, это обеспечивает междисциплинарный подход при изучении проблематики, с другой – конкретно-исторические аспекты эволюции позднепротестантских движений остаются в определенной степени вне поля зрения исследователей. При этом изучение происходит преимущественно на старой источниковой базе, в то время как большое количество архивных данных остается необработанным.

В исследованиях истории протестантизма межвоенного периода неисследованными остаются религиозная периодика, архивы религиозных общин, не используются нарративные методы исследования, поисковая работа по выявлению новых документальных материалов производится преимущественно силами представителей религиозных кругов. Все это сужает источниковую базу украинской историографии государственными архивами и, соответственно, ограничивает тематику исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛІТЕРАТУРЫ

1. Академічне релігієзнавство : підруч. для студентів вузів / за наук. ред. А. Колодного. – Київ : Світ Знань, 2000. – 864 с.
2. Безносова, О. В. Позднее протестантское сектантство Юга Украины (1850–1905) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / О. В. Безносова. – Днепропетровск, 1997. – 257 л.
3. Белікова, М. В. Менонітські колонії півдня України (1789–1917 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / М. В. Белікова ; Запорізький нац. ун-т. – Запоріжжя, 2005. – 20 с.
4. Белікова, Н. Ю. Релігійні конфесії України наприкінці 80 – у 90-ті рр. ХХ ст. : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Н. Ю. Белікова. – Донецьк, 2001. – 20 с.
5. Бородинська, Л. І. Становлення та розвиток євангельських християн у Польщі (1919–1939) : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Л. І. Бородинська. – Рівне, 2009. – 212 л.
6. Вільховий, Ю. В. Політика радянської держави щодо протестантських церков в Україні (середина 40–70-х рр. ХХ ст.) : дис. ... канд. іст. наук : 09.00.11 / Ю. В. Вільховий. – Полтава, 2002. – 298 л.
7. Головащенко, С. І. Історія християнства : навчальн. посіб. / С. І. Головащенко. – Київ : Либідь, 1999. – 352 с.
8. Голощапова, Є. О. Громади євангельських християн-баптистів Південної України в умовах суспільних трансформацій 20–30-х рр. ХХ ст. : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Є. О. Голощапова. – Запоріжжя, 2010. – 198 л.

9. Грушова, Т. В. Радянська держава та секта п'ятидесятників в Україні (початок 1920-х – 1991 рр.) : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Т. В. Грушова. – Запоріжжя, 2000. – 219 л.
10. Данілова, І. Ю. Протестантські релігійні організації в Україні у повоенний період (1945–1955 рр.): структура, діяльність та стосунки з владою : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / І. Ю. Данілова. – Київ, 2010. – 245 л.
11. Домашовець, Г. Нарис історії української євангельсько-баптистської церкви / Г. Домашовець. – Irvington ; Toronto, 1967. – 596 с.
12. Домашовець, Г. Одне півторіччя / Г. Домашовець. – Irvington : Вид-во Кирило-Методіївського Братства, 1973. – 256 арк.
13. Гапонюк, Л. А. Євангельский рух на Волині в документах і долях людей / Л. А. Гапонюк, М. О. Пирожко, В. Г. Чайка. – Луцьк : Україн. місія благовістя, 2009. – 448 с.
14. Єленський, В. Державно-церковні відносини на Україні (1917–1990 рр.) / В. Єленський. – Київ : Знання, 1991. – 72 с.
15. Жабко-Потапович, Л. Христове світло в Україні. Історія Українського Євангельсько-Баптистського Руху / Л. Жабко-Потапович. – Морріс Плейн, 1991. – 179 с.
16. Жукалюк, Н. История церкви христиан – Адвентистов седьмого дня в Украине / Н. Жукалюк, В. Любащенко. – Київ, 2003. – 320 с.
17. Жукалюк, Н. Вспоминайте наставников ваших (история Церкви АСД в личностях) / Н. Жукалюк. – Киев, 1999. – 672 с.
18. История баптизма [Электронный ресурс] / сост. и предисл. С. В. Санников. – Одесса : Одес. Богосл. Семинария «Богомыслие», 1996. – Вып. 1. – Режим доступа: http://anabaptist.ru/obmen/hystory/ist2/files/books/book_03/ib_title.html. – Дата доступа: 25.05.2018.
19. История евангельско-баптистского движения в Украине : материалы и док. / сост. С. И. Головащенко. – Одесса, 1998. – 277 с.
20. Історія релігій в Україні : навч. посібник для студентів / за ред. А. М. Колодного і П. Л. Яроцького ; НАН України, Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди. Відділення релігієзнавства. – Київ : Знання, 1999. – 735 с.
21. Історія релігій в Україні : у 10 т. / під ред. А. Колодного. – Київ : Україн. Центр духовної культури, 1997–2010. – Т. 5 : Протестантизм в Україні. Ранній протестантизм. Пізній протестантизм. Баптизм / редкол.: П. Яроцький [та ін.] ; за ред. П. Яроцького ; НАН України, Ін-т філософії ім. Г. Сковороди. Відділення релігієзнавства. – 2002. – 428 с.
22. Історія релігій в Україні : у 10 т. / під ред. А. Колодного. – Київ : Україн. Центр духовної культури, 1997–2010. – Т. 6 : Пізній протестантизм в Україні: п'ятидесятники, адвентисти, Свідки Єгови / за ред. П. Яроцького. – 2-е вид., уточнене і доп. – Київ ; Дрогобич : Сурма, 2008. – 630 с.
23. Лахно, О. Церковна опозиція Євангельських християн-баптистів в Україні (1940–1980 рр.) / О. Лахно. – Полтава : Друкарська майстерня, 2009. – 288 с.
24. Леда, А. Я. Протестантські течії в релігійному житті українців Галичині у міжвоенний період (1919–1939) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / А. Я. Леда ; Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. – Львів, 2006. – 20 с.
25. Любашенко, В. И. Эволюция пятидесятничества в западных областях УССР (опыт анализа обыденного религиозного сознания) : автореф. дис. .... канд. филос. наук : 09.00.06 / В. И. Любашенко ; Ин-т философии и права АН БССР. – Минск, 1987. – 17 с.
26. Любашенко, В. И. История протестантизму : курс лекций / В. Любашенко. – Львів : Просвіта, 1995. – 350 с.
27. Любашенко, В. И. Протестантизм в Україні: пошуки нових пріоритетів / В. И. Любашенко // Людина і світ. – 2001. – № 4. – С. 37–41.

28. Любашенко, В. І. Сучасний євангельсько-баптистський рух в Україні: оновлення традицій / В. І. Любашенко // Людина і світ. – 1996. – № 6. – С. 6–10.
29. Любашенко, В. І. Протестантизм в Україні: генеза, структура, місце в соціокультурних процесах : дис. ... д-ра філос. наук : 09.00.11 / В. І. Любашенко. – Київ, 1998. – 258 л.
30. Мельник, В. І. П'ятирічні тенденції: нові тенденції / В. І. Мельник. – Київ, 1988. – 48 с.
31. Мельничук, П. За что страдали наши братья и сестры? Воспоминания о прошлом и размышления о настоящем и будущем на рубеже столетий / П. Мельничук. – Кременець, 2005.
32. Мокієнко, М. М. Пізній протестантизм в Україні: інституційний та суспільно-політичний аспекти (1991–2004 рр.) : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / М. М. Мокієнко. – Запоріжжя, 2007. – 220 л.
33. Надтока, Г. Активізація діяльності релігійних організацій в контексті побудови громадянського суспільства в Україні / Г. Надтока // Релігійна свобода: природа, правові і державні гарантії. – Київ, 1999. – С. 99–105.
34. Назаркіна, О. І. Протестантські конфесії України в 90-ті роки ХХ ст.: баптистські та п'ятирічні течії : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / О. І. Назаркіна. – Донецьк, 2003. – 19 с.
35. Опра, І. А. Становище та діяльність пізньопротестантських громад Правобережної України (1900–1917 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / І. А. Опра. – Київ, 2006. – 21 с.
36. Павлюк, Г. В. Становище та діяльність пізньопротестантських громад Волинської губернії в другій половині XIX – на початку ХХ ст. : дис ... канд. іст. наук : 09.00.11 / Г. В. Павлюк. – Острог, 2011. – 220 л.
37. Петров, С. В. Політика СРСР щодо Євангельських церков у 1940–1960-і роки : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.02 / С. В. Петров ; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. – Одеса, 2016. – 16 с.
38. П'ятирічні тенденції в Західній Україні: історія та сучасність : матеріали наук.-практ. конф. / Львів. богосл. семінарія. – Львів, 2015. – 254 с.
39. Решетников, Ю. Обзор истории евангельско-баптистского братства в Украине / Ю. Решетников, С. Санников. – Одесса : Богомыслие, 2000. – 246 с.
40. Решетников, Ю. Е. Украинские баптисты и Российская империя: церковно-государственные отношения между Российской правительством и евангельско-баптистским братством на Украине во второй половине XIX – начале XX в. / Ю. В. Решетников. – Одесса : Одес. богосл. семинария, 1997.
41. Решетников, Ю. Е. Проблеми міжденомінаційних відносин в євангельському та неохристиянському середовищі // Екуменізм і проблеми міжконфесійних відносин в Україні. – Київ, 2001. – С. 221–229.
42. Решетников, Ю. Е. Українські баптисти і національне питання [Електронний ресурс] / Ю. Решетников. – Режим доступу: <http://www.risu.org.ua/ukr/study/religdigest/article>. – Дата доступу: 26.05.2018.
43. Сітарчук, Р. А. Протестантські об'єднання в радянській Україні в контексті соціальної політики більшовиків (20–30-ті роки ХХ ст.) / Р. А. Сітарчук. – Полтава : АСМІ, 2005.
44. Сітарчук, Р. А. Адвентисти сьомого дня в українських землях у складі Російської імперії: історико-політичний аспект (друга половина XIX ст. – 1917 р.) / Р. А. Сітарчук. – Полтава : Скайтек, 2008. – 324 с.
45. Сітарчук, Р. А. Адвентисти сьомого дня в українських землях у складі Російської імперії: історико-політичний аспект (друга половина XIX ст. – 1917 р.) : дис. ... д-ра іст. наук : 09.00.11 / Р. А. Сітарчук. – Полтава, 2009. – 358 л.

46. Сітарчук, Р. А. Діяльність протестантських конфесій у Радянській Україні в контексті її державної політики (20–30-і рр. ХХ ст.) : дис. ... канд. іст. наук : 09.00.11 / Р. Сітарчук. – Київ, 2001. – 238 л.
47. Скаакун, Р. Будівничі Нового Єрусаліму Іван Мурашко і мурашківці (історична-соціологічне дослідження) / Р. Скаакун. – Львів : Україн. католиц. ун-т, 2014. – 418 с.
48. Сучасна релігійна ситуація в Україні: стан, тенденції, прогнози : в 2 ч. / ред-кол.: А. М. Колодний [і ін.]. – Київ : Ін-т філософії НАН України, 1994. – 176 с.
49. Франчук, В. Просила Россия дождя у Господа : в 3 т. / В. Франчук. – Київ : Світанкова зоря, 2001–2002.
50. Шуба, О. Релігія в етнонаціональному розвитку України (політологічний аналіз). – Київ, 1999. – 324 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.08.2018

Lisouskaya T.V. Modern Ukrainian Historiography of the History of the Protestant Movements

The article analyzes modern Ukrainian historiography of the Protestant movement in Ukraine. The author points out that in connection with the systemic transformation of Ukrainian society, the role of religious institutions in public life is reconsidered. There is a rethinking and a comprehensive study of the confessional history of Ukraine on the basis of new sources and approaches in methodology and on the basis of historical and religious methodology. The article notes that the scientific discourse of the study of the post-Protestant movement in Ukraine is focused on the issues of defining the place of Protestantism in society and in the religious structure from the point of view of its historical development, the process of institutionalization and participation in sociocultural and political processes.

УДК 94(476) «1906/1915»

M.B. Громыко

ст. преподаватель каф. дидактики и частных методик

Могилевского государственного областного института развития образования

e-mail: marina_gromyko@bk.ru

МИНСКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ ПЕЧАТЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1906–1915 гг.)

На основе анализа консервативной прессы, издававшейся в г. Минске с 1906 по 1915 гг., освещается позиция правой периодической печати по важнейшим вопросам государственного устройства, определяется ее роль в общественно-политической жизни Российской империи. Делается вывод о том, что данные средства массовой информации представляли собой монархические периодические издания, которые отстаивали русские национальные интересы в крае и выступали за сохранение самодержавного строя с народным представительством.

Введение

Первая русская революция, модернизация общества, связанная с ней, Манифест 17 октября 1905 г., установивший основные демократические свободы в Российской империи, послужили катализатором активного становления партийной печати. На «правом фланге» партийной прессы находились органы печати консервативных партий, имеющих монархический, охранительный характер. В целом минская консервативная печать начала XX ст. широко использовала печатное слово для объединения населения на началах православия, самодержавия и русской народности.

Борьба за власть между представителями различных течений перенеслась и на страницы партийных периодических изданий, превратившихся в политическую силу, способную отстаивать интересы стоящих за ней лиц. Именно поэтому представители всех политических направлений придавали большое значение издательской деятельности и стремились распространять свои идеи с помощью органов печати, доступных для массового читателя.

В отечественной исторической науке минская консервативная печать начала ХХ в. не являлась предметом самостоятельного исследования. Однако В.М. Конон, рассматривая проблемы искусства и эстетики в общественной мысли Беларуси начала ХХ в., дал характеристику «Минской речи», «Минскому слову» и его наследникам [1]. Позицию этих периодических изданий в ходе выборов в Государственную думу I–IV созывов охарактеризовал Н.М. Забавский [2; 3]. В работах К.М. Бондаренко и Д.С. Лавриновича затрагивается данный вопрос в контексте изучения ими партий и организаций монархического направления на территории Беларуси в 1905–1917 гг. [4–6]. Вместе с тем тема минской консервативной печати начала ХХ в. в современной историографии изучена мало.

Целью статьи является освещение минской консервативной периодической печати, выходившей в 1906–1915 гг., анализ ее роли в общественно-политической жизни Российской империи и определение позиций данных изданий по важнейшим вопросам государственного устройства.

Основные направления деятельности органов монархической периодической печати, издававшихся в г. Минске с 1906 по 1915 гг.

27 ноября 1905 г. главный врач минской земской больницы И.У. Зданович, член Минского городского комитета попечительства о народной трезвости, подал в комитет докладную записку, где указывал на полную несостоятельность способов борьбы

с пьянством в виде чтений и народных чайных. Он писал: «Печатное слово может служить теперь единственным действенным средством борьбы для ослабления всех тех условий, которые прямо или косвенно способствуют развитию пьянства в народе» [7, с. 3].

На заседании губернского комитета, состоявшемся 29 ноября 1905 г., было доложено следующее: «Минский городской комитет попечительства о народной трезвости... высказывал ту мысль, что практикуемая врачом Здановичем к изданию газета принесет существенную пользу в деле развития нравственности низшего класса населения» [7, с. 3]. 16 декабря 1905 г. в члены издательского комитета были избраны И.У. Зданович, Д.В. Родзевич и Г.К. Шмидт, а в качестве редактора издательский комитет пригласил И.Д. Арского [7, с. 3]. Ежедневная политическая, общественная и литературная газета «Минская речь» стала выходить с 3 января 1906 г., подписная цена с доставкой и пересылкой составляла 4 руб. в год. В программной статье говорилось, что «газета неуклонно будет держаться почвы законности на началах, возвещенных Высочайшим Манифестом 17-го октября 1905 г., и... что она в общем ближе всего примыкает к главным положениям программы «Союза 17 октября» [8, с. 1]. Губернский комитет попечительства о народной трезвости взял на себя издание газеты, образовав фонд в 10 000 тыс. руб., полученных путем реорганизации хора трезвости [9, с. 3]. Кроме того, министром внутренних дел газете была назначена субсидия в размере 3 000 руб. 1 000 руб. была переведена в июле, а остальная часть в сентябре 1906 г. [10, л. 879; 884].

Газета «Минская речь» полностью поддерживала существующий социально-политический строй. Уже в первом номере редакция призывала население к объединению в борьбе со смутой: «Наша родина на краю опасности. Перед этой опасностью должны смолкнуть все искания и домогательства, все односторонние стремления различных классов, сословий, национальностей и политических партий, для того, чтобы всем сплыться в одном общем, могучем и искреннем содействии Правительству в деле водворения спокойствия и порядка в потрясенной смутами Земле Русской» [11, с. 1]. В дальнейшем издание критиковало евреев и поляков, а также партию кадетов за выдвижение политических и культурно-национальных требований, идущих в разрез с единством империи. Национал-монархисты, которых представляла газета, главным гарантом стабильности, целостности и процветания империи считали царя [1, с. 151]. В передовой статье за 10 января 1906 г. читаем: «Непоколебимым защитником дарованных свобод является сам Царь» [12, с. 1].

2 ноября 1906 г. редактор «Минской речи» И.Д. Арский известил читателей о ее банкротстве из-за того, что местные инородцы объявили ей бойкот, «лишив ее самого главного, самого существенного источника питания – объявлений» [13, с. 2]. В результате «Минская речь» была преобразована в новую газету – «Минское слово». Первый номер «Минского слова» вышел 4 ноября 1906 г. под девизом: «Граждане! Сплотимся все, кто против революции и насилий. Обдумаем хорошенъко, кого выбирать. Неудачный выбор в первую Думу да послужит нам уроком. Нам нужна Дума, которая сумеет умиротворить исстрадавшуюся РОДИНУ-МАТЬ» [14, с. 1]. Газету возглавил Г.К. Шмидт, лидер минских октябрьистов. Издание стало печатным органом Русского окраинного союза (РОС). «Минское слово» заявляло, что «будет неуклонно стоять на страже интересов русского населения в его борьбе за равноправие с якобы угнетенными народностями» [15, с. 2].

Со страниц газеты велась агитационная и пропагандистская работа среди местного русского населения во время предвыборной кампании во вторую Государственную думу. Под флагом РОС минские октябрьисты во главе с Г.К. Шмидтом пытались пройти в это народное представительство. В октябре возникли губернский, уездные и участковые беспартийные предвыборные комитеты, куда вошли представители всех правых партий и организаций, отвергавших идеи автономии окраин [16, с. 1]. «Мин-

ское слово» от 24 ноября 1906 г. писало: «С крайне правыми мы имеем общее поле деятельности в своей службе интересам России и русского народа. Все больше и больше выясняется, что лозунгом народной массы было и будет: “Россия прежде всего для русских”» [17, с. 1]. Результат объединения оказался положительным: в Думу от Минской губернии были избраны представители исключительно русского населения.

Однако деятельность II Думы неоднократно подвергалась критике со стороны редакции газеты. В передовой статье от 5 апреля 1907 г., например, заявлялось следующее: «Можно ли дальше сомневаться в целесообразности распуска Думы, которая может только дискредитировать в народном мнении саму идею народного представительства?» [18, с. 1]. Как известно, II Дума просуществовала недолго, всего 103 дня. «Минское слово» приветствовало ее распуск словами: «Высочайший манифест 3 июня открывает новые горизонты и проливает бальзам на наболевшие раны русского сердца» [19, с. 1]. В условиях политического кризиса издание выступило за безоговорочную поддержку правительства и так высказывало свою точку зрения по этому вопросу: «Мы считаем... что в данный момент, когда решается судьба России на долгие годы, только искренняя и открытая поддержка правительства со стороны общества и печати может помочь общему делу» [20, с. 1].

Основным лозунгом всей избирательной кампании в III Государственную думу по Минской губернии стал девиз РОС: «Отстаивание начал русской государственности и всех интересов русского населения – духовных, политических, национальных» [21, с. 1]. Как и в прошлый раз, все депутаты от Минской губернии были сторонниками октябрьстов или РОС. «Минское слово» так оценило деятельность этого народного представительства: «3-я Государственная Дума спасла Государственную Думу как представительное учреждение для страны» [22, с. 1]. Идеалом государственного строя для «Минского слова» в этот период была самодержавная монархия с народным представительством. «Громадная, более чем 100 миллионная народная масса признает Царское Самодержавие и чтит его свято и сегодня. Народ смотрит на Г. Думу, как на Царскую Думу, и отнюдь не считает Царскую власть ограниченной этой Думой. Народ видит в Г. Думе орган для более тесного единения Царя с народом и для устраниния чиновничего и бюрократического произвола», – писал корреспондент газеты, реагируя на отказ части депутатов употреблять термин «самодержец» в приветственном адресе на имя царя, который подписали и октябрьсты [23, с. 1]. В дальнейшем «Минское слово» не раз подвергало критике деятельность октябрьстов в Думе и открыто перешло на позиции черносотенцев. Газета также выступала против принятия конституции: «Мы твердо уверены, что уступка в вопросе конституции приведет к безвозвратной гибели дела России, единой и нераздельной» [24, с. 1]. И далее: «Если и Государственная Дума костюром не по плечу русскому народу, мы должны будем перейти к земскому собору» [25, с. 2].

После смерти Г.К. Шмидта в ноябре 1909 г. газету возглавил Д.В. Скрынченко – преподаватель Минской духовной семинарии и редактор «Минских епархиальных ведомостей». Общее направление издания не изменилось, хотя оно и утратило былую оструту и непримиримость. Вскоре в результате полемики, возникшей между «Минским словом» и «Минскими ведомостями», явившимися неофициальной частью «Губернских ведомостей» (стали издаваться с 11 июля 1911 г.), обострились отношения между Д.В. Скрынченко и местной администрацией. Обе газеты придерживались одной и той же программы и были рассчитаны на русское население губернии. Однако редактор «Минских ведомостей» А.Д. Петров, будучи одновременно руководителем канцелярии губернатора, в номерах 8 и 9 своей газеты раскритиковал деятельность Русского губернского предвыборного комитета, назвав его «увядающим комитетом общественного спасения». «Минское слово» поместило ответ в № 1362 (статья «Расцветающему органу общественного усыпления») и в № 1368 (статья «Богатырям из “Минских ведомос-

тей”»), а Русский губернский комитет постановил исключить А.Д. Петрова из числа своих членов. Об этом факте и сообщил № 1369 «Минского слова» в статье «Правитель канцелярии губернатора – Петров и Русский губернский выборный комитет» [26, л. 84]. 10 сентября 1911 г. постановлением управляющего Минской губернии вице-губернатора С.П. Межакова-Каютова Д.В. Скрынченко был оштрафован на 300 руб. за ряд статей, которые якобы были направлены против местной администрации и управляющего канцелярией губернатора А.Д. Петрова с целью возбудить у населения враждебное отношение к ним [26, л. 73].

Еженедельная газета «Минские ведомости» также придерживалась великодержавно-монархического направления и выступала с первых же номеров против демократии и либерализма. Кроме того, издание целиком поддерживало политику правительства, в том числе аграрную столыпинскую реформу, в то время как «Минское слово» выступило с критикой хуторской системы справа [1, с. 171–172]. Тем не менее «Минские ведомости» просуществовали недолго (с 11 июля по 25 декабря 1911 г. вышло всего 25 номеров). Ее сотрудники перешли в новое частное издание того же направления «Минские ежедневные ведомости», имевшее подзаголовок «Независимая политическая, литературная и экономическая газета». Издателем газеты стал дворянин А.К. Яштолльд-Говорко, редактором – полковник в отставке М.П. Погорелов; с 15 февраля редакцию возглавил С.Ф. Ильин [27, л. 1–2]. «Минские ежедневные ведомости» стали выходить в свет фактически с 1 января 1912 г.; подписная цена составляла 5 руб. в год с доставкой и пересылкой; всего вышел 131 номер. Подчеркивая свой «объективизм», редакция нового органа периодической печати вместе с тем заявляла, что разделяет взгляды Всероссийского национального союза [28, с. 47].

Отношения между «Минскими ведомостями» и «Минским словом» были сложными. Полемика, особенно ярко вспыхнувшая после двух лекций графа В.А. Бобринского, прочитанных в Минске 29 и 30 марта 1912 г., а также связанных с этими лекциями предвыборных собраний и дебатов, свидетельствовала, что в русских кругах Минска и Минской губернии существовал разлад [29, с. 1]. Такое положение вещей не устраивало местную администрацию, т.к. это не способствовало объединению правых русских сил губернии в ходе предстоящих выборов в Думу.

«Минское слово» находилась под защитой архиепископа Михаила. Однако 28 мая 1912 г. архиепископ умер, и через 18 дней «Минское слово» прекратило свое существование. 15 июля редактор рас прощался с читателями, но на последний 1585 номер газеты был наложен арест, причем на Скрынченко было заведено уголовное дело за возбуждение у читателей враждебных чувств к администрации и духовенству. 12 января 1913 г. суд рассмотрел это дело и признал Д.В. Скрынченко невиновным [30, с. 4].

Газета «Минские ежедневные ведомости» тоже была закрыта, а вместо нее появился новый печатный орган – газета «Минское русское слово». Редакцию возглавил Л.Н. Цветков, душой же издания стал епископ Иоанн. В редакцию вошли новые люди, угодные епископу, сам же Д.В. Скрынченко и все, ему сочувствующие, не раз подвергались критике со стороны редакции газеты [30, с. 4]. Первый номер «Минского русского слова» вышел 17 июня 1912 г. Целью издания было «доставлять широкому кругу читателей возможно полный материал для ознакомления с местной краевой жизнью во всех ее действительных проявлениях» [31, с. 2]. Газета разделяла политическую программу правых русских партий и стремилась «дать возможность всем представителям духовенства, земства, городского управления и др. открыто высказываться по интересующим их вопросам как с теоретической, так и с практической точек зрения» [31, с. 2]. Редакция отстаивала свою независимость и не причисляла себя ни к какой политической организации. Задачей «Минского русского слова» ставилось «сбережение устоев величия русской земли», главнейшим из которых издатели считали «глубокую народ-

ную веру и неразрывно с ней связанную любовь народа к Царю Православному – Божьим промыслом управляющему великой Русской державой» [32, с. 2].

Особое внимание газета уделяла вопросам церковно-общественной жизни, сельского хозяйства, землеустройства и текущим мероприятиям правительства. Отдельный раздел был посвящен широкому освящению деятельности земства и агрономических работ в Минской губернии. На страницах «Минского русского слова» давались юридические советы, ответы и разъяснения крестьянам на их запросы и обращения [31, с. 2]. Стоимость издания составляла 6 руб. в год, а для народных учителей и сельских священников предусматривалась льготная подписка в размере 4 руб. 50 коп. в год [33, л. 1]. О характере газеты можно судить из объявления о подписке, где редакция главной своей задачей ставила «служение великому делу русского национального возрождения, основанного на росте общественной самодеятельности и совместной работе с Правительством над обновлением нашей Родины не по партийным указкам гг. политиков, но в согласии с заветами нашей тысячелетней истории, народными упованиями и предначертаниями Самодержавного Царя, опирающегося на единение с могучим русским народом» [34, с. 15]. Корреспондент газеты Петр Изяславцев в статье «В единении сила» определил основные направления деятельности издания: 1) внедрять в народное сердце любовь и преданность вере православной, как главной основе могущества и славы России; 2) будить в русском народе дремлющие чувства патриотизма и национализма [35, с. 3].

«Минское русское слово» сразу же включилось в кампанию по выборам в IV Государственную думу, целью которой было избрание в ее состав правых русских кандидатов. Поэтому тема выборов в Думу была в газете одной из центральных.

23 июня 1912 г. определением Св. Синода за № 5612 председательствование в Минском губернском предвыборном комитете было возложено на епископа Слуцкого Иоанна, назначенного к этому времени управляющим Минской епархией [36, с. 2]. В № 8 газеты от 26 июня 1912 г. сообщалось об объединенном собрании советов главнейших монархических организаций Минской губернии, которое проходило 24 июня под председательством епископа Иоанна. На нем присутствовали представители Народного православного братства Святого Креста Господня, Минского Свято-Николаевского братства, Союза русского народа и председатель Борисовского отдела Всероссийского национального союза В.Н. Самойленко. В ходе собрания были приняты положения, которые стали основой объединенной деятельности всех правых сил губернии для успешного проведения выборов: православие, самодержавие, русская народность, неделимая Русь и неприемлемость каких бы то ни было блоков с «инородцами» и с элементами, не принадлежащими по политическим взглядам к направлению правых партий [37, с. 1].

Издание подчеркивало, что характер выборов в Думу должен быть проникнут национальным чувством. «Не утерявший государственной совести и разума русский гражданин понимает, что не социалисты, не кадеты нужны великой России: только люди с крепким и ясным национальным чувством, с крепким сознанием задач русской государственности, – отмечалось в одной из статей, – достойны занять места в народном представительстве обновленной страны» [38, с. 2].

Благодаря объединенной работе монархических организаций под руководством епископа Иоанна, поддержке местной администрации и при широкой агитационно-пропагандистской деятельности «Минского русского слова» избранными в члены IV Государственной думы оказались все правые: С.Н. Сорнев, Г.А. Лошкарев, В.А. Кадыгрбов, А.П. Фотинский, В.А. Якубович, К.М. Околович, И.Ф. Малайчук, Д.С. Вербило и К.А. Смеян [39, с. 3].

Что касается национального вопроса, то редакция «Минского русского слова», как и все представители правой прессы на территории Беларуси, не отделяла белорусов

от русской нации. В статье «Белорусский “национализм”» автор под псевдонимом Катон заявлял, что в 1906 г. в Вильно появилась группа интеллигентов, которая стала издавать для народа белорусскую газету «Наша нива», чем и ознаменовалось зарождение белорусского национального движения в крае. Однако это движение он характеризовал как «патологический национализм» и подчеркивал, что «белоруссизм – явление в государственном смысле пока не опасное, так как никаким успехом среди белорусского крестьянства оно не пользуется» [40, с. 3].

Газета «Минское русское слово», сыграв свою роль в деле думских выборов, постепенно превратилась в «кофициоз» и прекратила свое существование 28 февраля 1913 г. Вместо нее с начала марта того же года подписчики стали получать газету «Северо-Западная жизнь», редактором которой был Л.М. Солоневич. Прощаясь с читателями, редакция «Минского русского слова» выражала надежду, что «новый русский орган под руководством опытного редактора и поборника воссоздания русских национальных интересов, пожеланий и условий явится проводником русской государственности и задач национальной общественности на всем протяжении Северо-Западного края» [41, с. 1].

Газета «Северо-Западная жизнь» перед выборами в Государственную думу четвертого созыва по политическим мотивам была перенесена из Вильно в Гродно. Здесь, однако, редакция столкнулась с тем, что в городе не оказалось ни одной русской типографии, а владельцы типографий, которые принадлежали полякам и евреям, встретили новый орган национальной русской печати с явным недовольством. Выход из сложившегося положения был найден: в Минске прекращала свое существование единственная в городе русская газета консервативного толка «Минское русское слово», а ее место заняла «Северо-Западная жизнь» [42, с. 1].

С прибытием в Минск редакция этой газеты сразу же почувствовала давление тех сил, от которых пострадали «Минское слово» и сторонники Д.В. Скрынченко. Ей пришлось занять нейтральную позицию, но это не удовлетворило ни тех, ни других из противостоящих сторон, что поставило газету в довольно сложные условия. Долгое время «Северо-Западная жизнь» не пользовалась популярностью у подписчиков Минской губернии. Удержаться на своих позициях и пережить тяжелые времена издание смогло благодаря подписчикам Виленской и Гродненской губерний, а также государственным субсидиям. Все изменилось с началом Первой мировой войны, приведшей к консолидации населения в борьбе с врагом и росту национального чувства, что и отразилось на газете, очень скоро увеличившей тираж втрое [42, с. 1]. Однако издание «Северо-Западной жизни» было прекращено в сентябре 1915 г. в связи с трудностями военного времени.

Заключение

Важность средств массовой информации прекрасно осознавали власти Российской империи, поэтому периодическим изданиям отводилась большая роль в деле успокоения умов в годы первой русской революции и укрепления монархических настроений в сознании населения. Кроме того, консервативная печать широко использовалась для дискредитации идей левых и центристских партий. Немаловажную роль в деле объединения русских сил Минской губернии в ходе предвыборных кампаний в народное представительство сыграли «Минская речь», а затем и «Минское слово». Результатом стала победа в Минской губернии октябрьско-черносотенского блока на выборах во II и III Государственные думы. При выборах в IV Государственную думу ярко проявилась борьба за власть в среде местных монархистов, которые ориентировались на один и тот же электорат. Ареной этой борьбы стала и минская пресса, что чуть не стоило победы правым на выборах. Однако вмешательство властей, закрытие двух враждовавших газет и создание «Минского русского слова» позволило провести в Ду-

му намеченных кандидатов. Эта газета издавалась немногим более года и была закрыта, а переехавшая из Гродно «Северо-Западная жизнь» популярностью среди местного населения не пользовалась. С началом Первой мировой войны потребность в русском органе печати резко выросла, но из-за приближения театра военных действий к г. Минску издание газеты было прекращено.

Таким образом, консервативная печать г. Минска в 1906–1915 гг. была представлена в первую очередь монархическими периодическими изданиями, которые отстаивали русские национальные интересы в крае и с помощью печатного слова боролись за сохранение самодержавного строя с народным представительством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конон, В. М. Проблемы искусства и эстетики в общественной мысли Белоруссии начала XX в. / В. М. Конон. – Минск : Наука и техника, 1985. – 200 с.
2. Забаўскі, М. М. Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.) / М. М. Забаўскі. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1999. – 212 с.
3. Забаўскі, М. М. Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.) / М. М. Забаўскі. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 2008. – 266 с.
4. Бондаренко, К. М. Русские и белорусские монархисты в начале XX века / К. М. Бондаренко, Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2003. – 212 с.
5. Бондаренко, К. М. Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.) / К. М. Бондаренко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – 412 с.
6. Лавринович, Д. С. Деятельность Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905–1918 гг.) / Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2009. – 336 с.
7. Поправка к «иллюстрации» «М-х Ведомостей» // Мин. слово. – 1912. – 18 апр. – С. 3.
8. Программа газеты // Мин. речь. – 1906. – 3 янв. – С. 1.
9. Местная хроника // Мин. речь. – 1906. – 14 янв. – С. 3.
10. Минск, 3-го января // Мин. речь. – 1906. – 3 янв. – С. 1–4.
11. Отношения начальника главного управления по делам печати об отпуске средств на издание газ. «Минская речь» // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 7559.
12. Минск, 10-го января // Мин. речь. – 1906. – 10 янв. – С. 1.
13. Минск, 2 ноября // Мин. речь. – 1906. – 2 нояб. – С. 2.
14. Девиз // Мин. слово. – 1906. – 4 нояб. – С. 1.
15. От редакции // Мин. слово. – 1906. – 4 нояб. – С. 2.
16. РОС. Минский комитет // Мин. слово. – 1907. – 3 апр. – С. 1.
17. Минск, 24 ноября // Мин. слово. – 1906. – 24 нояб. – С. 1.
18. Минск, 5 апреля // Мин. слово. – 1907. – 5 апр. – С. 1.
19. Минск, 5 июня // Мин. слово. – 1907. – 5 июня. – С. 1.
20. Минск, 3 января // Мин. слово. – 1907. – 3 янв. – С. 1.
21. Минск, 11 октября // Мин. слово. – 1907. – 11 окт. – С. 1.
22. Бесспорный факт // Мин. слово. – 1912. – 10 июня. – С. 1.
23. Минск, 16 ноября // Мин. слово. – 1907. – 16 нояб. – С. 1.
24. Минск, 16 января // Мин. слово. – 1908. – 16 янв. – С. 1.
25. От редакции // Мин. слово. – 1908. – 14 марта. – С. 2.
26. По изданию в гор. Минске газеты «Минское слово» // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 776. Оп. 22. 1906. Д. 396.

27. По изданию в г. Минске газеты «Минские ежедневные ведомости» // РГИА. – Ф. 776. 1912 г. Оп. 22. Д. 18.
28. Обзор печати // Окраины России. – 1912. – № 3. – С. 46–48.
29. Вильна, 6 апреля // Северо-Запад. жизнь. – 1912. – 6 апр. – С. 1.
30. Скрынчененок. Мелочи в жизни русской печати (Судьбы русской прессы) / Скрынчененок // Северо-Запад. жизнь. – 1913. – 1 февр. – С. 3–4.
31. Подписька на 1912 г. // Мин. рус. слово. – 1912. – 17 июня. – С. 2.
32. Минск, 17 июня 1912 г. // Мин. рус. слово. – 1912. – 17 июня. – С. 2.
33. По изданию в гор. Минске газеты «Минское русское слово» // РГИА. – Ф. 776. 1912 г. Оп. 22. Д. 127.
34. Подписька на 1913 г. // Литов. епарх. ведомости. – 1913. – № 1. – С. 15.
35. Изяславцев, П. В единении сила / П. Изяславцев // Мин. рус. слово. – 1912. – 17 июня. – С. 3.
36. Минск, 29 июня 1912 г. // Мин. рус. слово. – 1912. – 29 июня. – С. 1–2.
37. Минск, 26 июня // Мин. рус. слово. – 1912. – 26 июня. – С. 1.
38. Партия или Россия? // Мин. рус. слово. – 1912. – 22 сент. – С. 2.
39. Выборы членов 4-й Государственной Думы от Минской губернии // Мин. рус. слово. – 1912. – 26 окт. – С. 2–3.
40. Белорусский «национализм» // Мин. рус. слово. – 1913. – 13 янв. – С. 3.
41. Минск, 28 февраля // Мин. рус. слово. – 1913. – 28 февр. – С. 1.
42. Солоневич, Л. М. Два года / Л. М. Солоневич // Северо-Запад. жизнь. – 1915. – 12 марта. – С. 1–2.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.10.2017

Gromyko M.W. The Minskaya Conservative Press in the Public-Political Life of the Russian Empire (1906–1915)

The article is based on the analysis of the conservative press published in Minsk from 1906 to 1915. The position of the right periodical press on the major questions of the state system is covered; and its role in the political life of the country of that time is defined. It is concluded that the given mass media represented the monarchic periodical press which upheld up the principal of Russian national interests in the country and spoke in the support of the autocracy with the popular representation.

УДК 930(476)"18-19"+303.446.4(476)

B.A. Белозорович

*канд. ист. наук, доц. каф. истории Беларуси,
археологии и специальных исторических дисциплин
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
e-mail: v.belozorovich@grsu.by*

«РОМАНТИЗАЦИЯ» БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИИ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВВ.

Анализируется процесс формирования концепции истории белорусского народа в конце XIX – начале XX в. Раскрывается проблема «романтизации» прошлого белорусов на примерах публицистики народников, художественных произведений национальной литературы, работ непрофессиональных исследователей. Определена степень мифологизации событий белорусской истории, их субъективного восприятия основателем национально-демократического направления белорусского движения В.Ю. Ластовским. Выделены новые аспекты осмыслиения и реконструкции событий и явлений отечественной истории, ранее не изученные исследователями.

Введение

Первая половина XIX в. вошла как период романтизма, в методологической парадигме которого сформировались «национальные истории» Старого Света, включая историю народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Создавались концепции, отражавшие, как правило, славное и героическое прошлое. Такой подход привел к мифологизации истории, т.е. интеллектуальному созданию событий, фактов, не подкрепленных объективной реальностью. Но исторические мифы активно использовались в общественно-политической практике государственными и негосударственными институтами, поскольку содействовали консолидации этноса, формировали национальное самосознание и национальную идеологию.

Историописание моноэтнического характера подкреплялось легендами о героях – защитниках народных интересов, борцах за национальную свободу. Концептуальное видение прошлого предусматривало наличие некогда могущественного государства, которое по различным причинам постепенно утрачивало силу и попадало под влияние либо внешних завоевателей, либо соседних держав. Соответственно формировался образ врага, выступавший объектом национального угнетения. И только на этапе консолидации в нацию этнос активно пробуждается, чтобы, с одной стороны, достичь своего былого величия, а с другой стороны, вернуть социальную справедливость. Ведь старые времена традиционно фиксировались в исторической памяти как период всеобщего благоденствия и достатка.

Подобная модель объяснения прошлого нашла свое отражение и в белорусской историографии. Цель публикации – раскрыть процесс начального формирования концепции белорусской истории, сопряженный с генезисом национальной литературы.

Идеализация прошлого в белорусской публицистике и литературе

Традиция национального историописания сложилась у белорусов гораздо позднее, чем у других славянских народов, – на рубеже XIX и XX вв. Она сформировалась под влиянием революционно-демократических идей Кастуся Калиновского и представителей народнического движения. Помимо социального контекста в их взглядах прослеживается определенная идеализация белорусского прошлого. В частности, Калиновский оценивал унию как национальную веру белорусского народа, представлял Тадеуша Костюшко как борца с крепостничеством [1], считал «польское правительство» (Речь Посполитую. – В.Б.) защитником «народной свободы», создал образ исторического врага в лице «московского правительства» [2]. В свою очередь, представители Бело-

русской социально-революционной группы «Гомон» ввели в научный оборот положение тезис о колониальном статусе Беларуси в Российской империи и положение о политике царизма как режима исключительных законов [3, с. 69–71, 91].

Становление белорусской истории осуществлялось в тесной взаимосвязи с развитием белорусской литературы, произведения которой не только реконструировали прошлое народа, но и утверждали статус самостоятельного белорусского языка. Еще в 1891 г. Франтишек Богушевич в предисловии к сборнику стихов «Дудка беларуская» писал о самостоятельном и самодостаточном белорусском языке: «Мова наша ёсьць такая ж людская і панская, як і французская, альбо нямецкая, альбо іншая якая» [4, с. III]. Автор предложил читателю собственное видение белорусской истории, в основе которого добровольное объединение Беларуси с Литвой и Польшей: «Спрадвеку, як наша зямелька з Літвой злучылася, як і з Польшчай з'ядналася дабравольна, дык усе яе “Бяларусяй” звалі, і недарма ж гэта! Не вялікая, не малая, не чырвоная, не чорная яна была, а белая, чыстая». Тут же предстает образ беззащитной родины, которая «никога не біла, не падбівала, толькі баранілася» [4, с. IV]. Ф. Богушевич обратил внимание читателя на факт совместной борьбы Беларуси и Литвы с крестоносцами до княжения Витена, отметил консолидирующую политическую роль Гедимина. Автор четко обозначил границы Беларуси: «Гдзе ж цяпер Беларусь? Там, братцы, яна, гдзе наша мова жывець: яна ад Вільні да Мазыра, ад Вітэбска за малым не да Чарнігава, гдзе Гродна, Мінск, Магілёў, Вільня і шмат мястэчкаў і вёсак» [4, с. V].

Идею национального пробуждения народа, опираясь на героические примеры из прошлого в своих стихах и поэмах развивал Янка Купала. При этом он использовал материалы белорусского фольклора, например, в поэме «Курган». Главный герой произведения – гусляр, образ которого романтизированный, былинный. Я. Купала часто и, на наш взгляд, не случайно использовал сравнительный эпитет «белый» («барада, як снег белы – такая», «сумны, як лунь, белы дзед», «дзед, як снег, белы выходзе») [5], означающий мудрость, чистоту и неподкупность. Такое сравнение свидетельствует об идеализации не только главного героя произведения, но и в целом белорусского народа.

Романтизированное видение прошлого прослеживается и в поэме «Магіла льва». Я. Купала, исходя из народного предания, осудил противопоставление личности и народа, эгоизм и слепой индивидуализм. Автор показал силу народной обиды [6]. В поэтических произведениях, таких как «Над сваёй Айчызнай» (1906), «З мінульых дзён» (1909), «Над Нёманам» (1912), прослеживается связь между современностью и славным прошлым, в котором Беларусь обладала всеми атрибутами независимости и самостоятельности. Я. Купала считал, что каждый народ составляет «огромную семьюродню» и отличается от другого этноса языком. Он видел Беларусь в прошлом независимым государством, «когда страна жила своей жизнью, имела своих князей, свое вече». Затем Беларусь попала под владычество Литвы, но белорусский язык в то время стал языком «литовских законов», «правительственным словом победителя». Великое княжество Литовское поэт называл «Великим Литовско-Белорусским княжеством». Упадок Беларуси Я. Купала соотносил с периодом Речи Посполитой, когда шляхта предала свой народ, стала чужой на своей белорусской земле. Помещики и крестьяне стали говорить на разных языках, а отношения между ними приобрели классово-национальный характер [7].

В статье «Белорусское возрождение» (1914) Максим Богданович придерживался теории дробления европейских культур и размежевания родственных культур: «От чешской культуры откалывается словацкая, сербской – словинская, польской – кашубская, от русской (великорусской) отслоилась украинская и, наконец, белорусская». Он считал, «что белорусская культура отнюдь не является простым вариантом культуры вели-

корусской. Наоборот, в их лице перед нами находятся два самостоятельных культурных комплекса, с самого же начала росших и развивавшихся независимо друг от друга».

Размежевание двух культур произошло в XIII в., когда Беларусь вошла в состав Великого княжества Литовского, а великорусские земли консолидировались вокруг Москвы. М. Богданович считал долюбинский период истории Беларуси «золотым веком», временем духовного подъема в русле общеевропейской культуры. Упадок начинается с переходом делопроизводства на польский язык. «Литовско-русское государство... успело утратить львиную долю своей самостоятельности». Происходит денационализация белорусской шляхты и экспансия польской культуры.

Поэт раскрыл влияние романтизма на литературу, что привело, по его мнению, к накоплению белорусского этнографического материала, ввел понятие «краёвой» литературы. Но в духе того же романтизма М. Богданович главным источником белорусского возрождения видел поэзию [8].

Концепция «романтизированного прошлого» В.Ю. Ластовского

Еще сильнее романтизм повлиял на мировоззрение Вацлава Ластовского – незаурядной личности, в которой переплелись поэт и прозаик, драматург и литературный критик, историк и политик. Этот ученый-самоучка сумел достичь научного признания.

Сам В. Ластовский оценивал романтизм как направление духовно-культурного развития Европы на рубеже XVIII и XIX вв. Он определял сущность эпохи как появление интереса правящей социальной элиты («панства» и «духавенства») к народной культуре. Но разделы Речи Посполитой и последовавшее «рэпрэсіўнае абrusенне» не содействовали развитию белорусского движения, а, наоборот, привели к усилению «идеи польского национализма». И только через сто лет в результате формирования плеяды борцов за белорусскую национальную идею начинается белорусское возрождение [9, с. 302–303].

После неудачной попытки реализации белорусской государственности на национально-демократической основе В. Ластовский, находясь в эмиграции, активно искал близкую по духу белорусам модель государственного устройства. Им стало Полоцкое княжество или, как называл его автор, «Кривия»: «Як “беларусы”, мы – толькі адбіццё агульнарускай індывидуальнасці, нейкі “промежуток и недоумок”, але як “крывічы” – мы асобны індывидуум, асобнае славянскае племя са сваёй багатай мінуўшчынай, сваёй асобнай мовай, тэрыторыяй і духовай творчасцю» [10, с. 377].

В 1923 г. Власт стал издавать в Ковно (Каунасе) журнал «Кривич», на страницах которого опубликовал фантастическую повесть «Лабиринты». Это незавершенное произведение представляет собой художественную конструкцию белорусской ментальности, в которой прослеживаются романтизированные взгляды на национальную историю. События в повести разворачиваются в Полоцке. Причем автор не принял летописных названий города – «Полотск», «Полотеск», считая их проявлением русификации. Возможно, В. Ластовский знал, что в слове «Полоцк» присутствует типично славянский суффикс -цк-, встречающийся в названиях городов, размещенных на берегах одноименных рек [11]. Поскольку город был основан кривичами, то для него этот фактор стал определяющим. Ластовский считал полоцкий период белорусской истории героическим: «“Крыважэрнасць і лютасць” павінна быць прыпісана не Усяславу полацкаму, а, наадварот, – варажскім ватагам, якія, абаснаваўшыся ў Ноўгарадзе і Кіеве, стараліся пазбавіць свабоды адзінае, яшчэ змагаўшася з імі, усходнеславянскае племя крывічоў. Постаць князя Усяслава полацкага, геройскага змагара за незалежнасць, у нашай гісторыі павінна займець такое ж самае месца, як у гісторыі Русі – постаць Аляксандра Неўскага» [12, с. 379].

Автор подчеркнул древность Полоцка тем фактом, что мещанин Григорий Н на территории Верхнего Замка нашел медаль. На ней был изображен змей и Дева-Солнце (силуэт птицы с человеческой головой). Ластовский ассоциировал змея с «Коном» – персонажем белорусской мифологии, равнозначным древнегреческому богу времени Кроносу. От слова «Кон» происходит термин «князь» [13, л. 21]. Как у эллинов «царство Кроноса» соответствовало сказочному «золотому веку», так и у Власта полоцкий период характеризовался свободой, демократией, «необычной привязанностью» полочан к своему княжескому роду [13, л. 21об.]. В. Ластовский писал: «Павэдлуг даўняй паганская веры нашых прадзедаў, пачатак усяму ў шырокім свеце даў спрадвежны Кон. Ён назначыў кірунак і долю як багам, так і людзям, зямлі і мору, звязам і раслінам, і ніхто і нішто ўжо змяніць не можа, нават ён сам, спрадвежны Кон. Нашы прадзеды, хочучы прадставіць сабе спрадвежнага Кона, вырэзвалі з каменю, металу або дрэва фігуру, зложаную з трох вужоў, сплеценых у адно хвастамі і з раскінутымі ў розныя стараны галавамі. Гэта быў знак багаслаўлення, знак святы» [14, с. 232].

Писатель много внимания уделил как материальной, так и духовной культуре белорусов. Здесь можно отметить элементы народной кухни («водка-старка», «кумпячына», «салцісон», «каўбасы») [15, с. 10], особенности местной архитектуры («агалавак коміну ў кшасце кароны») [15, с. 13] и погребального обряда («корст» – «стара-вецкая труна») [15, с. 14], белый цвет одежды [16, с. 31]. Подобным образом В. Ластовский стремился сформировать у читателя интерес к национальному стилю, к белорусской самобытности.

Под влиянием популярной на рубеже XIX и XX вв. гиперборейской теории он попытался «встроить» белорусские земли в индоевропейскую этногенетическую концепцию. Для него наша Родина была транзитным регионом на пути культурной экспансии гиперборейцев, осуществлявшейся с севера на юг. Главный герой повести Иван Иванович говорил о том, что с берегов Геродотова моря (Полесья) происходил великий индийский реформатор Рама, а колонию ученых вывел на Балканы Ален, Орфей основал древнегреческие города, учил людей искусству и ремеслам [16, с. 35].

В том же романтическом ключе В. Ластовский представил гипотезу о подземных жителях и пещерных городах. Будучи уроженцем Витебщины, он пересказал белорусское предание о городе Богоцке, который ранее стоял на месте деревни Старый Погост. Город якобы провалился под землю и только в определенные дни появлялся на ее поверхности. Но увидеть его могли только безгрешные и добрые люди [17, с. 207]. Жизнь обитателей подземного города – своеобразная социальная утопия начала XX в. В придуманном автором мире нет смерти, холода и голода [18, с. 8–9]. Но подземная мифическая Кривия по своей сути являлась трансформацией белорусской национальной идеи в противовес БССР.

В предисловии к «Падручнаму расійска-крыўскаму (беларускаму) слоўніку», опубликованному в 1924 г., В. Ластовский выделил четыре периода истории Кривии (Беларуси). Первый период от X до XIII в. – «Кривско-Русский», т.е. время, когда белорусский народ назывался «русами» [19, с. VIII]. Второй период начинается с утверждения литовской княжеской династии и завершается в конце XIV в. Кревской унией. Тогда Беларусь называли «Литвой-Русью», где под Литвой подразумевалось государство, а Русью называли территорию, на которой проживали православные белорусы. Лишь в приграничных с Россией регионах употребляли термин «литвины». Третий период – Литовско-Польский (с 1386 г. до конца XVIII в.) – автор связывает с двумя негативными для белорусской истории явлениями: латинизацией и полонизацией белорусского «боярства» и разрывом между народными массами и «историческими верхами». Далее следует российско-белорусский период. Православное духовенство и православная шляхта перешли в «московский обоз» и «утонули в российской великоле-

жавности» [19, с. IX]. Поэтому национальное возрождение, по мнению В. Ластовского, исходило от «народных корней» – кривичей [19, с. X]. Для него название «белорусы» является отражением общерусской индивидуальности, а понятие «кривичи» означает «отдельный индивид, отдельное славянское племя со своим богатым прошлым, своим отдельным языком, территорией и духовным творчеством» [10, с. 377].

В «Краткой истории Беларуси» (1910) В. Ластовский отправной точкой белорусской истории считал расселение славянских племен, которые пришли с берегов Дуная. По его мнению, основу народа составили кривичи-полочане, радимичи, древляне и ятвяги [20, с. 7]. Здесь можно увидеть расхождение взглядов исследователя с позицией автора кривично-древовичко-радимической концепции этногенеза Митрофана Довнар-Запольского. Ластовский включил западнобалтийское племя ятвягов в процесс формирования белорусского этноса. Позднее, в 1914 г., исследователь стал утверждать, что кривичи первоначально себя называли «дрыгвічамі», но в результате активных контактов с литовскими племенами сменили этноним на «крывічы». По его мнению, литовское слово «кирва» означает «болото», «дрыгва» [21, с. 295–296].

В контексте романтизации прошлого представлена идея о проникновении племени дрэговичей в IX в. на Балканский полуостров – до греческого города Салоники. Ластовский считал, что братья Кирилл и Мефодий выросли в окружении «дрыгвічоў-хлебароў» и свои первые богослужебные книги перевели на язык дрэговичей [21, с. 296].

В. Ластовский одним из первых в отечественной историографии выдвинул концептуальное положение о формировании белорусской государственности в период Древней Руси, ставшее популярным в научной и публицистической литературе первой половины 1990-х гг. К «своим», т.е. белорусским княжествам, он относил «Смоленское и Полоцкое... Витебское, Минское, Туровское, Оршанское, Друцкое, Лукомльское, Мстиславское, Изяславское, Слуцкое, Новогрудское, Несвижское, Пинское, Соломенецкое, Мозырское, Клецкое, Пересопицкое, Свислочское, Борисовское и др.» [20, с. 8]. Его привлекли два феномена ранней государственности: деятельность вече и сильная связь между князьями и народом. Он считал, что «народ крепко любил род своих князей». Даже языческие литовские имена не могли разорвать эту любовь. Очевидна модернизация прошлого, когда автор неоднократно использовал понятие «кеспублика» в отношении к Полоцкому княжеству. Приводится такой факт, что вече после смерти Всеслава Васильковича не пожелало выбирать себе иного князя (1181–1190 гг.).

Идеализация славного прошлого белорусов проявилась в попытке сформировать пантеон национальных героев. Из «Белорусского родовода» (1913) следует, что прародителем народа был мифический князь Бой – последний человек из рода волотов [22, с. 143]. Далее следует полоцкая княжна Рогнеда. В. Ластовский не просто пересказал знаменитую легенду, а обратил внимание на тяжелую жизнь княгини в Киеве, назвав ее «гаротницай» [23, с. 146]. К белорусским историческим героям автор относил Изяслава, Всеслава, Витовта [24–26].

В «Краткой истории Беларуси» он особо отметил представителей «роду мейсцовых князёў» Рогволода и Изяслава [20, с. 9], которые вели борьбу за Псковские и Новгородские земли с Киевом и в то же время «дружили» с Литвой: «Полацкія князі з давён-даўна мелі розныя супольныя справы з Літвой, што іншыя бліжэйшыя літоўскіе племёны залежалі ад Полацкіх князёў і што ў Літоўскіх землях жылі і Беларусы ў перамешку з літвінамі» [20, с. 11]. Позднее в неопубликованных «Нарысах з беларускай гісторыі» находим оригинальный вариант происхождения Литвы. Ластовский считал, что первоначально там проживали прибалтийские славяне лютичи («лютыя, смелыя, вольныя»), которые слились с местным населением, сформировав высшее военное сословие бояр и князей. Территория эта в древности имела название «Лютва», которое затем трансформировалось в «Литву» [13, л. 10].

Почему В. Ластовский акцентировал внимание на западном векторе отношений Полоцкого княжества? Возможно, он искал «смычку» между периодом полоцкой государственности и последующим Литовско-Русским периодом. Поскольку Ластовский принял положение о захвате белорусских земель литовскими князьями (дважды упоминал о походе Рингольда в 1230 г.), он выдвинул идею государства со смешанным белорусско-литовским населением. Оно формировалось путем консолидации двух регионов – Литовско-Завилейского княжества и Литовско-Кривичанского княжества. Название нового государства В. Ластовский взял из федералистской концепции ВКЛ М.К. Любавского. Но в отличие от позиции профессора Московского университета характер Литовско-Русского государства он считал белорусским: «мала-памалу з Беларускіх зямель злажылося новае гасударство» [20, с. 17]. И «Миндоговичи», и «Гедиминовичи», считал автор, имели кровное родство с Рогволодовичами [13, л. 27об.].

Вацлав Ластовский последовательно раскрыл деятельность великих князей литовских. Родословную Миндовга сводил к полоцким князьям, положительно оценивал деятельность Гедимина и Витовта. Особенно он симпатизировал князю Витовту за его «демократизм» и желание основать независимое от Польши государство: «Вітоўт быў заўсягды даступны для ніжшых: кожны селянін мог даступіцца да яго і вылажыць свае крыўды, ці патрэбы. Вітаўт належаў да ліку тых, што патрапяць людзей кожнай нації, кожнай веры лічыць роўнымі сабе, калі яны толькі былі добрымі грамадзянамі» [20, с. 27]. Радовал исследователя и тот факт, что Витовт хотел назначить для Беларуси отдельного митрополита – Григория Цамблака. Идеализация прошлого прослеживается и в выводе автора, согласно которому при Витовте «дрэнна было... князём і баярам, але народу лепей жылося» [20, с. 30]. Позднее, в 1916 г., Власт противопоставил политику двух князей: Витовта, который хотел, чтобы «народ беларускі і літоўскі не быў нічый слуга», и Ягайлы, ориентированного на союз с Польским королевством [26, с. 149].

Судьбу Литовско-Белорусского княжества (именно так автор называл государство перед Люблинской унией) предопределила борьба между католической и православной «партиями». К первой В. Ластовский относил сторонников Польши, ко второй – сторонников «краевых интересов». Обострилась конфессиональная проблема, осложненная претензиями Московского княжества на белорусские земли. Поэтому исследователь считал, что «Иоан III бытцам заганяў Літву і Беларусь у руکі Палякоў» [20, с. 39].

Положительно оценивал Ластовский реформационное движение на белорусских землях. Он считал, что, с одной стороны, представители кальвинизма и антитринитаризма будили национальное сознание, а с другой – способствовали консолидации литовцев и белорусов в деле государственной независимости от Польши [20, с. 44].

Люблинскую унию историк рассматривал как вынужденный шаг со стороны Литовско-Белорусского государства под негативным влиянием т.н. «московских войн»: «Літоўска-Беларускае гасударства бараніло сваій незалежнасці і толькі за адзінаццатым разам – у 1569 годзе – гасударство страціло можнасць змагацца далей і было прымушэно здацца» [20, с. 46]. Речь Посполитую В. Ластовский считал польским государством и объяснял свою позицию нарастающим процессом ополячивания белорусского дворянства, политикой иезуитов, образованием униатской церкви. Еще в предисловии к «Краткой истории Беларуси» он обратил внимание на деятельность православных братств, которую считал белорусской, национальной [20, с. 5]. Именно от Брестской церковной унии белорусская история приобретает народный характер, поскольку знать стала массово переходить в католичество [20, с. 64]. Здесь очевидно сильное влияние на взгляды В. Ластовского западнорусской историографии. Он не поддержал идеи «народной» церкви, предложенной революционерами-демократами во второй половине XIX в. К. Калиновским и Щирым белорусом. Для него уния была средством постепенного ополячивания белорусского народа: «Унія была вялікая абмылка» [20, с. 68].

Отметим нетрадиционный подход В. Ластовского к оценке личности Януша Радзивилла. Опять-таки историк исходил из личной антипольской позиции. Он считал, что деятельность великого гетмана ВКЛ была независимой: «Гэта была апошняя паманка Беларуска-Літоўскіх зямель, каб выламацца з залежнасці ад Польшчы» [20, с. 81]. Польшу он называл «злой мачыхай» для белорусов, поскольку «палякі, дзякуючы Люблінскай Уніі, забралі ў свае рукі ўнутрэнае жыцьцё усяго государства». Ластовский критикует ограничение прав иноверцев в Речи Посполитой, осуждает шляхетскую анархию в стране, отмечает спад культурного развития белорусского народа. По его мнению, «дамоўская сваркі і войны» не способствовали развитию национального просвещения и науки [20, с. 87]. Польская Речь Посполитая в результате трех разделов перестала существовать.

Согласно В. Ластовскому, в новой российской государственности белорусский народ встретил «панскую няволю» и национальное бесправие. Ластовский отдельно заметил, что белорусский народ в России считали литовским. Исследователь критиковал концепцию воссоединения русских (белорусских) земель с Россией. Он исходил из собственного убеждения, что дворянская Российская империя не могла принести свободу белорусам. Также историк осуждал Россию за политику «абрусення», т.е. русификации [20, с. 91].

В «Краткой истории Беларуси» Ластовский определил роль Виленского университета в формировании белорусского национального движения. Ученые (профессоры) проявляли интерес к духовной культуре белорусского народа, изучали его фольклор, собирали, обрабатывали и публиковали образцы устного народного творчества, «і так памалу пачала узрастаць навуковая польская літаратура аб беларусах» [20, с. 95].

Через 80 лет, в 1994 г., профессор Д.В. Карев выдвинул положение о формировании в университете нового направления научного познания – белорусского источниковедения, а с ним и белорусоведения [27; 28].

В. Ластовский считал просвещение главным мерилом развития культуры народа, основным признаком самостоятельности нации считал язык. Поскольку белорусский язык, будучи крестьянским, стал «марнець і траціць сваю даўную гладкасць і багацце» [20, с. 100], то заслуга в его возрождении принадлежала интеллигенции, прежде всего литераторам. В. Ластовский акцентировал внимание читателей на творчестве В. Дунина-Марцинкевича, «бацькі новага беларускага пісьменства», Ф. Богушевича, «народнага песніара-паэта», Я. Лучины, «песніара артыстычнага пакрою». Для историка «салрадынны беларускі рух пачынаецца з 1903 года», когда оформилась Белорусская социалистическая громада [20, с. 103].

Заключение

Таким образом, на рубеже XIX и XX вв. на стыке литературы и непрофессиональной историографии формируется национальная концепция истории белорусского народа. Ее осмысление базировалось на положении о самостоятельности белорусов, их национальной самодостаточности, праве иметь собственную историю. Этот подход был противоположен позиции представителей западнорусской историографии и взглядам ученых варшавской школы. Подъем белорусского национального движения требовал концептуального представления о прошлом белорусского народа. Реконструкция исторических событий и явлений, их восприятие современниками осуществлялось на методологической основе первой половины XIX в. – романтизме. Героизация истории, акцентирование внимания на роли сильной личности, идеализация народной культуры содействовали формированию исторических мифов, т.е. ошибочных оценок, опровергнутых в последующем историографической наукой.

Если в произведениях белорусской литературы романтизм органично вписывался в художественный замысел автора, о чем, например, свидетельствует лирика Я. Ку-

палы, то в исторических публикациях В.Ю. Ластовского сформулирован ряд субъективных ошибочных положений. Задача современной историографии заключается в необходимости критического подхода к накопленному интеллектуальному опыту.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каліноўскі, К. Мужыцкая праўда. № 2 [Электронный ресурс] / К. Каліноўскі // Свіслацкія аркушы. – Режим доступа: <http://kalinouski.arkushy.by/archives/mp.htm>. – Дата доступа: 20.03.2017.
2. Каліноўскі, К. Пісьмы з-пад шыбеніцы [Электронный ресурс] / К. Каліноўскі // Свіслацкія аркушы. – Режим доступа: <http://kalinouski.arkushy.by/archives/pismy.htm>. – Дата доступа: 20.03.2017.
3. Публіцистика беларусских народников / сост.: С. Х. Александрович и И. С. Александрович ; предисл. и comment. И. С. Александрович. – Минск : БГУ, 1983. – 134 с.
4. Багушэвіч, Ф. Dudka bialaruskaja : верши / Ф. Багушэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 72 с.
5. Купала, Я. Курган [Электронный ресурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка. – Режим доступа: http://knihicom/Janka_Kupala/Kurhan.html. – Дата доступа: 10.10.2017.
6. Купала, Я. Магіла льва [Электронный ресурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка. – Режим доступа: http://knihicom/Janka_Kupala/Mahila_lva.html. – Дата доступа: 10.10.2017.
7. Купала, Я. Ці маем мы права вырэкацца роднай мовы? [Электронный ресурс] / Я. Купала // Арыгіналы твораў Янкі Купалы. Архивы Беларуси. – Режим доступа: <https://archives.gov.by/index.php?id=945316>. – Дата доступа: 10.10.2017.
8. Богданович, М. Белорусское Возрождение [Электронный ресурс] / М. Богданович. – Режим доступа: <http://www.maksimbogdanovich.ru/stories/241-page-35.htm>. – Дата доступа: 10.10.2017.
9. Ластоўскі, В. Ю. Памяці справядлівага / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. kniagazbor, 1997. – С. 299–303.
10. Ластоўскі, В. Ю. Канкардат / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. kniagazbor, 1997. – С. 359–378.
11. Полоцк [Электронный ресурс] / Упр. спорта и туризма Витеб. облисполкома. – Режим доступа: <http://www.tourvitebsk.by/taxonomy/term/47>. – Дата доступа: 10.10.2017.
12. Ластоўскі, В. Ю. У. Пічэта. Гісторыя Беларусі. Частка першая / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. kniagazbor, 1997. – С. 378–380.
13. Ластоўскі, В. Нарысы з беларускай гісторыі / В. Ластоўскі // Бібліотека Академіі наук Літвы імяні Врублевских. – Ф. 21–249. Л. 209.
14. Ластоўскі, В. Ю. Колькі слоў аб даўняй веры беларусаў / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. kniagazbor, 1997. – С. 232–236.
15. Ластоўскі, В. Лабірынты / В. Ластоўскі // Крывіч. – 1923. – № 2. – С. 9–16.
16. Ластоўскі, В. Лабірынты / В. Ластоўскі // Крывіч. – 1923. – № 3. – С. 30–38.
17. Дучыц, Л. Сакральная геаграфія Беларусі / Л. Дучыц, І. Клімковіч. – Мінск : Літ. і мастацтва, 2011. – 384 с.
18. Ластоўскі, В. Лабірынты / В. Ластоўскі // Крывіч. – 1923. – № 6. – С. 8–12.
19. Ластоўскі, В. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік / В. Ластоўскі. – Коўна : Друк. А. Бака, 1924. – 833 с.

-
20. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1993. – 126 с.
21. Ластоўскі, В. Ю. Якога мы роду-племені / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 294–296.
22. Ластоўскі, В. Ю. Беларускі радавод / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камен. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 143–145.
23. Ластоўскі, В. Ю. Князёўна Рагнеда / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 145–146.
24. Ластоўскі, В. Ю. Ізяславі / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 146–147.
25. Ластоўскі, В. Ю. Усяслаў / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 147–148.
26. Ластоўскі, В. Ю. Вітаўт і Ягайла / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 149–150.
27. Караў, Д. Пачаткі беларускага крыніцазнаўства / Д. Караў // Спадчына. – 1994. – № 1. – С. 4–14.
28. Караў, Д. Пачаткі беларускага крыніцазнаўства / Д. Караў // Спадчына. – 1994. – № 5. – С. 9–18.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.12.2017

Belazarovich V.A. «Romanticizing» the History of Belarus in XIX–XX Centuries

The article analyzes the process of formation of the concept of the history of the Belarusian nation in the late nineteenth and early twentieth century. Close problem of «romanticizing» the past of Belarusians examples of journalism populists, works of national literature, and works of amateur researchers are revealed. The degree of mythologizing of the events of Belarusian history, the subjective perception of the founder of the national democratic trend of the Belarusian movement V.Y. Lastowski is considered. The new aspects of comprehension and reconstruction of events and phenomena of Russian history, not previously studied by researchers are highlighted.

УДК 94 (476 – 15) + 94 (438)

B.I. Крывуюць

канд. гіст. навук, дац., дац. каф. сацыяльна-гуманітарных дысцыплін
Баранавіцкага дзяржсаўнага ўніверсітэта
e-mail: krivut@mail.ru

ПОЛЬСКІЯ ЎЛАДЫ І ЎНІФІКАЦЫЯ ПРАЎРАДАВЫХ САЮЗАЎ СЕЛЬСКАЙ МОЛАДЗІ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1930-Я ГГ.

Развіццё праўрадавага руху сельскай моладзі на тэрыторыі заходнебеларускага рэгіёна прасочваеца пачынаючы з моманту ўзнікнення першых гурткоў вясковай моладзі ў часы польска-савецкай вайны. Адзначаецца роля «санацыйнага» рэжыму ў складванні праўрадавага маладзёжнага руху ў асяроддзі вясковай моладзі. Галоўная ўвага надаецца працэсам уніфікацыі праўрадавых аб'яднанняў, у выніку чаго пры падтрымцы дзяржсаўных структур быў створаны Саюз маладой вёскі – адна з самых масавых «санацыйных» арганізацый у міжваеннай польскай дзяржаве. Аналізуецца асаблівасці ўніфікатарскіх працэсаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі і ўдзел у іх прадстаўнікоў мясцовай дзяржсаўнай адміністрацыі. Характарызуюцца вынікі мерапрыемстваў, накіраваных на кансолідацыю праўрадавага руху сельскай моладзі, а таксама факты, якія зніжали ўпэўненіе ў ўспеху мерапрыемстваў.

Уводзіны

У міжваенны перыяд польскія ўлады праводзілі актыўную маладзёжную палітыку, у тым ліку і сярод вясковай моладзі Заходняй Беларусі. Адным з галоўных інструментau гэтай палітыкі з'яўляліся шматлікія маладзёжныя арганізацыі, якія шырокая прыцягваліся да рэалізацыі афіцыйных мерапрыемстваў у маладзёжным асяроддзі і знаходзіліся пад апекай і пільнім кантролем дзяржаўных структур. Апека польскіх улад праяўлялася не толькі ў непасрэднай матэрыяльна-фінансавай падтрымцы праўрадавых аб'яднанняў, але і ў спробах іх уніфікацыі, асабліва ў 1930-я гг. У першую чаргу гэта тычылася праўрадавых саюзаў сельскай моладзі. Неабходна адзначыць, што яны разгарнулі сваю дзеянасць і на тэрыторыі заходнебеларускіх ваяводстваў міжваеннай польскай дзяржавы, дзе пераважала вясковая моладзь. На жаль, у айчыннай гісторыографіі дадзеная проблематыка яшчэ не знайшла належнага адлюстравання, што дазваляе яе лічыць даволі актуальнай.

Мэтай артыкула з'яўляецца вывучэнне ўдзелу польскіх улад у працэсе ўніфікацыі праўрадавых саюзаў сельскай моладзі, накіраванай на павышэнне ўпэўненія ўспеху ўніфікацыі іх працы ў сферы ажыццяўлення асноўных накірункаў афіцыйнай маладзёжнай палітыкі. Гэта не толькі дазволіць скласці больш аб'ектыўную карціну грамадска-палітычнага жыцця Заходняй Беларусі, але і будзе мець каштоўнасць у якасці канкрэтнага прыкладу рэалізацыі маладзёжнай палітыкі і развіцця маладзёжнага руху.

Праўрадавыя саюзы сельскай моладзі напярэдадні ўніфікацыі

Згодна з дадзенымі афіцыйнай статыстыкі, у 1931 г. на тэрыторыі Заходняй Беларусі (Віленскае, Навагрудскае, Палескае ваяводствы і 5 паветаў Белаостроцкага ваяводства) працавала 814 193 чалавекі ва ўзросце ад 15 да 24 гадоў (каля 19,5 % ад усяго насельніцтва рэгіёна) [1, с. 44–49; 2, с. 34–37; 3, с. 40–43; 4, с. 20–21; 5, с. 16–17]. Пераважная большасць заходнебеларускай моладзі – каля 85 % – працавала ў сельскай мясцовасці [6, с. 18]. Гэты паказчык быў вышэйшы, чым сярэдні па ўсёй міжваеннай польскай дзяржаве.

Менавіта за ўплыў на сельскую моладзь разгарнулася ў першую чаргу барацьба паміж рознымі маладзёжнымі саюзамі, якія існавалі на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. Што да праўрадавых аб'яднанняў, якія пасля 1926 г. знаходзіліся пад арганізацыйным і ідэйна-палітычным уплывам «санацыі», то сярод іх існавалі арга-

нізацыі, якія «спецыялізаваліся» выключна на дзейнасці сярод сельскай моладзі. Іх папярэднікамі былі юнацкія дружыны, якія з 1912 г. існавалі на этнічных польскіх землях Расійскай імперыі. Яны аб'ядноўвалі ў асноўным вясковую моладзь і вялі культурна-асветніцкую працу, а таксама займаліся ваенай падрыхтоўкай юнакоў [7, с. 4]. У далейшым, пасля аднаўлення польскай дзяржаўнасці, на базе менавіта гэтых арганізацый пачалося стварэнне агульнадзяржаўнай арганізацыі. У 1919 г. было абвешчана пра стварэнне Саюза сельскай моладзі (ССМ), які ў 1920 г. быў пераўтвораны ў Цэнтральны саюз сельскай моладзі (ЦССМ). 11–12 чэрвеня 1921 г. у Варшаве адбыўся першы Агульны з’езд ЦССМ [8, с. 22–23]. Галоўнай задачай саюза было «выхаванне і падрыхтоўка дастойных, разумных і актыўных грамадзян Польшчы». Гэта планавалася ажыццяўляць праз правядзенне сходаў, лекцый і курсаў, арганізацыю бібліятэк, стварэнне аркестраў, падрыхтоўку вечароў і свят, арганізацыю спартыўных заняткаў і ваенай падрыхтоўкі, аказанне матэрыяльнай дапамогі таленавітай моладзі ў сферы навучання [9, с. 147].

На непасрэдна беларускіх землях мясцовыя структуры арганізацый сельскай моладзі пачалі сваю дзейнасць у 1919–1920 гг. Так, вядома, што ў красавіку 1920 г. у Вільні адбыўся Крэсавы з’езд моладзі Гродзенскай, Мінскай і Віленскай зямель [10, с. 9–10]. Як сведчылі справаўдачы з’езда, на гэтых тэрыторыях на той момант існавала 133 мясцовыя гурткі сельскай моладзі. На з’ездзе была прынята пастанова ўсталяваць цесны контакт з цэнтральнымі органамі ў Варшаве [11, с. 12–13]. Фактычна мясцовыя арганізацыі падначальваліся нядыёна створанаму ССМ. Пачынаючы з 1919 г. гурткі сельскай моладзі ствараліся і на Палессі. У лістападзе 1920 г. іх было тут ужо 50. Палеская арганізацыя ССМ колькасна была трэцяй пасля віленскай і люблінскай [12, с. 18]. Аднак наступствы польска-савецкай вайны адмоўна адбіліся на развіцці арганізацый сельскай моладзі: многія з гурткоў праста спынілі сваё існаванне.

Арганізацыйны стан ЦССМ на тэрыторыі Заходняй Беларусі на 1 студзеня 1926 г. выглядаў наступным чынам: у Віленскім ваяводстве існаваў 61 гурток (1 340 членаў), у Навагрудскім – 31 гурток (380 членаў), у Палескім – 9 (150 членаў). У Беластоцкім ваяводстве было 90 гурткоў (3 000 членаў) [8, с. 25].

Сітуацыя пачала мяняцца ў другой палове 1920-х гг., калі рэжым «санацыі» пачаў праводзіць актыўную маладзёжную палітыку і звярнуў увагу на маладзёжныя арганізацыі, якія павінны былі стаць інструментам гэтай палітыкі. У пэўнай меры гэта садзейнічала арганізацыйнаму росту саюзаў. Так, напрыклад, у 1928 г. было зарэгістравана 84 гурткі сельскай моладзі, 73 знаходзіліся ў стадыі рэгістрацыі, а ў 48 мясцовасцях вялася праца па стварэнні новых гурткоў [13, с. 12]. Аднак умяшанне ўладаў у справы ЦССМ прывяло да расколу арганізацый. У 1928 г. праціўнікі «санацыі» стварылі Саюз сельскай моладзі Рэчы Паспалітай «Віцы», які пазней зблізіўся з апазіцыйнымі сялянскімі партыямі. Прыхільнікі ж «санацыі» з рэшткаў ЦССМ стварылі Саюз сельскай моладзі «Сеў» (ССМ «Сеў»). На тэрыторыі Заходняй Беларусі большасць мясцовых структур ЦССМ падтрымала рэжым «санацыі» [7, с. 5–6].

У выніку з канца 1920-х гг. у Палескім і Віленскім ваяводствах дзейнічалі акруговыя філіялы ССМ «Сеў». На тэрыторыі ж Навагрудскага ваяводства аформіўся аўтаномны Саюз сельскай моладзі Навагрудскай зямлі. У 1930 г. на спецыяльным з’ездзе навагрудскія дзеячы былога ЦССМ прынялі рашэнне «захаваць на карысць маладой крэсовай вёскі і ў імя дзяржаўнай справы поўную самастойнасць і незалежнасць ад цэнтралей у Варшаве, каб абараніць нашу тэрыторыю ад непажаданай і шкоднай барацьбы ў нездаровай атмасфери» [14, арк. 4]. Але на самой справе навагрудскі саюз усё ж падтрымліваў даволі цесныя сувязі з ССМ «Сеў» [15, с. 65].

Акрамя палескага і віленскага аддзяленняў ССМ «Сеў» і ССМ Навагрудскай зямлі на тэрыторыі Заходняй Беларусі дзейнічаў яшчэ Саюз народнай моладзі (СНМ), які таксама знаходзіўся на праўрадавых пазіцыях. Неабходна адзначыць, што ідэалогія

і мэты гэтых арганізацый былі падобнымі. Так, напрыклад, ССМ «Сеў» афіцыйна лічыўся «культурна-асветніцкай арганізацыяй», якая ставіла перад сабой мэту «павышэння духоўнага і гаспадарчага ўзроўню і грамадзянскага пачуцця сваіх членаў, узбагачэння культуры вёскі і Рэчы Паспалітай» [16, с. 3]. Згодна з Статутам СНМ, мэтай арганізацыі з'яўляецца «аб'яднанне вясковай моладзі дзеля самавыхаваўчай, грамадской, прафесійной працы і ўзаемадапамогі, фарміраванне з моладзі добрых і дысцыплінованых грамадзян Дзяржавы, гатовых аддаць Дзяржаве свае духоўныя і фізічныя сілы» [17, с. 1]. Аднолькавымі былі і метады дзейнасці: арганізацыя і правядзенне чытанняў, дыскусій, вечароў, тэатральных спектакляў, сельскагаспадарчых курсаў і конкурсаў, будаўніцтва свяtlіц (клубаў), стварэнне кас узаемадапамогі і г.д. [16, с. 4; 17, с. 2].

Спрабы ўніфікацыі і стварэнне Саюза маладой вёскі

Ідэйнае падабенства не перашкаджала ўзнікненню канкурэнцыі паміж асобнымі праўрадавымі арганізацыямі. Напрыклад, у пачатку 1930-х гг. у Навагрудскім ваяводстве пачалі стварацца гурткі СНМ. Гэта выклікала незадаволенасць мясцовага саюза сельскай моладзі. Ён катэгарычна запатрабаваў ад СНМ адмовіцца ад працы на тэрыторыі ваяводства, ліквідаваць свае гурткі ці перадаць іх пад кірауніцтва ССМ Навагрудскай зямлі [14, арк. 4]. Але гурткі СНМ, нягледзячы на гэтыя патрабаванні, працягвалі існаваць у Стубцоўскім, Баранавіцкім і Навагрудскім паветах. Дарэчы, падобная «барацьба за душы» разгарнулася паміж СНМ, з аднаго боку, і ССМ «Сеў» і «Стральцом» – з другога, на Беласточчыне [14, арк. 1–3]. У выніку, як адзначала афіцыйная прэса, складвалася ненармальная становішча, «калі дзве арганізацыі ідэнтычнай грамадска-палітычнай афарбоўкі змагаліся паміж сабою на тэрыторыі нашай вёскі за арганізацыйны ўплыў, таргуючыся паміж сабою і выклікаючы цалкам непатрэбнае бражэнне на найбольш чуллівай пляцоўцы, маладзёжнай» [18, с. 1].

Цэнтральныя і ваяводскія ўлады імкнуліся аказваць усебаковую дапамогу праўрадавым саюзам сельскай моладзі, разумеючы іх значэнне для рэалізацыі афіцыйнай маладзёжнай палітыкі. Так, у лютым 1930 г. палескі ваявода накіраваў павятовым старастам спецыяльны ліст, у якім адзначаў, што «ўрад матэрыяльна і маральна падтрымлівае дзейнасць ССМ і чакае таго ж ад тэрытарыяльнага самакіравання, паколькі лічыць працу ССМ адной з важнейшых задач сённяшняга перыяду» [19, арк. 17].

Зразумела, што канкурэнцыя паміж асобнымі праўрадавымі арганізацыямі толькі перашкаджала ажыццяўленню афіцыйных мерапрыемстваў у маладзёжным асяроддзі. Выйсце з гэтай сітуацыі бачылася праз правядзенне ўніфікацыі «санацыйных» саюзаў сельскай моладзі. Першыя яе спробы пачаліся па ініцыятыве ваяводскіх улад яшчэ ў самым пачатку 1930-х гг. Напрыклад, значную актыўнасць у гэтым накірунку праяўляў навагрудскі ваявода С. Свідэрскі, які шмат зрабіў для ліквідацыі «антаганізмаў» паміж ССМ Навагрудскай зямлі і мясцовым філіялам СНМ. Па яго прапанове для наладжвання супрацоўніцтва паміж усімі праўрадавымі маладзёжнымі аб'яднаннямі была наўват створана сталая ваяводская Міжсаюзная маладзёжная канферэнцыя імя А. Скварчынскага [20, с. 5].

Трэба адзначыць, што іншы раз спробы ўніфікацыі маглі прывесці і да непажаданых вынікаў. Так, у каstryчніку 1931 г. у Беластоку пры падтрымцы мясцовага ваяводы М. Зындрам-Касцялкоўскага адбыўся з'езд дэлегатаў гурткоў ваяводскіх філіялаў ССМ «Сеў» і СНМ. На ім прысутнічалі каля 300 дэлегатаў Беластоцкага ваяводства, у тым ліку і з паветаў з беларускім насельніцтвам. У сваёй прамове на з'ездзе ваявода падкрэсліў, што з моманту заняцця сваёй пасады ён пастаянна імкнуўся да таго, каб ССМ і СНМ, якія «вызнаюць адну і туую ж ідэалогію, маюць адныя і тыя ж мэты і задачы», аб'ядналіся ў адну арганізацыю. Паколькі на ўзроўні цэнтральных органаў у Варшаве гэтага зрабіць не ўдалося, ваявода вырашыў правесці ўніфікацыю на падначаленай яму

тэрыторыі. Дэлегаты прынялі рашэнне пра аб'яднанне сваіх арганізацый [21, с. 2]. Але гэтая спроба ўніфікацыі скончылася правалам. Ужо ў 1933 г. кіраўніцтва аб'яднанай арганізацыі падначаліла яе цэнтральному кіраўніцтву СНМ у якасці яго ваяводскага аддзялення. Адбыўся раскол, і пачалося аднаўленне самастойных гурткоў ССМ «Сеў» [22, арк. 9].

Тым не менш улады не адмовіліся ад уніфікацыі. Дадзеная акцыя набыла больш цэнтралізаваны і мэтанакіраваны характар. Вялікую ролю тут адыграў створаны ў пачатку 1932 г. Цэнтральны камітэт па справах вясковай моладзі. У яго склад увайшлі прадстаўнікі міністэрстваў сельскай гаспадаркі, рэлігійных веравызнанняў і публічнай асветы, унутраных спраў, а таксама дэлегаты ад некаторых саюзаў сельскай моладзі [15, с. 75]. На месцах ствараліся ваяводскія і павятовыя камітэты. На тэрыторыі Заходняй Беларусі адпаведныя камітэты ўзначальвалі У. Каміньскі (у Вільні), У. Мальскі (у Навагрудку), С. Завадскі (у Брэсце), У. Бзоўскі (у Беластоку) [23, с. 35].

Задачай Цэнтральнага камітэта і яго мясцовых структур абвяшчалася дапамога арганізаваным калектывам вясковай моладзі ў «выкарыстанні найбольш рацыянальных метадаў працы ў галіне сельскагаспадарчай падрыхтоўкі, а таксама грамадскага і асветніцкага выхавання, што вядуць да павышэння гаспадарчага, грамадскага і культурнага ўзроўню жыцця вёскі» [24, с. 59]. Акрамя ўсяго іншага, як адзначаюць сучасныя польскія даследчыкі, Цэнтральны камітэт ажыццяўляў патранат над уніфікацыяй «санацыйных» саюзаў сельскай моладзі [8, с. 28].

У выніку ўніфікатарскай дзеянасці 4 лістапада 1934 г. была створана новая аб'яднаная арганізацыя – Саюз маладой вёскі (СМВ). На нарадзе, якой кіраваў старшыня Цэнтральнага камітэта па справах вясковай моладзі Я. Пахоскі, прынялі ўдзел 26 дэлегатаў. Заходняя Беларусь была прадстаўлена дэлегатамі віленскага і палескага філіялаў ССМ «Сеў», ССМ Навагрудской зямлі, а таксама прадстаўнікі навагрудскага і беластоцкага аддзяленняў СНМ [25, с. 72]. Як адзначаў старшыня СМД С. Серашэўскі ў афіцыйным органе новай арганізацыі, «акт 4 лістапада цалкам адназначна паклаў канец дарэмным спрэчкам паміж блізкімі арганізацыямі, якія непатрэбна марнавалі шмат сіл, аб'яднаў вакол аднаго маладзёжнага штандарту шматлікія незалежныя ваяводскія саюзы» [26, с. 2].

У далейшым адбыліся ваяводскія і павятовыя арганізацыіны з'езды, якія звычайна падтрымлівалі рашэнне аб стварэнні СМВ. На тэрыторыі Заходняй Беларусі такія з'езды прыйшлі ў першай палове 1935 г. Напрыклад, вядома, што павятовыя з'езды ў Стоўбцах і Слоніме, на якіх абмяркоўвалася пытанне аб'яднання вясковых арганізацый моладзі, былі праведзены ў маі 1935 г. [27, с. 9]. 26 мая 1935 г. адбыўся і павятовы з'езд членаў гурткоў сельскай моладзі ў Баранавічах. Акрамя членаў ССМ «Сеў» і СНМ на ім прысутнічалі і прадстаўнікі ўлады: брыгадны генерал, камандзір кавалерыйскай брыгады «Баранавічы» С. Гжмот-Скатніцкі, школьны інспектар Б. Ставовы, сенатар К. Рдултоўскі, пасол Сейма С. Пазняк. Апошні ў сваёй прамове растлумачыў значэнне ўніфікацыі і спосаб яе ажыццяўлення. Гэта сведчыць пра зацікаўленасць дзяржаўных структур працэсам уніфікацыі «санацыйных» арганізацый сельскай моладзі. Баранавіцкі з'езд ухваліў стварэнне павятовага Саюза маладой вёскі. У склад праўлення новай арганізацыі ўвайшлі былыя кіраўнікі мясцовых філіялаў ССМ «Сеў» і СНМ [28, с. 388].

Згодна са статутам, СМВ імкнуўся да аб'яднання ўсіх вясковых маладзёжных арганізацый у імя добра вёскі і дзяржавы. Сваёй мэтай ён называў інтэлектуальнае, этычнае, грамадскае, фізічнае і прафесійнае выхаванне чалавека, а таксама падрыхтоўку яго да творчага і арганізаванага ўдзелу ў жыцці вёскі, нацыі і дзяржавы. Сродкі дасягнення гэтай мэты былі такімі ж, як і ў выпадку быльх «санацыйных» саюзаў сельскай моладзі [29, с. 1–2].

Уніфікацыя садзейнічала арганізацыйнаму развіццю «санацыйнага» маладзёжнага руху на вёсцы. У другой палове 1930-х гг. СМВ стаў адной з самых вялікіх арганізацый міжваеннай Польшчы. У 1938 г. існавала 5 950 яго гурткоў (171 037 членоў). З іх у Віленскім ваяводстве дзейнічала 412 гурткоў (11 830 членоў), у Навагрудскім – 436 гурткоў (12 980 членоў), Палескім – 360 гурткоў (11 465 членоў) [8, с. 30].

Уніфікатарская дзейнасць у другой палове 1930-х гг.

Нягледзячы на поспехі ўніфікацыі, нельга лічыць, што гэты працэс скончыўся стварэннем Саюза маладой вёскі. Справа ў тым, што частка гурткоў СНМ імкнулася захаваць самастойнасць і не ўвайшла ў склад новай арганізацыі. Так адбылося і ў Навагрудскім ваяводстве. Але пасля таго, як мясцовыя ўлады пачалі падтрымліваць толькі СМВ, становішча іншых арганізацый значна пагоршылася. Так, напрыклад, у 1936 г. на тэрыторыі Навагрудскага ваяводства было зарэгістравана 57 гурткоў СНМ, але рэальную працу вялі толькі 5 з іх [30, с. 713].

Уніфікацыі перашкаджала і сітуацыя ўнутры лагера «санацый», дзе пасля смерці Ю. Пілсудскага абвастрылася ўнутраная барацьба. У 1937 г. правыя «санатары» на чале з маршалам Э. Рыдз-Сміглым стварылі Лагер нацыянальнага аб'яднання (ЛНА), які імкнуўся перацягнуць на свой бок і «санацыйныя» маладзёжныя арганізацыі, стварыўшы дзеля гэтага Саюз маладой Польшчы. У ім існаваў і вясковы сектар. Аднак у яго ўступілі толькі рэшткі СНМ. Што да кіраўніцтва СМВ, то яно адмовілася ад уваходу ў чаргове новае аб'яднанне. Свае рашэнне кіраўніцтва саюза тлумачыла тым, што «ідэйна-выхаваўчыя арганізацыі моладзі павінны быць незалежнымі ад палітычных партый і груповак» [31, с. 35]. На мясцовым узроўні іншы раз даходзіла да таго, што прадстаўнікі дзяржаўнай адміністрацыі спрабавалі пры дапамозе пагроз перацягваць членоў СМВ у вясковы сектар СМП. Аднак вялікіх поспехаў гэта не прыносіла [32, с. 9].

Апошняя спроба аб'яднаць намаганні праўрадавых арганізацый, якія працавалі сярод сельскай моладзі, адбылася непасрэдна напярэдадні Другой сусветнай вайны. У пачатку 1939 г. Міністэрства сельскай гаспадаркі прапанавала ідэю стварэння Земляробчай службы вясковай моладзі. Гэту ідэю падтрымала і кіраўніцтва Войска Польскага. Галоўнай мэтай Земляробчай службы была абвешчана падрыхтоўка вясковай моладзі да павышэння прадукцыйнасці сельскай гаспадаркі і дапамогі суседзям. Сярод грамадскіх арганізацый, якія далучаліся да гэтай акцыі, былі не толькі праўрадавыя маладзёжныя аб'яднанні. Так, разам з Страсенцкім саюзам, СМВ і СМП у склад Земляробчай службы вясковай моладзі ўключыліся каталіцкая маладзёжная арганізацыя і Саюз сельскай моладзі «Віцы». Вясной 1939 г. пачалося стварэнне ваяводскіх і павятовых камісій Земляробчай службы. У ліпені 1939 г. яны распаўсюдзілі інструкцыі, згодна з якімі сельская моладзь, акрамя павышэння прадукцыйнасці сельскай гаспадаркі, павінна была ўдзельнічаць у арганізацыі супрацьпаветранай і супрацьгазавай абароны, падтрымцы грамадскага парадку на вёсцы, рамонце дарог і мастоў [33, с. 122]. Зразумела, што ў сувязі з пачаткам Другой сусветнай вайны, належнага развіцця акцыя Земляробчай службы вясковай моладзі не атрымала.

Заключэнне

Такім чынам, праўрадавыя арганізацыі сельскай моладзі сталі значнай з'явай грамадска-палітычнага жыцця Заходняй Беларусі ў міжваеннны перыяд. Іх стварэнне пачалося ўжо ў час польска-савецкай вайны. У пачатку 1930-х гг. тут дзяякоўчы актыўнай падтрымцы дзяржаўных структур дзейнічалі шматлікія філіялы дзяржаўных і аўтаномніх «санацыйных» аб'яднанняў. Усе яны падзялялі ідэйныя пастулаты «санацыйнай» ідэалогіі. Аднак канкурэнцыя паміж імі зніжала эфектыўнасць рэалізацыі афіцыйнай маладзёжнай палітыкі. Таму цэнтральныя і мясцовыя ўлады ўзялі курс на правядзенне

ўніфікацыі праўрадавага маладзёжнага руху. Вынікам стала стварэнне Саюза маладой вёскі, які пад канец 1930-х гг. ператварыўся ў адну з самых масавых маладзёжных арганізацый міжваеннай польскай дзяржавы. Але ўніфікатарская дзейнасць не знайшла свайго завяршэння па прычыне перашкод і супяречнасцей ўнутры «санацыйнага» лагера. Тым не менш спробы аб'яднання намаганняў праўрадавай сельскай моладзі працягваліся да самага пачатку Другой сусветнай вайны.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Białostockie. – Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1938. – 382 s.
2. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Nowogródzkie. – Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1938. – 238 s.
3. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Poleskie. – Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1938. – 282 s.
4. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Wileńskie bez miasta Wilna. – Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1936. – 166 s.
5. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Miasto Wilno. – Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1937. – 104 s.
6. Młodzież sięga po pracę. Załącznik, tablice / kom. red.: H. Kołodziejki, K. Korniłowicz, L. Landau. – Warszawa, 1938. – 88 s.
7. Mioduchowska, M. Centralny Związek Młodzieży Wiejskiej w województwie Białostockim w latach 1912–1928 / M. Mioduchowska // Białostocczyzna. – 1986. – № 3. – S. 4–9.
8. Małolepszy, E. Kultura fizyczna w działalności wiejskich organizacji młodzieżowych II Rzeczypospolitej / E. Małolepszy. – Częstochowa : Akad. im. Jana Długosza, 2015. – 242 s.
9. Kosmowska, I. Związki młodzieży polskiej od 1816 roku do naszych czasów / I. Kosmowska. – Warszawa : Księgarnia M. Ostaszewskiej i S-ki, 1924. – 196 s.
10. Zjazd // Ziemia Wileńska. – 1920. – № 11. – S. 9–10.
11. Z działalności Kół Młodzieży Wileńskiej // Ziemia Wileńska. – 1920. – № 13. – S. 12–13.
12. Tomczonk, Z. Źródła do historii Poleskiego Związku Młodzieży Wiejskiej w latach 1920–1939 w zasobie Archiwum Państwowego Obwodu Brzeskiego w Brześciu / Z. Tomczonk // Białostocczyzna. – 2001. – № 3–4. – S. 16–22.
13. Dorobek naszej pracy // Poleski Wojewódzki Związek Młodzieży Wiejskiej. Tydzień Związku Młodzieży Wiejskiej, 1–7.X-28. – Brześć nad Bugiem, 1928. – S. 12–14.
14. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр). – Ф. 1. Воп. 9. Спр. 516.
15. Pruszkowski, A. Przewodnik społeczny / A. Pruszkowski. – Warszawa : Druk. P. Brzeziński, 1934. – 292 s.
16. Budowa organizacyjna Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej. – Brześć nad Bugiem, 1930. – 23 s.
17. Statut Stowarzyszenia «Związku Młodzieży Ludowej». – Warszawa, 1930. – 18 s.
18. Zdanowicz, M. Twarzą do wsi / M. Zdanowicz // Głos ziemi Białostockiej. – 1931. – 20 паńdz. – S. 1.
19. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 9. Спр. 483.

20. Na odcinku prac młodocianych w Nowogródczyźnie // Obóz Młodych. – 1934. – № 21. – S. 5.
21. Konsolidacja wejskiego ruchu młodzieżowego w woj. Białostockim // Głos ziemi Białostockiej. – 1931. – 20 paźdz. – S. 2.
22. Archiwum Państwowe w Białymstoku. – Zesp. 47. Sygnatura 89.
23. Dział informacyjny // Sprawy Wiejskie. – 1935. – № 2. – S. 34–35.
24. Regulamin ramowy Centralnego Komitetu do Spraw Młodzieży Wiejskiej // Sprawy Wiejskie. – 1934. – № 1. – S. 59–61.
25. Połączenie Związków Młodzieży // Sprawy Wiejskie. – 1934. – № 1. – S. 72–73.
26. Sieroszewski, S. Wytyżmy siły / S. Sieroszewski // Siew Młodej Wsi. – 1935. – № 1. – S. 2.
27. Z życia Związku Młodzieży Wiejskiej // Rolnik Nowogródzki. – 1935. – № 14. – S. 9.
28. Powiat Baranowicki // Siew Młodej Wsi. – 1935. – № 24. – S. 388.
29. Statut i regulaminy Centralnego Związku Młodej Wsi. – Warszawa, 1937. – 40 s.
30. Miechówka, S. Dzieło i dorobek unifikacji / S. Miechówka // Siew Młodej Wsi. – 1936. – № 46. – S. 711–713.
31. Notatki // Przedownik wiejski. – 1938. – № 1. – S. 34–36.
32. Tarlecki, K. Związek Młodej Polski nie ma powodzenia / K. Tarlecki // Koło Młodzieży. – 1938. – № 8–9. – S. 9.
33. Odziemkowski, J. Wieś i armia w II Rzeczypospolitej / J. Odziemkowski. – Wrocław : Ossolineum, 1988. – 154 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.11.2017

Kryvuts V.I. The Polish Authorities and the Unification of the Pro-Governmental Unions of Rural Youth of the West Belarus in the 1930s

This article is devoted to the study of the pro-government rural youth movement in Western Belarus, that in the interwar period was a part of the Polish state. This development can be traced from the moment of occurrence of the first circles of rural youth in the times of the Polish-Soviet War. It notes the role of «remediation» of the regime in the folding pro-government youth movement in the young generation of the rural environment. The focus is on the process of unification of pro-government organizations, as a result of which, with the support of state structures the Union of Young Village was established, one of the most popular «remediation» organizations in interwar Polish state. Analyzes the characteristics of unifications processes on the territory of Western Belarus and the participation of representatives of local state administration. Characterized by reaching measures aimed at consolidating the pro-government rural youth movements, as well as factors that reduce the effectiveness of these measures.

УДК 930.1:005.91(476)

Е.И. Пашкович¹, О.А. Мендель²

¹канд. ист. наук, доц., зав. каф. всеобщей истории

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²магистр ист. наук, педагог-организатор средней школы № 18 г. Бреста

e-mail: pashkovich_elena@tut.by; olya.mendel@mail.ru

ОБЛИК ГОРОДОВ И МЕСТЕЧЕК ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА В 1921–1939 гг.

Рассматривается социально-экономическое развитие городских поселений Полесского воеводства в контексте истории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Исследование темы базируется на анализе работ отечественных и польских историков, изучении статистических источников и архивных документов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Прослежена динамика количества городских поселений в регионе на протяжении изучаемого периода, раскрыта их демографическая ситуация, определены особенности застройки, выявлены основные тенденции в развитии инфраструктуры городов и местечек Полесского воеводства, дана оценка деятельности властей в этой сфере.

Введение

Проблема развития поселений в Беларуси в условиях модернизации общества на сегодняшний день остается актуальной. Одним из главных составляющих комплексных исследований является изучение динамики их административно-территориальной принадлежности, демографической ситуации, социально-экономического статуса в историческом контексте. Изучение истории населенных пунктов Полесского воеводства в 1921–1939 гг. может способствовать лучшему пониманию истории Западной Беларуси. Проведение такого научного исследования на микроуровне в результате выявления новых фактов, особенностей и закономерностей в истории поселений будут способствовать воспитанию ответственного отношения к культурному наследию «малой родины».

В течение последних 20 лет были защищены кандидатские и докторские диссертации, посвященные различным аспектам истории Западной Беларуси. Значительно меньше из них опубликовано. Среди них монография А.Н. Вабищевича, посвященная национально-культурной жизни Западной Беларуси в 1921–1939 гг., в том числе и городов [1]. В работе А.И. Борко главное внимание направлено на изучение органов государственного управления и самоуправления в Западной Беларуси [2]. История социально-экономического и культурного развития местечек Западной Беларуси рассматривается в работе В. Князевой [3]. Историю еврейских местечек в 1920–1930-е гг. на территории Западной Беларуси изучает А. Войтешчик [4], однако монография пока не издана. С 2006 г. коллективом кафедры истории Беларуси ГрГУ имени Я. Купалы разрабатывался проект «Працэсы ўрбанізацыі ў заходнім рэгіёне Беларусі ў XIX–XX стагоддзях». В рамках реализации этого проекта были проведены четыре научные конференции, посвященные вопросам развития городов в контексте политики, экономики и культуры Беларуси [5]. Сотрудниками Института истории НАН Беларуси при участии других белорусских историков была подготовлена книга по истории Пинска от древности до современности [6]. Нельзя не отметить историко-документальных хроник городов и районов Беларуси «Памяць». В книгах освещается история городов и районов Беларуси от древности до наших дней. Коллективом авторов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина инициирована серия «Города и районы Берасцейщины». Уже издано две работы этого цикла, посвященные истории государственно-политического, социально-экономического, культурного и конфессионального развития Ивацевичского и Ивановского районов Брестской области [7; 8]. Между тем приходится констатировать, что научные исследования, посвященные эволюции и типологии поселе-

ний, а также урбанизационным процессам на территории Беларуси, на сегодняшний день фрагментарны, а комплексные работы и вовсе отсутствуют.

Целью статьи является научное рассмотрение развития городских поселений на территории Полесского воеводства в 20–30-е гг. XX в., главным образом таких ее аспектов, как демография и инфраструктура, с учетом политических и социально-экономических трансформаций в регионе.

В межвоенный период в Полесском воеводстве происходили процессы, которые предопределили развитие городов и местечек: уникальное географическое положение, последствия предшествующих военных конфликтов, сложная демографическая и социально-культурная ситуация, политическое регулирование жизни Полесья.

4 февраля 1921 г. польский сейм принял закон о политико-правовом положении на землях, отошедших к Польше согласно заключенному в октябре 1920 г. договору о перемирии и предварительных условиях мира с РСФСР и УССР. Этот закон передавал занятые белорусские территории в распоряжение центральных органов власти и тем самым включал их в состав Польского государства [9], что было окончательно закреплено Рижским мирным договором в марте 1921 г. На западнобелорусских землях 1 марта 1921 г. было создано Полесское воеводство, центром которого тогда же был определен Брест-Литовск, получивший в феврале 1923 г. новое название – Брест над Бугом [10].

Однако польская администрация в западнобелорусских городах устанавливалась еще раньше. Так, Брестский городской магистрат был создан уже в феврале 1919 г., сразу после того, как город был занят польскими войсками, а в сентябре 1919 г. состоялись выборы в городскую раду. Президентом города стал Ян Урсын Немцевич [11].

В соответствии с распоряжениями Генерального комиссара Восточных земель о временном положении о городах от 27 июня и 14 августа 1919 г. и об устройстве местечек от 16 августа 1919 г. и 7 ноября 1919 г., городом назывался населенный пункт, обладающий городским самоуправлением, число жителей которого превышало 4 000 человек. В 1921 г. в Полесском воеводстве было 12 городов [12]. На момент переписи 1931 г. насчитывалось 14 населенных пунктов, имевших статус города: Брест над Бугом, Высоко-Литовск и Каменец-Литовск Брестского повета, Кобрин Кобринского, Коссово и Ружаны Коссовского, Лунинец Лунинецкого, Пинск и Логишин Пинского, Пружаны, Береза-Картузская и Шерешево Пружанского, Столин и Давид-Городок Столинского поветов [13].

Наибольшее значение среди городов имели Брест над Бугом и Пинск. В Бресте над Бугом как воеводском центре размещались такие значимые административные учреждения и службы, как Окружная палата государственного контроля, Отдел водных путей сообщения, Бюро мелиорации Полесья, Кураторство Полесской школьной округи, Окружная комендатура государственной полиции, Государственное управление посредничества труда, Окружное управление фонда безработицы, Окружная инспекция труда, а также магистрат, городской сеймик и др. [14]. Значительную роль в жизни города играл военный гарнизон. В Бресте размещалось Управление Корпусного округа № 9. Брест был центром двух деканатов – римско-католического и православного. Украшением города являлись два костела, две православные церкви и одна евангелическая. В городе также действовали 57 молитвенных домов и несколько синагог, главная из которых (белая шестиугольная) располагалась на углу улиц Домбровского и Листовского (современный кинотеатр «Беларусь») [15].

После установления польской власти городская администрация Бреста, как и других полесских городов, столкнулась с рядом острых проблем, требовавших незамедлительного решения: наведение порядка в городе, прекращение распространения инфек-

ционных заболеваний, снабжение жителей продовольствием и топливом, оказание помощи наиболее нуждающимся категориям населения.

С началом Первой мировой войны и последующие годы первой половины XX в. в регионе происходили серьезные демографические изменения. Высокая смертность, эвакуация, беженство населения, вывоз местных жителей на принудительные работы в Германию в годы Первой мировой войны привели к тому, что большинство городов обезлюдили [16, с. 443–445]. В Бресте к 1919 г. по сравнению с 1913 г. число жителей сократилось примерно в 4 раза, в Пинске – на 45 % [17, с. 219–220].

Начало 1920-х гг. характеризуется стремительным ростом численности населения Полесского воеводства за счет прежде всего массового возвращения беженцев. Больше всего репатриантов было в Брестском повете – 31,3 % всех репатриантов в воеводстве; в Пружанском и Кобринском поветах репатрианты составляли 43,3 и 42,4 % местного населения соответственно [18]. В 1919 г. в Бресте насчитывалось только 7 000 жителей [19, с. 7], но уже в апреле 1920 г. – 36 430 человек (в том числе около 10 000 военных и гражданских служащих вместе с семьями) [20].

Одним из источников роста числа городских жителей в межвоенные годы было территориальное расширение городов за счет включения в их состав близлежащих деревень. Так, за 1920–1930-е гг. период площадь Бреста увеличилась с 5,3 до 25 км² [21]. В 1919 г. Брест вместе с Волынским предместьем занимал площадь в 534 га. Магистрат выступил с инициативой о включении Граевского, Киевского и Шпановичского предместий в городскую черту с целью упорядочения контроля за этими территориями. Кроме того, магистрат стремился присоединить к городу пустующие земли, которые в будущем можно было застраивать. Старания магистрата натолкнулись на сопротивление жителей предместий, которые из опасений увеличения налогового бремени боролись против присоединения к городу. Процесс включения предместий в городскую черту закончился только к 1929 г., что привело к увеличению территории города на 1 246 га. Через несколько лет городские власти предложили включить в черту города территорию Брестской цитадели, что и было сделано в 1939 г.: городская территория увеличилась еще на 725 га. Таким образом, город в 1939 г. уже занимал площадь 2 505 га [21].

При расширении городов принимались во внимание не только экономические, но и политические мотивы. Включение в городскую черту деревень, где местные жители были христиане, позволяло уменьшить удельный вес еврейского населения, что могло серьезно повлиять на результаты муниципальных выборов. В одном из отчетов городских властей Бреста указывалось, что включение в черту города территории Брестской крепости в 1933 г. «заметно усилило польский элемент и его влияние на городские дела в общественно-политическом отношении» [20].

На западнобелорусских землях не было больших городов. Сравнительно крупными городами, население которых превышало 25 тыс. человек и служило основанием для выделения их из повета в отдельную административно-территориальную единицу, были лишь Брест (47,5 тыс.) и Пинск (32 тыс.) [21; 22]. Другие городские центры были значительно меньшими. Так, в начале 1930-х гг. в Давыд-Городке проживало 11 500, в Кобрине – 10 000 человек [14, с. 156].

Для Полесского воеводства был характерен самый высокий уровень естественного прироста населения в Польше – 19 человек на 100 жителей при среднем показателе по всей стране 15,8 человек [23, с. 238]. Однако такая тенденция была характерна лишь для сельской местности. Прирост населения в городах и местечках Полесья был самым низким в восточных регионах Польши. Всего межвоенного двадцатилетия было недостаточно, чтобы восстановить довоенное число жителей многих городов. Так, население Бреста накануне Первой мировой войны составляло 57,3 тыс. человек; в 1939 г. здесь проживало 53,3 тыс. жителей [21; 19]. В поветовом городе Косово в 1921 г. про-

живало 2 433 человека [24, с. 18–22], а в 1938 г. его население увеличилось до 3 708 жителей (прежде всего за счет миграции) [25, с. 88].

В городах Полесского воеводства, как правило, доминировало население иудейского вероисповедания, меньше было католиков, еще меньше православных. Например, согласно официальной статистике, в 1921 г. в Бресте иудеи составляли 53 % населения (16 630 человек), католики – 29 % (8 676 человек), православные – 17 % (5 025 человек). В Пинске в 1921 г. 74,6 % жителей были иудеи. Из всех городов Полесского воеводства исключение составляли Лунинец и Давыд-Городок, в которых большинство жителей были православными (57,4 и 70 % соответственно) [12].

Первостепенные задачи, которые стояли перед новыми властями, были связаны с послевоенным восстановлением, в том числе налаживанием коммуникаций, развитием инфраструктуры, строительством жилого фонда. Как сообщается в одном из отчетов о деятельности органов самоуправления г. Бреста, в городе в 1915 г. накануне отступления российских войск было 3 670 зданий. В момент перемещения фронта в городе было уничтожено 2 500 зданий, т.е. более 68 % [26, с. 55]. Возвращение беженцев в начале 1920-х гг. вызвало резкое обострение жилищного вопроса. В начале 1921 г. были созданы специальные отделения по реконструкции, куда можно было подавать заявления на оказание помощи в восстановлении хозяйств. Такая помощь чаще всего оказывалась в форме распределения древесины для строительства домов и коммерческих помещений и предоставления банковских кредитов. Наиболее активно восстановление жилого фонда в г. Бресте проходило в 1922–1924 гг., когда было отстроено 490 домов [27]. Но и в последующие годы плановая застройка продолжалась.

В 1924 г. правительство инициировало строительство кварталов для чиновников. Недостаток административных зданий и квартир для чиновников негативно влиял на отношение местного населения к польским властям. В разрушенных войной городах администрация вынуждена была занимать жилые помещения, чем были недовольны местные жители. В каждом поветовом центре было запланировано строительство новых, эстетически привлекательных домов, которые вместе с усовершенствованной инфраструктурой должны были решить жилищную проблему и стать визитной карточкой города. К 1926 г. в Бресте над Бугом было построено несколько новых жилых комплексов (колоний): «Тартак» (23 деревянных дома), «Каменная» (21 кирпичный дом), «Схрониско» (2 кирпичных и 12 деревянных зданий). Дома строились по типовым проектам польских архитекторов. Застройка ул. Пулавского (теперь ул. Леваневского) осуществлялась по проектам архитектора Ю. Лисецкого и была представлена домами с мансардными этажами на одну-две семьи. Для декорирования зданий использовалась художественная ковка, металлические козырьки, балконы и ограждения [28, с. 74].

В одном из номеров «*Ziemi Pińskiej*» за 1926 г. процесс строительства в Бресте был описан следующим образом: «На месте руин возводятся разные, диковинные, неэстетичные и дешевые строения, но хотя бы лишенные восточного налета. Надо признать, что некоторые новые или отстроенные здания являются удачным результатом, как, например, здания Польского банка, железнодорожного вокзала, технической школы. Но в новом квартале построены дома для чиновников и несколько дешевых частных деревянных строений. Дома чиновников бросаются в глаза красными крышами и претенциозными фасадами... Офицерский квартал рядом с так называемой Площадью Свободы поражает взгляд фатальной незавершенностью внешних фасадов в стиле Ное-ва ковчега с прилепленным, опертым на колоны тяжелым балконом, и кричит о массе нарушений и спекуляций в строительстве... Вся эта “отстройка” со своей бедностью, глупостью, отсутствием вкуса, а часто с криминальной аферой тем не менее есть средство полонизации Бреста» [23, с. 158–159].

В 1927 г. американским еврейским комитетом «Джойнт» для еврейского населения была построена колония имени Варбурга (12 деревянных двухэтажных домов и синагога). Каждый дом делился на 6–8 квартир с отдельными входами, кухнями и верандами [28, с. 74].

На окраинах города строились в основном деревянные одноэтажные дома сельского типа. Зимой 1927 г., по сведениям магистрата, в землянках проживало около 100 семей. Для бездомных в Волынском предместье городской гминой было построено четыре барака на 48 помещений [29].

Задача жилищного строительства решалась медленно. В сообщении брестского поветового врача о санитарном состоянии города в декабре 1928 г. отмечалось: «В Бресте над Бугом чувствуется значительный недостаток жилья. Рабочие проживают в антисанитарных условиях. Ряд семей живет в подвалах разрушенных домов» [30].

По состоянию на конец марта 1930 г. в воеводстве было возведено 169 727 строений, еще 22 427 строений требовали восстановления, а 3 275 пострадавших проживали в приспособленных помещениях [31].

Значительное число брестчан проживало в тяжелых условиях и в конце 1930-х гг. Всего с 1919 по 1938 г. в г. Бресте было построено 3 139 зданий, 2 321 из которых (74 %) были деревянными. Таким образом, в результате реконструкции в г. Бресте (особенно на окраинах) стала преобладать деревянная одно- и двухэтажная застройка (в 1915 г., по данным самих польских властей, деревянная застройка составляла только 20 % [21]).

Незамедлительного решения требовала проблема санитарного состояния в городах. На муниципальных органах лежала основная часть обязанностей по благоустройству городов и поддержанию санитарии: мощение улиц и содержание их в чистоте, строительство общественных колодцев, туалетов, мусорных урн, организация ассенизационных служб и др. Одновременно многие задачи в этой сфере были закреплены за самими жителями, которые были обязаны не только содержать в чистоте собственные дома и дворы, но и своими силами вести строительство тротуаров на прилегающих улицах, подметать их, безвозмездно участвовать в мощении дорог и др. Обычно контроль за исполнением гигиенических норм возлагался на поветовых врачей, стоявших на балансе поветового самоуправления либо государственной администрации, и органы полиции. Уже в феврале 1919 г. в Бресте было установлено санитарное инспектирование улиц, дворов и помещений, позже был введен контроль над продажей продуктов питания и санитарным состоянием заведений общепита [32; 33].

Большого финансирования требовали водоснабжение и канализация. Города и местечки не были обеспечены необходимым количеством колодцев. Потребность в воде обеспечивалась с помощью деревянных шахтных колодцев или прилегающих водоемов. В 1928 г. в Бресте над Бугом насчитывалось 23 колодца. Для доставки жителям воды использовались водовозки (всего 20) [35]. Употребляемая жителями вода, как правило, была непригодна для питья, что чаще всего было связано с загрязнением нечистотами, проникавшими через землю. Нехватка чистой воды была основной причиной распространения тифа и дизентерии. Водопроводом и канализационной системой были оборудованы только большие города. В Бресте над Бугом водопровод был введен в строй лишь в 1931 г. Канализационная сеть города в 1933 г. имела 7 050 м [21].

В Пинске строительство водно-канализационной сети началось только в конце 1930-х гг. (завершить работы планировалось к 1963 г.). Покрывать расходы на подведение канализации к домам должны были сами жители, которым планировалось представить кредит [22].

Столинский поветовый староста в отчете за 1926 г. отмечал: «Борьба с антисанитарным состоянием дворов в городах трудная из-за всеобщей нечистоплотности населения... Составление протокола чаще всего бесполезно из-за низкого административного

штрафа – 1–3 золотых. Владелец двора считает более удобным для себя иногда заплатить пару золотых штрафа, чем постоянно содержать двор в чистоте. Санитарные комиссии на территории всего повета были созданы, но редко проявляли свою деятельность, что объясняется пренебрежением санитарными делами со стороны органов самоуправления» [34].

Большая часть городских дорог оставалась немошеной. Из-за отсутствия или не-пригодности сточных канав на многих участках улиц образовывались большие лужи с грязной водой, куда жители прилегающих домов сливали отходы и нечистоты. К примеру, в Пинске замощенными были только 37 % городских улиц [21; 35]. В Столине в середине 1930-х гг. была лишь одна вымощенная улица, в Давид-Городке ни одной [36]. Многие горожане занимались животноводством, что также отражалось на гигиене улиц. К примеру, как следует из годового отчета поветового коммунального союза Коссовского повета за 1926 г., центральные улицы в Коссово и Ружанах в теплое время года были постоянно загрязнены навозом от ежедневно перегоняемого через них скота [37]. По информации брестского поветового врача, в 1928 г. в Бресте 75 % улиц были немошеные, однако уже к 1938 г. было вымыто около 78 % брестских улиц. В 1921 г. рассматривался даже проект проведения в Бресте трамвайной линии [38].

Во второй половине 1920-х гг. министром внутренних дел был назначен генерал Ф. Славой-Складковский, врач по образованию, ранее возглавлявший санитарную службу в польской армии. Придавая огромное значение вопросам гигиены, новый министр предпринял энергичные действия по улучшению санитарного состояния населенных пунктов Польши. Были изданы предписания, обязывавшие местные органы государственной администрации и территориального самоуправления в сжатые сроки обеспечить чистоту на улицах, рынках и частных дворах.

Характерная ситуация сложилась в Бресте. Критический уровень антисанитарии и неблагоустроенности в центре воеводства стал темой освещения в центральной польской прессе, в связи с чем полесскому воеводе Яну Крахельскому в июне 1929 г. пришлось отчитываться о ситуации министру внутренних дел. Воевода подтвердил запущенное состояние Бреста: «Замощена только незначительная часть улиц, тротуары были разрушены в такой степени, что по ним невозможно было ходить, дома не ремонтировались с довоенного времени или с момента их восстановления после войны, из-за чего штукатурка и карнизы отвалились, балконы грозили обвалиться, лестничные клетки были разрушены, кроме того, торчащие с военного времени руины домов грозили обрушиться, в их подвалах гнездились криминальные элементы, они служили местом вывоза всяких нечистот» [39]. По свидетельству Я. Крахельского, планомерная работа по упорядочению города началась в 1928 г., ее проведение он поручил городским властям. Но из-за межпартийных конфликтов работа городского совета и магистрата была бесплодной, и, несмотря на давление воеводы, городское хозяйство оставалось в полном упадке. Это привело к роспуску Брестского совета, но вновь избранные советники также проявили полное бездействие. В итоге Крахельский возложил ответственность за санитарное состояние города на брестского старосту Ф. Барана.

Для начала староста созвал в марте 1929 г. совещание с участием начальника отдела здравоохранения Заросского, представителей магистратата, полиции и общества владельцев недвижимости в Бресте, на котором потребовал в течение трех месяцев добиться кардинального улучшения благоустроенности города. Брестский магистрат издал соответствующие указания, но жители по привычке их проигнорировали, а городские власти по-прежнему не собирались ничего предпринимать. Тогда Баран, как следует из его записки, направленной полесскому воеводе в августе 1929 г., решил лично заняться благоустройством Бреста при помощи персонала староства и органов полиции. Он разделил город на четыре района, в одном из которых сам проводил инспекции домов

и участков на предмет выполнения санитарных предписаний; ответственными за остальные районы были его заместитель Усаевич, поветовый врач Ромецкий и начальник уголовного отдела старосты Палюшкевич. Многократные инспекции каждого домовладения, а также репрессивные меры в виде денежных штрафов и наказаний арестом убедили горожан в серьезности намерений старосты [40]. По свидетельству воеводы, уже к июню 1929 г. работа по благоустройству Бреста была выполнена на 80 %, а его внешний вид серьезно изменился: в каждом владении были поставлены туалеты и урны, практически все дома отремонтированы, участки огорожены, руины домов были разобраны и т.д. При этом Крахельский утверждал, что требования старосты за небольшим исключением встречали понимание жителей, а карательные действия с его стороны были умеренными: из примерно 4 тыс. владельцев недвижимости за отказ заняться благоустройством 6 человек были заключены под стражу на срок до двух недель, 19 получили незначительные штрафы. Существенные штрафы в размере 100 или 200 злотых были наложены на 57 зажиточных жителей, среди которых многие являлись членами городского совета, демонстративно отказывавшиеся следовать санитарным нормам [39]. Врач В. Борковский, инспектируя в мае 1929 г. учреждения здравоохранения Бреста и Пинска, стал свидетелем того, как в Бресте на праздник православной Пасхи многие жители под страхом арестов за невыполнение в срок указаний по благоустройству спешно красили заборы [41].

Но нередко муниципальные власти воеводства по-прежнему не проявляли заинтересованности в санитарных делах, жители не спешили изменять своим привычкам, а энергичных и целеустремленных старост, как в Бресте, не хватало на все города.

По сравнению с довоенным временем были достигнуты определенные успехи в электрификации: к концу 1930-х гг. во всех западнобелорусских городах имелось электрическое освещение. К примеру, в Бресте над Бугом первая дизельная электростанция была построена в 1925 г., а в 1938 г. была введена в строй еще одна – паротурбинная [21]. Но достижения в электрификации не всегда принадлежали городским властям. Еще в период германской оккупации в годы Первой мировой войны немцы практически во всех городах построили электростанции, многие из которых в дальнейшем перешли в муниципальную собственность. «Приезжего с запада поражает развитая электрификация этой наиболее бедной провинции; почти в 30 местностях имеется электрическое освещение. Это явление не следует, однако, относить на счет местных элементов, поскольку в некоторых случаях, наряду с узкоколейками и дорогами из настланных бревен, – это единственный заслуживающий признательности след после немецкой оккупации 1915–1919 гг.», – утверждал М. Марчак, автор путеводителя по Полесскому воеводству [42, с. 44]. В 1939 г. в Полесском воеводстве насчитывалось 5 городских электростанций.

Несмотря на старания местных властей, города Полесья, за исключением Бреста и части Пинска, на протяжении межвоенного периода имели отчетливый провинциальный характер. Магазины, аптеки, парикмахерские отличались только вывесками, информирующими о предоставляемых услугах. Как правило, там же размещались и жилые помещения владельца. Над низкой городской застройкой доминировали христианские культовые сооружения. В городах была слабо развита сфера услуг. Посещать парикмахерскую могла незначительная часть жителей. Недостаточно было гостиниц, которые представляли собой небольшие дома, где рядом с комнатами владельца было несколько гостевых комнат. В Столине, например, было четыре гостиницы на десять и девять гостиниц на шесть номеров. Подобная ситуация была в Давид-Городке, где в трех гостиницах было соответственно пять, четыре и две кровати. Лучше обстояли дела в Бресте, где в 1930-х гг. насчитывалось 17 гостиниц, наибольшая из которых «Римская» предлагала 15 комнат по цене от 6 до 8 злотых [43].

Образовательная сфера в Бресте была представлена 14 начальными и 9 средними школами. Музеев до 1930 г. в Бресте не было. Среди действовавших библиотек стоит упомянуть городскую и окружную учительскую библиотеку. Кроме того, в городе было несколько мелких библиотек при книжных магазинах и просветительских обществах. Культурные потребности горожан обеспечивали три кинотеатра, тир, теннисный корт, стадион. Украшением города были два бульвара и два парка [42, с. 44]. В Парке Свободы (современный сквер Пограничников) был основан питомник декоративных и фруктовых деревьев, а также оранжерея. В 1927 г. был заложен сквер на улице Мицкевича, напротив государственной гимназии, в котором было высажено 700 кустов и 36 деревьев; там же были установлены шесть скамеек и два мусорных ящика. Сквер был огорожен так же, как и остальные бульвары [33]. Только с 1930 по 1932 г. на улицах города по распоряжению магистрата было высажено 12 346 деревьев [19, с. 75]. Со временем Брест приобретал привлекательный вид, оставаясь, однако, провинциальным.

Как известно, результативность деятельности органов самоуправления в развитии инфраструктуры напрямую зависит от их финансовых возможностей. В свою очередь, финансовое положение городов Полесского воеводства в 1919–1939 гг. определялись общей экономической ситуацией. Белорусские земли в составе межвоенной Польши были отсталой сельскохозяйственной окраиной с невысоким уровнем развития обрабатывающей промышленности. Серьезные расходы на развитие городов в большинстве случаев оставались для муниципальных властей недоступными, средств, как правило, хватало лишь на жизненно необходимые нужды, причем на минимальном уровне. Тяжелая финансовая ситуация, а также недовольство жителей, для которых содержание городских органов становилось непосильным бременем, стало причиной перевода в 1934 г. в разряд сельских населенных пунктов Логишина и Шерешево; поднимался вопрос о ликвидации городского статуса Высоко-Литовска и Каменец-Литовска [44].

Улучшение городской инфраструктуры предполагало развитие торговой сферы, которая была представлена преимущественно евреями. Малые, тихие местечки оживали во время ярмарок. На Полесье правом на проведение малых (2 раза в неделю) и больших (несколько раз в году) ярмарок обладали 48 населенных пунктов. Попыткой модернизации и активизации хозяйственной жизни была инициатива проведения с 1936 г. Полесской ярмарки [14, с. 152].

Экономическая жизнь городов развивалась медленно. Большинство полесских городов были лишены промышленной функции, в них развивалось частное мелкое предпринимательство, принадлежавшее, как правило, евреям. В 1925 г. в Бресте действовало 59 продовольственных предприятий. Большинство из них специализировалось по производству алкоголя и обеспечивали работой 76 человек. Были еще три табачные фабрики, в каждой из которых работали по 20–25 человек. Остальные предприятия представляли собой мелкие ремесленнические мастерские, в которых работало по несколько человек. В 1930 г. относительно крупными производствами были лесопильни Скорбника, Михельсона и Браверманна (от 15 до 80 рабочих). Значительно меньшими предприятиями были: производство кафельной плитки Белькаса, водочный завод Познаньского, пивоварня «Корона», восемь типографий, мелкие фабрики по производству газированной воды и кваса «Криница» и «Санитас», три мыловаренных завода, 15 пекарен. Рабочие и ремесленники составляли 33 % жителей г. Бреста; 18 % горожан работали на железной дороге. Значительная часть городского населения работала в сфере розничной торговли [43, с. 25–26]. В 1928 г. у брестчан числилось 443 лошади, 810 коров и 1 477 свиней [33].

Во многих случаях мелкие города считались таковыми лишь по формальному признаку. Образ жизни основной части их жителей оставался типично сельским. В качестве примера остановимся на поветовом городе Пружаны. В 1921 г. там проживало

6 332 человека, и таким образом Пружаны были пятым по численности населения среди городов Полесского воеводства после Бреста над Бугом, Давид-Городка, Лунинца и Кобрина. В 1933 г. в городе было 1 249 домовоколо, 300 из них, по оценке магистрата, имели деревенский вид. При многих домах располагались довольно большие земельные участки, а городские жители были тесно связаны с сельским стилем жизни: занимались животноводством, выращивали овощи и фрукты. Одним из занятий жителей Пружан было бортничество (у 12 домовладельцев). Согласно данным магистрата, в городе работали 21 кузница, 15 домашних столярных мастерских и одно небольшое фабричное столярное производство, две мастерских по ремонту колясок, одна токарная мастерская, четыре предприятия по производству листового железа, одна смолокурня. В Пружанах было также несколько частных предприятий по производству растительного масла [45; 46].

Типичным для западных регионов Беларуси поселением, имевшим переходный характер между городом и деревней, было местечко. Всего на территории Полесского воеводства, без учета Сарненского и Каширского поветов, насчитывалось 32 местечка, в том числе 16, включенных в состав сельских гмин. Согласно принятой тогда классификации, местечком называлось поселение, число жителей которого превышало 2 тыс. жителей. Однако статус местечка могли получить и более мелкие поселения, как, например, Линово (145 жителей), Волчин (190 жителей), Владавка (292 жителя). Самыми крупными по числу жителей были местечки Мотоль (4 390 человек), Береза-Картузская (3 526 человек), Лахва (3 420 человек), Шерешево (3 310 человек), Иваново (3 068 человек).

Значительную, а иногда преобладающую часть жителей города представляли евреи (Высоко-Литовск, Каменец Литовский, Домачево, Владавка, Волчин, Антополь, Иваново, Дрогичин, Хомск). Эта особенность была характерна прежде всего для местечек Брестского повета. Но были местечки, где проживали преимущественно православные христиане, например, Дывин, Городная, Кожан-Городок. Наиболее распространенными сферами занятости жителей местечек были ремесло, мелкая торговля и земледелие [12].

Таким образом, усилия городского самоуправления принесли скромные результаты при огромных потребностей. Уровень благоустроенности и санитарии в городах оставался низким, здравоохранение малодоступным. Крайняя отсталость в сфере коммунального хозяйства означала, что большинство горожан были лишены возможности пользоваться удобствами, которые в это время являлись нормой для европейских стран. Диспропорции в важнейших показателях хозяйственной и культурной жизни между западнобелорусскими и этническими польскими землями в межвоенное двадцатилетие сохранились. Одной из главных причин, обусловивших низкую эффективность работы городского самоуправления на землях Полесского воеводства, была их стабильно тяжелая финансовая ситуация на протяжении большей части межвоенного периода. На фоне общей социально-экономической отсталости региона слаборазвитые производство и торговля не могли быть источником существенных налоговых поступлений в городские бюджеты.

Еще одним негативным фактором была политика государственной администрации в отношении территориального самоуправления. Перекладывание на самоуправление основных обязательств по удовлетворению локальных нужд, которые заведомо превышали его возможности, фактически означало отказ государства от исполнения многих общественных функций и предопределяло их невыполнение.

Принципиально нерешенным оставался человеческий фактор. Неэффективность работы муниципальных органов была следствием отсутствия у муниципальных служащих соответствующей подготовки, перегруженность обязанностями, низкая оплата труда, межнациональные и межпартийные конфликты и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыщё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : манаграфія / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2008. – 319 с.
2. Борка, А. І. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. І. Борка. – Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2011. – 140 с.
3. Князева, В. Падарожжа па Беларусі: гарады і гарадскія пасёлкі / В. Князева. – Мінск : Беларусь, 2005. – 303 с.
4. Вайцешчык, Г. С. Мястечкі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Г. С. Вайцешчык. – Мінск, 2013. – 23 с.
5. Гісторыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі : матэрыялы міжнар. навук. канф., 25–26 верас. 2009 г. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: I. Соркіна (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – 493 с.
6. Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 711 с.
7. Гарады і раёны Берасцейшчыны: гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён / У. В. Здановіч [і інш.]; пад агульн. рэд. А. А. Гарбацкага. – Брэст : Брэсц. друк., 2009. – 263 с.
8. Города и районы Берестчины: история и современность. Ивановский район / Е. Г. Калечиц [и др.]; под общ. ред. А. А. Горбацкого. – Брест : Брест. тип., 2017. – 839 с.
9. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 16. – Poz. 93. – S. 216.
10. Из распоряжения министра внутренних дел В. Сикорского о переименовании города Бреста, 12 февр. 1923 г. // Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.]; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 25.
11. Отчет Брестского магистрата брестскому поветовому старосте о проведении выборов в Брестскую городскую раду, 11 февр. 1920 г. // Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.]; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 18.
12. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dnia 30.09.1921 r. i innych źródeł urzędowych. – T. 3 : Województwo Poleskie. – Warszawa : GUS, 1924.
13. Drugi powszechny spis ludności 09.12.1931. Województwo Poleskie. – Warszawa : GUS, 1932.
14. Sleszyński, W. Województwo Poleskie / W. Sleszyński. – Kraków, 2014. – 336 s.
15. Сведения о культовых учреждениях г. Бреста, не ранее 13 апреля 1934 г. // Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.]; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 222–224.
16. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2005. – Т 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – С. 443–445.
17. Шыбека, З. В. Гарады Беларусі (60-я гг. XIX – пач. XX ст.) / З. В. Шыбека. – Мінск, 1997. – С. 219–220.
18. Статистические сведения о количестве депатрированного населения // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 2001. Л. 1.
19. Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.]; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
20. Сообщение Брестского магистрата поветовому старосте о численности населения города (27 апреля 1920 г.) // ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 6.

21. Отчет о деятельности органов городского самоуправления г. Бреста за 1919–1938 гг. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1022. Л. 1–61.
22. Отчет о деятельности городского самоуправления г. Пинска за период с 5 марта 1919 г. по 30 сентября 1938 г. // ГАБр. – Ф. 2005. Оп. 1. Д. 126. Л. 1.
23. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 1. – 593 с.
24. Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1927. – S. 18–22.
25. Памяць: Івацэвіцкі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэдкал.: В. П. Касько [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 1997. – С. 88.
26. Из отчета о деятельности органов самоуправления г. Бреста за период с 1919 по 1938 гг. // Брест в 1919 – 1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 55.
27. Сообщение Брестского магистрата об ущербе, нанесенному городу военными действиями и ходе восстановления за 1921–1928 гг. // ГАБр – Ф. 1. Оп. 1. Д. 864. Л. 3.
28. Вавренюк, И. И. Градостроительство в городе Бресте в 1921–1939 гг. / И. И. Вавренюк // Первая мировая война на Беларуси : сб. докл. – Брест : БрГТУ, 2013. – С. 73–78.
29. Сведения о ходе восстановления разрушенных в годы Первой мировой войны зданий г. Бреста, 13 дек. 1927 г. // ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1372. Л. 5.
30. Информация Брестского поветового врача Полесскому воеводскому управлению о санитарном состоянии города, дек. 1928 г. // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 4565. Л. 32–33об.
31. Статистические сведения Полесского воеводского управления о ходе восстановления хозяйства в воеводстве // ГАБр – Ф. 1. Оп. 1. Д. 850. Л. 4.
32. Приложение к приказу Командования Подляской дивизии об организации санитарной полиции в г. Бресте, февр. 1919 г. // ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 60–60об.
33. Из отчета о деятельности Брестского городского управления за период с 1 января 1927 г. по 31 марта 1928 г. // Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 34.
34. Отчет столинского поветового старости о санитарном состоянии повета за 1926 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 5. Д. 67. Л. 36.
35. Отчет о санитарном состоянии в г. Пинске // ГАБр. – Ф. 2005. Оп. 1. Д. 126.
36. Отчет о санитарном состоянии Столинского повета, март 1935 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 5. Д. 151.
37. Отчет о деятельности муниципальных органов Коссовского повета за 1926 г. // ГАБр. – Оп. 4. Д. 155. Л. 8–9.
38. Докладная записка на заседание городской рады о разработке плана застройки г. Бреста, 1921 г. // Брест в 1919–1939 гг. : док. и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.] ; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
39. Письмо полесского воеводы в МВД, 5 июня 1929 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 5. Д. 33. Л. 214.
40. Отчет брестского старости полесскому воеводе, 17 авг. 1929 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 5. Д. 33. Л. 203.
41. Отчет об инспекции учреждений здравоохранения Бреста и Пинска, проведенной доктором В. Борковским, 4–5 мая 1929 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 4. Д. 1207. Л. 48.
42. Marczak, M. Przewodnik po Polesiu / M. Marczak. – Brześć nad Bugiem : Nakładem Oddziału Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego w Brześciu nad Bugiem, 1935. – S. 44.

43. Rocznik miasta Brzescia nad Bugiem na rok 1930. – Brzesc nad Bugiem, 1929. – S. 25–26.
44. Отчет о выборах в городской совет Логишина // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 8. Д. 475. Л. 57.
45. Списки населенных пунктов Полесского воеводства с указанием количества хозяйств и земельных угодий (1922–1924 гг.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 3467.
46. Папко, В. Адлюстраванне паўсядзённага жыцця павятовага горада Пружаны ў 1921–1939 гг. у дакументах Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці // Гістарыяграфія і краініцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: В. В. Даніловіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – С. 391–396.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2018

Pashkovich E.I., Mendel O.A. The Appearance of Cities of the Polesye District in 1921–1939

The article discusses the socio-economic development of urban settlements of the Polesye district in the context of the history of Western Belarus in 1921–1939. The study of the topic is based on the use and analysis of the works of domestic and Polish historians, the study of statistical sources and archival documents. As a result, the authors were able to trace the dynamics of the number of urban settlements in the region during the study period, reveal their demographic situation, establish the peculiarities of development, identify the main trends in the development of the infrastructure of cities and townships, and evaluate the authorities in this area.

ЭКАНОМІКА

УДК 339.564:637.1

H.B. Костенко

канд. экон. наук, доц. каф. управления, экономики и финансов
Брестского государственного технического университета
e-mail: nvkdie@gmail.com

ДИВЕРСИФІКАЦІЯ ЭКСПОРТА РЕСПУБЛІКИ БЕЛАРУСЬ НА РЫНКЕ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦІЇ

Рассмотрены позиции молочной продукции Республики Беларусь и Брестской области на мировом рынке. Проведен анализ динамики производства и экспорта молочной продукции на основе данных ITC TradeMap, рассчитан индекс выявленных сравнительных преимуществ. Проанализированы базы данных Global Trade Alert, посвященные мировому рынку молочной продукции. Определена география экспорта белорусской молочной продукции. Выявлены основные инструменты протекционизма стран на рынке молочной продукции. Предложены мероприятия, направленные на проведение мониторинга барьеров и мер либерализации, а также на определение новых географических ниш с целью диверсификации экспорта молочной продукции на основе изучения тарифных профилей стран.

Введение

Рынок молочной продукции Беларуси является экспортноориентированным, поскольку производство опережает внутренние потребности. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь проводит активную работу по поддержке и развитию отрасли, продвижению брендов молочной продукции на мировые рынки. Национальная программа поддержки и развития экспорта на 2016–2020 гг. в качестве приоритета ставит задачу диверсификации торгово-экономических связей с разными странами и регионами при сохранении и усилении позиций на традиционных товарных рынках [1]. Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 гг. также предусматривает мероприятия по модернизации предприятий аграрного бизнеса, на что нацелена подпрограмма 3 «Развитие животноводства, переработки и реализации продукции животноводства» [2].

В рамках реализации данной программы предприятия молочной отрасли проводят модернизацию действующих площадей и строительство новых современных комплексов, призванных обеспечить производство продукции высокого качества, отвечающей требованиям мирового рынка. С целью продвижения продукции на мировые рынки создается соответствующая инфраструктура, способная обеспечить хранение, транспортировку и реализацию продукции в разных географических направлениях.

Ученые и практики уделяют большое внимание ведущей отрасли Беларуси, изучению количественных показателей мер тарифного и нетарифного регулирования. Однако во многих исследованиях не отражена информационная составляющая мировых баз данных и отчетов международных организаций, которые помогут практикам провести кабинетные маркетинговые исследования мировых товарных рынков.

Целью статьи является определение возможностей и ограничений диверсификации экспорта белорусской молочной продукции. Задачи исследования предполагают:

- 1) определение конкурентных преимуществ белорусской молочной продукции на мировом рынке;
- 2) анализ потенциала производства и экспорта молочной продукции Беларуси;
- 3) анализ географической структуры экспорта молочной продукции;
- 4) выявление торговых барьеров и мер либерализации на рынке молочной продукции по странам;
- 5) описание условий тарифной защиты в ряде стран « дальней дуги ».

Позіцыі Республікі Беларусь на міровом рynку молочнай продукцыі

По состоянию на 01.01.2018 переработка молока в Беларуси сконцентрирована на 41 предприятии отрасли. В 2017 г. при среднедушевом потреблении этого продукта в 251 кг национальная молочная отрасль предложила его втрое больше – 771 кг на человека. По итогам 2017 г. наша страна произвела 1,5 % мирового объема молока. Однако в международной торговле молоком Беларусь входит в число лидеров мирового рынка по натуральным и стоимостным показателям. Молочный экспорт в 2017 г. принес Беларуси \$2,15 млрд прибыли, что на 18 % выше этого показателя за 2016 г. [3].

Динамика развития молочной отрасли отражена в подразделе подпрограммы 3 «Развитие животноводства, переработки и реализации продукции животноводства». Согласно программе к 2020 г. валовый объем производства молока должен достичь 9,2 млн т. Объем перерабатываемого молока должен вырасти на 31 % и составить 8 740 тыс. т. Объем производства сыров планируется увеличить на 30 %, животного масла – на 32 %, сухого молока – на 56 %, цельномолочной продукции – на 39 %. На развитие программы в 2016–2020 гг. планируется потратить 20 956,3 млрд руб., в том числе 18 593,2 млрд руб. кредитных ресурсов, 282,8 млрд руб. средств республиканского бюджета, 2 080,3 млрд руб. из средств местных бюджетов [4, с. 1].

На міровом рынке товарной продукции позиции отрасли определяются исходя из конкурентных преимуществ. Анализируя индекс выявленных сравнительных преимуществ молочной продукции Республики Беларусь на міровом рынке, следует отметить достаточно высокие показатели индекса RCA, что свидетельствует об экспансиионистском потенциале молочной продукции Республики Беларусь (таблица 1).

Таблица 1. – Индекс RCA по молочной продукции Республики Беларусь (2013–2016 гг.)

Товарная позиция	Год			
	2013	2014	2015	2016
Сыр и творог	10,195	12,197	12,102	13,059
Молоко и сливки, концентрированные	17,349	12,948	13,960	14,650
Масло	21,877	20,771	20,735	23,841
Молоко и сливки, неконцентрированные	12,486	13,904	12,952	12,276
Масло сливочное, молоко и сливки, йогурт, кефир	10,410	12,176	11,276	11,217

Примечание – составлено автором по данным TradeMap.

Исходя из рассчитанных нами показателей, отраженных в таблице 1, следует отметить, что выросли показатели по товарным группам «молоко и сливки неконцентрированные», «масло сливочное, йогурты, кефир», но особенно значимо выросли позиции товарной группы «сыр и творог» – с 10,2 до 13,1.

Благодаря государственной поддержке молочная отрасль показывает положительную динамику развития. В результате существенного объема дотаций сельскому хозяйству Беларусь обладает наиболее качественной сырьевой базой по сравнению с другими странами СНГ, что обеспечивает хорошую конкурентную позицию белорусских молочных продуктов на рынках России и Украины. Цены на сырое молоко регулируются правительством Беларуси: отдельные цены устанавливаются для каждого сорта молока. Обычно решения принимаются правительством 2 раза в год (весной и осенью).

Крупнейшими молочными заводами в Республике Беларусь являются: ОАО «Савушкин продукт» (Брест); ОАО «Бабушкина крынка» ТМ «Бабушкина крынка» (Могилев); ОАО «ГМЗ № 1» ТМ «Молочная страна», ТМ «Минская марка», ТМ «Славянские традиции» (Минск); ОАО «Беллакт» ТМ «Беллакт» (Волковыск); ОАО «Милковита» ТМ «Моя славита» (Гомель); ОАО «Молочный мир» ТМ «Молочный мир» (Гродно);

ОАО «Березовский сыродельный комбинат» ТМ «Березка» (Береза); ОАО «Слуцкий сыродельный комбинат» ТМ «Complimilk» (Слуцк); СООО «Данон Пружаны» (Пружаны) и СООО «Данон Шклов» (Шклов) ТМ «Простоквашино» [5, с. 2].

Самый значимый сектор в молочной промышленности Республики Беларусь – это производство цельномолочной продукции. Производство и экспорт молочной продукции Республики Беларусь отражены на рисунке 1.

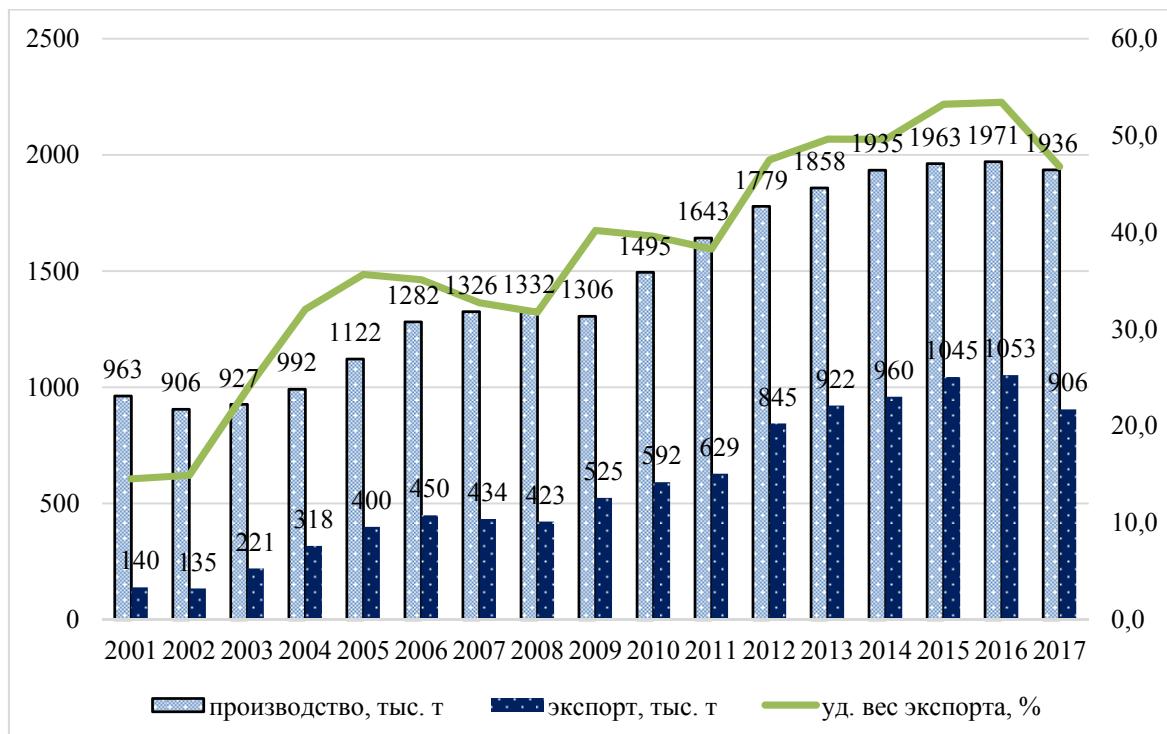

Рисунок 1. – Производство и экспорт молочной продукции Беларуси в 2001–2017 гг., тыс. т

Примечание – составлено автором на основе [6; 17].

Из данных на рисунке 1 следует, что объемы производства молочной продукции постоянно растут. При этом производство молочной продукции в Республике Беларусь за период 2001–2017 гг. увеличилось более чем в два раза.

Беларусь входит в число основных экспортёров молочной продукции в мире. Согласно отчетам IDF (Международная молочная федерация) в списке ведущих мировых экспортёров молокопродуктов (без учета торговли между странами ЕС) в сегменте твердых сыров Беларусь занимает пятую позицию в мире (5,5 % мирового экспорта), по сухому обезжиренному молоку – также пятую позицию (3,2 %), а по сухому цельному молоку – шестую (1,2 %). Стабильным ростом объема в структуре глобальной торговли отмечен экспорт масла – 7,6 % от общемирового объема экспорта масла (Беларусь занимает четвертую позицию, уступая 0,2 % США) [5, с. 4].

Характеризуя географическую структуру экспорта молочной продукции Беларуси, следует отметить высокий удельный вес Российской Федерации (таблица 2). Необходимо подчеркнуть, что географическая моноструктура экспорта, в которой преобладает Россия, а основные партнёры – страны СНГ, не стимулирует развитие отрасли, ориентированную на определенные запросы.

Таблица 2. – Географическая структура экспорта молочной продукции Беларуси

Страна	Год					2016 к 2012 г., %	Доля в экспорте, %	
	2012	2013	2014	2015	2016		2016 г.	2012 г.
Все страны	1 894 261	2 343 208	2 366 542	1 784 595	1 859 123			
Россия	1 738 059	2 186 420	2 259 215	1 725 374	1 792 101	103,11	96,39	91,75
Казахстан	78 603	72 065	68 888	40 138	37 475	47,68	2,02	4,15
Украина	26 593	41 373	13 907	3 462	13 232	49,76	0,71	1,40
Азербайджан	6 718	8 203	7 989	5 643	4 435	66,02	0,24	0,35
Туркменистан	2 183	2 593	3 532	2 770	2 299	105,31	0,12	0,12
Молдова	4 914	5 450	3 337	2 082	2 114	43,02	0,11	0,26
Грузия	793	1 397	1 072	1 265	2 111	266,20	0,11	0,04
Китай	1 943	2 866	1 580	330	1 023	52,65	0,06	0,10
Узбекистан	775	130	0	566	906	116,90	0,05	0,04
Армения	1 497	1 902	334	645	906	60,52	0,05	0,08
Филиппины	407	66	0	513	689	169,29	0,04	0,02
Другие страны	31 776	20 743	6 688	1 807	1 832	5,77	0,10	1,68

Примечание – составлено автором на основе данных TradeMap.

Рассмотрим позиции предприятий Брестской области на рынке молочной продукции. В Брестской области функционируют 10 молочных заводов. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2016 г. в области было произведен более 28 % от общего объема производства цельномолочной продукции в Беларуси [6]. В последние годы и региональные молочные заводы начали инвестировать в повышение качества производства, упаковки, логистики, технологии хранения, что позволяет прогнозировать увеличение объемов производства молочных продуктов.

В Брестской области ОАО «Савушкин продукт» является крупнейшим молоко-перерабатывающим предприятием. В первой половине 2017 г. его доля в производстве цельномолочной продукции в регионе составила 68,9 %, в 2016 г. – 71,3 %. Карта экспортных поставок включает 28 стран [7]. С целью укрепления своего экспортного потенциала, расширения ассортимента выпускаемой продукции и увеличения объемов ее производства ОАО «Савушкин продукт» инициирует планомерное техническое перевооружение своего производства. Поиск новых решений при производстве и реализации молочных продуктов предполагает техническое переоснащение и технологическое обновление производства, внедрение принципиально новых технических средств, позволяющих без лишних затрат наладить производство. Предприятие имеет право поставки своей продукции в Европейский союз и с июля 2013 г. осуществляет регулярные поставки своей десертной и кисломолочной продукции на европейский рынок. Получить европейскую лицензию – дело трудоемкое и затратное. Много нюансов: и технических, и технологических. Реализовывать продукцию в странах ЕС: заградительные пошлины делают ее в два раза дороже. Поэтому право на поставку в ЕС открывает путь на рынок многих стран. Среди таких стран – Китай, куда продается сыворотка и ультрапастеризованное молоко, страны Африки [8]. Для увеличения объемов экспорта ОАО «Савушкин продукт» создает эффективную товаропроводящую сеть (ТПС) за рубежом. Наряду с собственными (прямыми) субъектами ТПС продукция реализуется через созданную дилерскую сеть в Российской Федерации, Молдове, Азербайджане, Армении [8].

С учетом того, что в Беларуси началась массовая паспортизация коров, ОАО «Савушкин продукт» также решил внедрить у себя проект, который предполагает создание биометрического паспорта, работающего по системе ГИС AITS. Она решает комплексные задачи в предупреждении и устранении ветеринарных проблем в режиме «от фермы до стола». Паспорт будет создаваться для каждого животного во время биркования,

также могут использоваться RFID-метки для пищевой продукции, позволяющие получить данные по 24 базовым событиям, включая место и дату рождения животного, его пол, породу или помесь и ряд других. Впоследствии электронная система будет также выводиться на упаковку от кефира, молока, йогурта и другой продукции. По ней специалисты Сельхознадзора смогут узнать об условиях выращивания, продвижения, утилизации, убоя и переработки скота. Эта мера может стать еще одним пунктом плана по борьбе с подделками продукции в стране.

В Беларуси более 160 предприятий уже работают в «AITС-Прослеживаемости», практически ежедневно передавая туда все свои данные в электронном формате [9]. Соответствующую работу также проводят специалисты Минсельхозпрода Беларуси при поддержке Национальной академии наук. Она регулируется республиканским Законом № 287 от 15 июля 2015 г. «Об идентификации, регистрации, прослеживаемости сельскохозяйственных животных, идентификации и прослеживаемости продуктов животного происхождения» [10].

Практической ценностью проекта по внедрению RFID является идентификация молока, что позволит выполнять главную функцию – прослеживаемость всего процесса перемещения кодированной информации и привязку к конкретной партии молока, с формированием его электронного досье. Это вызвано ужесточением мер по регулированию мирового рынка молочной продукции, особенно со стороны развитых стран.

Страны Европейского союза проводят общую политику свободной торговли как члены Всемирной торговой организации (ВТО). Они обязаны применять установленные тарифы и не имеют права проводить различие между своими торговыми партнерами. Однако ЕС использует ряд инструментов для борьбы с дискриминационной торговой политикой:

1) меры надзора (обязательные разрешения на ввоз, выдаваемые национальными властями государств – членов Сообщества с целью осуществления контроля; эти меры обычно применяют по отношению к сельскохозяйственной, текстильной и металлургической продукции);

2) ограничение количества для ввоза некоторых товаров из определенных третьих стран с целью защиты европейских производителей от массового импорта по низким ценам (антидемпинговые меры);

3) предупредительные меры (временные ограничения в критических ситуациях на ввоз определенных товаров, способных нанести ущерб промышленности ЕС; данные меры должны соответствовать Соглашению ВТО о защитных мерах) [11, с. 64].

Анализ тарифных и нетарифных мер на рынке молочной продукции

При выходе на рынок определенной страны необходимо провести мониторинг тарифных и нетарифных мер с целью выявления барьеров входа. В мировой практике создана база данных Global Trade Alert (Угрозы мировой торговле) [12], которая содержит меры либерализации и протекционизма как в разрезе секторов и товарных позиций, так и по странам.

Топ-5 инструментов тарифной и нетарифной защиты на мировом рынке молочной продукции в 2009–2018 гг. отражены на рисунке 2.

Рисунок 2. – Защитные меры на мировом рынке молочной продукции в 2009–2018 гг., ед. [12]

Исходя из данных на рисунке 2, мы видим, что больше всего высоких тарифных барьеров действует в отношении сыра и творога, в производстве и экспорте которых специализируется Беларусь (за 10 лет 47 принятых мер).

В отношении каждой товарной позиции меры защиты носят различный характер. В отношении сыра и творога страны помимо тарифной защиты применяют сниженные ставки налогов для стимулирования экспорта. А экспорт сливок, йогуртов и кефиров ограничивается странами путем субсидирования собственных производств. В производстве цельного молока используют государственные кредиты.

На основании данной базы нами проведена выборка защитных мер по молочной продукции, введенных в период с 2009 по 2018 г. по странам (таблица 3).

Таблица 3. – Меры защиты товарных рынков в разрезе товарных позиций

Страны	0401		0403		Страны	0406	
	Кол-во	%	Кол-во	%		Кол-во	%
Россия	30	6,2	24	4,8	Бразилия	13	3,7
Франция	18	3,7	15	3,2	США	13	3,7
Германия	18	3,7	19	3,8	Россия	12	3,4
Италия	16	3,3	15	3	Германия	11	3,1
Великобритания	15	3,1	17	3,4	Индия	10	2,8
Дания	14	2,9	15	3,2	Великобритания	10	2,8
Литва	14	2,9	15	3	Аргентина	9	2,6
Финляндия	14	2,9	15	3	Дания	9	2,6
Бельгия	14	2,9	15	3,2	Бельгия	9	2,6
Польша	14	2,9	16	3,2	Франция	9	2,6
Латвия	14	2,9	15	3	Нидерланды	9	2,6
Испания	13	2,7	15	3	Польша	9	2,6
Эстония	13	2,7	14	2,8	Румыния	8	2,3
Австрия	13	2,7	14	2,8	Италия	8	2,3
Венгрия	13	2,7	15	3	Чехия	8	2,3
Беларусь	5	1	7	1,4	Латвия	8	2,3
Всего стран, принявших защитные меры	61	–	54	–	Всего стран, принявших защитные меры	67	–

Примечание – составлено автором на основе выборки данных [12].

Анализ защитных мер показал, что наиболее распространенным инструментом является увеличение тарифной защиты, но наряду с тарифами применяется и тарифная квота. В рамках тарифной квоты (количественное ограничение) применяется нулевая ставка таможенной пошлины, сверх квоты применяется тарифная ставка, действующая согласно Таможенному тарифу страны. В Европейском союзе тарифная квота устанавливается относительно каждой страны отдельно. Например, для Украины, подписавшей с ЕС Соглашение об ассоциации, на молоко, сливки, сгущенное молоко, йогурт, кефир на 2018 г. установлена квота в размере 8,8 тыс. т [13]. На внутреннем рынке Беларуси в 2017 г. только ОАО «Савушкин продукт» продало 217 тыс. т цельномолочной продукции. Таким образом, одно предприятие может покрыть всю годовую квоту меньше, чем за месяц. Т.е. на рынке ЕС достаточно высокие барьеры в виде количественных ограничений, а сверх квоты таможенный тариф на молочную продукцию достигает 96 %. Такой высокий тариф делает белорусскую продукцию неконкурентоспособной.

Администрирование тарифных квот для экспорта в ЕС осуществляется через систему импортных лицензий (молоко, сливки, сгущенное молоко и йогурты; сухое молоко; сливочное масло) и по принципу «первый пришел – первый обслуживается» (переделанные молочные и переработанные масляные продукты). Информация о текущих остатках тарифных квот ЕС доступна на веб-сайте Европейской Комиссии «Tariff quota consultation» [13].

Европейский рынок интересен для Республики Беларусь вследствие географической близости и потенциально емкого спроса, однако Национальная стратегия поддержки развития экспорта на 2016–2020 гг. предполагает также выход на рынки стран « дальней дуги » – Азии и Океании, Африки и Ближнего Востока, Латинской Америки [14]. При выходе на новые рынки необходимо изучить конъюнктуру внешних рынков. По данным World Tariff Profiles можно определить уровень защиты товарного рынка и принять решение о дальнейшем, более глубоком изучении рынка. На основании данных

World Tariff Profiles [15] нами проведена выборка уровня таможенной защиты по ряду стран «дальней дуги» по молочной продукции (таблица 4).

Таблица 4. – Уровень тарифной защиты в ряде стран «дальней дуги»

Страны	Простой средний тариф РНБ	Удельный вес 0-го тарифа, %	Максимальный тариф	Доля в импорте, %
Алжир	22,7	0	30	2,3
Ангола	9,1	0	20	0,8
Бахрейн	5,0	0	5	2,0
Бангладеш	23,5	0	25	0,6
Белиз	5,7	37,5	20	1,7
Босния и Герцеговина	16,2	0	44	0,8
Австралия	3,1	72,2	19	0,3
Ботсвана	7,8	23,8	21	0,7
Бруней-Даруссалам	0,0	100	0	1,1
Кабо Верде	8,0	0	20	5,1
Конго	16,6	0	35	1,0
Кот д'Ивуар	17	0	36	0,9
Страны Европейского союза	35,4	0	96	0,01
Япония	65,7	9,1	558	0,2
Иордания	8,2	57,1	30	1,7
Кувейт	5,0	0	5	1,9
Маврикий	0	100	0	2,5
Нигер	17	0	35	1,5
Оман	5	0	5	2,2
Самоа	4,8	27,8	8	2,8
Саудовская Аравия	5	0	5	1,2
Свазиленд	8,6	23,8	26	1,6
Йемен	6	0	10	2,8

Примечание – составлено автором на основе [15].

Мы видим, что самые высокие тарифы действуют в развитых странах ЕС и Японии. Есть смысл выходить на рынки стран, где доля импорта молока выше 1 %.

Требования к сертификации продукции в Европейском союзе

При возникновении на территории третьей страны проблемы, вполне вероятно, представляющей серьезную угрозу для здоровья людей или животных или для окружающей среды, Европейская комиссия может принять защитные меры, устанавливающие особые условия, или прекратить полностью или частично импорт продукции из третьей страны. Необходимо тщательно изучить:

1. Условия импорта безопасности продуктов питания.
  2. Требования к импорту, новые правила по гигиене продуктов питания и официальному контролю за продуктами питания (Import Conditions. URL: https://ec.europa.eu/food/safety/international_affairs/trade_en).
  3. Общее пищевое законодательство.
  4. Документы Европейского ведомства по безопасности пищевых продуктов (EFSA).
- При ввозе в ЕС определенной сельскохозяйственной продукции может потребоваться предъявление сертификата на импорт. Сертификаты на импорт служат различным целям: мониторинг торговых потоков, установление тарифных квот или обеспечение защитных мер. Чтобы получить сертификат, импортер должен обратиться в компе-

тентные органы государства – члена ЕС, куда будут ввозиться товары, и внести залоговый депозит (возвращается по предъявлении доказательства импорта).

Правила ЕС по маркировке продовольственных товаров гарантируют получение потребителем информации, необходимой, чтобы сделать осознанный выбор при покупке пищевых продуктов или напитков. Чтобы упростить процедуру выбора, на этикетке должна быть определенная информация, а именно:

- ✓ торговое название товара и точное количество (вес, объем);
- ✓ особые условия хранения или использования;
- ✓ название компании или предприятия, адрес производителя, упаковщика или импортера, основанных в ЕС;
- ✓ место происхождения в случаях, когда отсутствие такой информации может ввести покупателя в заблуждение;
- ✓ указание на наличие веществ, которые могут вызвать аллергические реакции или непереносимость;
- ✓ обозначение партии товара (с буквой «L» в начале).

Данная информация должна быть указана на бутылке или на этикетке на упаковке. Европейские заказчики могут также требовать от производителя наличие сертификата соответствия определенному международному стандарту безопасности пищевых продуктов (указывается в контракте): ISO 22000, FSSC 22000, BRC, IFS [16]. Эти сертификаты не являются обязательными для ввоза на территорию, однако они часто являются необходимым условием для реализации продукции в странах ЕС.

Заключение

Проведенный анализ продовольственного рынка стран показал следующее: где высокая доля импорта молока, там также высокий удельный вес импорта мясной продукции и круп.

При выходе на внешний рынок производителю следует учитывать, что в разных странах существуют традиции потребления коровьего, буйволиного (более вязкое молоко, не вызывающее аллергии), овечьего или козьего молока. В Республике Беларусь уже многие предприятия выпускают халяльную продукцию, что открывает им возможности выхода на рынки стран Ближнего Востока.

В результате проведенного исследования с целью диверсификации экспорта предлагаем ряд мероприятий:

- 1) проведение мониторинга товарных рынков стран на основе баз данных Global Trade Alert с целью выявления барьеров и либерализации мер торговли;
- 2) на основании данных ITC TradeMap анализ структуры экспорта и определение индексов выявленных конкурентных преимуществ на традиционных рынках с целью отслеживания динамики изменения позиций белорусской продукции;
- 3) изучение на основе данных World Tariff Profiles тарифных профилей стран с целью выявления перспективы выхода на новые рынки сбыта и анализа структуры импорта продукции;
- 4) изучение рекомендаций профильных международных организаций, например, IDF (Международной молочной федерации) для рынка молочной продукции для выявления потребностей стран и определения потенциального спроса на продукцию белорусских предприятий, соответствующих международным нормам и стандартам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальная программа поддержки и развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government-by/upload/docs/fileaff83a3fc04eb9c0.PDF>.

2. Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government-by/upload/docs/filebf0c9b3a54ae1da9.PDF>.
3. В лабиринтах молочного экспорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.product.by24.04.2018>. – Дата доступа: 20.06.2018.
4. Молочная отрасль. Июль, 2016. – Минск : Юнитер, 2016. – 3 с.
5. Молочная отрасль, 2015. – Минск : Юнитер. – 23 с.
6. Беларусь в цифрах, 2018 : стат. справ. / редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – 71 с.
7. Официальный сайт ОАО «Савушкин продукт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.savushkin.by>.
8. Лойко, О. Это высший пилотаж у молочников. За счет чего «Савушкин продукт» уходит в отрыв [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/488268.html>. – Дата доступа: 20.06.2018.
9. Диверсификация... Не просто красивое слово [Электронный ресурс] // Продукт.BY № 2 (187) март-апрель 2018. – Режим доступа: <http://produkt.by/story/diversifikasiya-ne-prosto-krasivoe-slovo>.
10. Об идентификации, регистрации, прослеживаемости сельскохозяйственных животных (стад), идентификации и прослеживаемости продуктов животного происхождения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 287-З. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/zakon_rb_ob_identifikatsii_registratsii_proslezhivaemosti_sel_skohozyajstvennyh_zhivotnyh.htm. – Дата доступа: 20.06.2018.
11. Условия экспорта в ЕС / Европейская комиссия. – Брюссель, 2013. – 241 с.
12. Global Trade Alert [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.globaltradealert.org/>. – Дата доступа: 20.06.2018.
13. COMMISSION IMPLEMENTING REGULATION (EU) 2015/2080 of 18 November 2015 amending Regulation (EC) No 2535/2001 as regards the management of import tariff quotas for dairy products originating in Ukraine and the removal of an import tariff quota for dairy products originating in Moldova // Official Journal of the European Union. L 302/77. – 19.11.2015.
14. Новая программа экспорта: « дальняя » дуга, диверсификация и 65 % [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputnik.by/econo-my/20160803/1024612420.html>. – Дата доступа: 20.06.2018.
15. World Tariff Profiles, 2017. World Trade Organization. – Geneva, 2017. – 263 p.
16. Экспорт молока и молочных продуктов в ЕС: первые шаги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eu-ua.org/eksport-yes/moloka-ta-molochnoi-produktsii>.
17. ITC TradeMap [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trademap.org>.

Рукапіс поступіў у рэдакцыю 06.07.2018

Kostenko N.V. Diversification of Export of the Republic of Belarus in the Market of the Dairy Products

The article considers the positions of dairy products of the Republic of Belarus and the Brest region on the world market. The analysis of the dynamics of production and exports of dairy products based on the data of ITC TradeMap is carried out; the index of identified comparative advantages is calculated. The barriers in the global dairy market are analyzed on the basis of the Global Trade Alert database. The geographical structure of exports of dairy products is analyzed. The algorithm of entering the European market of dairy products is determined. The main instruments of protectionism by countries on the dairy market are revealed. The measures aimed at monitoring barriers and measures of liberalization are suggested. And also, activities aimed at identifying new geographical niches in order to diversify the export of dairy products. The measures for preventive study of tariff profiles of the countries are suggested.

УДК 330.43:691.95

B.B. Конончук

канд. экон. наук, доц., ст. науч. сотрудник

Полесского аграрно-экологического института НАН Беларуси

e-mail: victorkon@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОТХОДОВ В УСЛОВИЯХ АГРОЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ

Высокая зависимость аграрного сектора от случайных и неуправляемых природных и погодно-климатических факторов порождает рисковые ситуации. Для оценки возможного воздействия на результаты производства последствий агроэкологических рисков используют методы математического моделирования. В зависимости от устойчивости сельского хозяйства к влиянию случайных и неуправляемых факторов выделяют типы устойчивости к проявлению рисков: оптимистический, устойчивый (адаптивный) и пессимистический. Повышение эффективности использования природно-хозяйственно-го потенциала земель и всего аграрного сектора в условиях формирования механизма устойчивого развития предполагает полное и эффективное использование отходов промышленного производства органического происхождения в качестве удобрений. Использование отходов перерабатывающих предприятий в сельском хозяйстве позволяет в значительной степени не только решить экологические проблемы утилизации отходов, но и повысить экономическую эффективность.

Введение

Устойчивое развитие экономики сельского хозяйства предполагает использование отходов органического содержания перерабатывающих предприятий АПК в качестве одного из видов органических удобрений. Наличие значительного и постоянно увеличивающегося количества органических отходов в промышленном производстве АПК и возможность их рационального использования приобретает особенно важную роль в условиях повышения экологизации аграрного производства. В настоящее время уровень использования дешевых отходов в аграрном производстве находится на низком уровне, что отражается на экономических показателях как промышленной, так и аграрной сферы АПК. Использование отходов позволяет не только решить экологические задачи, но и получить синергетический эффект, выражющийся в экономии финансовых ресурсов, связанных с хранением и утилизацией отходов, а также в виде получения дополнительной продукции. Исследования показывают, что использование отходов в качестве органических удобрений является высокоокупаемым и экономически целесообразным. Имеющееся значительное количество отходов органического происхождения предопределяет необходимость наилучшего (оптимального) их использования.

Широкими возможностями для решения таких задач обладают методы экономико-математического моделирования [3; 5]. Эффективность отраслей аграрного сектора, в которых организационно и технологически возможно применение и использование отходов в качестве органических удобрений неодинакова, также как и неодинакова их окупаемость. Кроме этого, зависимость аграрного сектора от случайных и неуправляемых природных, погодно-климатических, биологических и других факторов предполагает при одинаковых технико-технологических и ресурсных параметрах различные результаты функционирования. В связи с этим возникает необходимость разработки экономико-математических моделей оптимизации использования отходов для достижения максимальной их окупаемости в условиях проявления агроэкологических рисков в сельском хозяйстве [2].

Результаты и обсуждение

Моделирование использования отходов в интересах экологизации аграрного производства и в условиях проявления агроэкологических рисков базируется на прин-

ципах стабилизации и устойчивости развития, формирования саморегулируемой социально-экономической системы [1]. Важнейшим аспектом устойчивости развития является полное и эффективное использование имеющегося ресурсного потенциала, в первую очередь земельных ресурсов. Условием саморегуляции социально-экономической системы является использование отходов в аграрном производстве для получения как основной, так и дополнительной продукции, обеспечивающей возмещение необходимых затрат при средних условиях хозяйства, а также формирование финансовых ресурсов для осуществления расширенного воспроизводства.

Целью исследования является разработка экономико-математической модели использования отходов органического происхождения перерабатывающих предприятий АПК в сельском хозяйстве. Экономико-математическая модель относится к классу оптимизационных и предполагает выработку оптимального решения по использованию отходов в отраслях аграрного производства.

Постановка задачи разработанной экономико-математической модели использования отходов в условиях проявления агроэкологических рисков базируется на оптимизации количественных характеристик отходов производства органического происхождения и размеров отраслей сельскохозяйственного производства.

Функционирование сельскохозяйственных товаропроизводителей в условиях перманентного наличия и проявления агроэкологических рисков учитывает взаимовыгодные интересы с партнерами и государством и предполагает формирование стабилизационных (резервных) фондов товарной продукции и кормов при проявлении оптимистического и устойчивого варианта риска на случай наступления пессимистического (неблагоприятного) риска. В свою очередь, государство стимулирует использование и применение отходов перерабатывающих предприятий АПК для получения дополнительной экологически чистой товарной продукции и кормов в сельском хозяйстве. Условия (ограничения) модели описывают важнейшие параметры использования отходов органического происхождения перерабатывающих предприятий в качестве органических удобрений в сельском хозяйстве с учетом их окупаемости и экономической эффективности.

Применение и использование отходов в качестве органических удобрений может реализовываться в двух аспектах:

- 1) как дополнение к внесению традиционных органических удобрений;
- 2) в качестве альтернативы или замены традиционных органических удобрений.

Решение модели осуществляется для расчета прогнозной программы и оптимальных параметров использования отходов. Период прогноза в модели зависит от количества имеющихся и возможных объемов поступления отходов. При этом чем больше ресурсы отходов, тем больше период прогноза модели.

Решение модели может осуществляться и с целью анализа программы использования отходов. В данном случае решение модели позволит сделать вывод, каким образом целесообразно перераспределить объемы имеющихся ресурсов отходов органического происхождения для достижения максимальной экономической эффективности.

Реализация модели осуществляется в стохастическом виде и имеет блочно-диагональную структуру. Каждый блок модели описывает технико-технологические условия использования отходов при проявлении каждого из возможных вариантов агроэкологических рисков: оптимистического (благоприятного), устойчивого (адаптивного) и пессимистического (неблагоприятного). Технико-экономические коэффициенты и окупаемость ресурсов для каждого исхода отличны. В модели имеется связующий блок, включающий условия по перераспределению ресурсов отходов, экологически чистой товарной продукции, а также равенству отраслей растениеводства и животноводства, т.к. управленические решения по размерам отраслей принимаются до проявления соот-

ветствующих вероятностных рисковых исходов. В качестве критерия оптимальности модели целесообразно использовать максимум математического ожидания прибыли.

Содержание условий (ограничений) экономико-математической модели для расчета оптимальной программы использования отходов в сельском хозяйстве следующее.

Критерий оптимальности (целевая функция) – максимум математического ожидания прибыли:

$$F_{\max} = \sum_{t \in T_0} \Omega^t * v^t - \sum_{k \in K_3} \sum_{j \in J_{10}} \Theta_{kj} * \tilde{Y}_{kj}.$$

Условия:

1. По использованию земельных ресурсов:

$$\sum_{j \in J_0} a_{mj} * x_j^t \leq A_m, \quad m \in M_0, \quad t \in T_0;$$

2. По размерам отраслей:

a) $\tilde{V}_j \leq x_j^t \leq V_j, \quad j \in J_0, \quad t \in T_0;$

b) $\sum_{j \in J_2} x_{j^0 j}^t = \sum_{j \in J_2} x_{j^0 j}^{t-1}, \quad t \in T_0 - 1, \quad j \in J_3;$

v) $x_j^t = x_j^{t-1}, \quad j \in J_6, \quad t \in T_0 - 1.$

3. По соотношению сельскохозяйственных культур и отраслей:

a) $\sum_{j \in J_3} x_j^t \leq \sum_{j \in J_4} x_j^t, \quad t \in T_0.$

b) $x_j^t \leq \xi_j * x_j^t, \quad j \in J_8, \quad t \in T_0.$

4. По количеству отходов в качестве органических удобрений:

$$\tilde{x}_i \leq D_i, \quad i \in I_1.$$

5. По использованию отходов в качестве удобрений:

$$\sum_{j \in J_1} m_{ij}^t * x_j^t = \tilde{x}_i, \quad i \in I_1, \quad t \in T_0.$$

6. По соотношению количества отходов и органических удобрений:

$$\tilde{\tilde{x}}_i = \tilde{\omega}_{ij} * \tilde{x}_i, \quad i \in I_0, \quad j \in J_1.$$

7. По общей потребности в органических удобрениях:

$$\sum_{j \in J_1} m_{ij}^t * x_j^t + \sum_{j \in J_0} \tilde{m}_{ij}^t * x_j^t = \tilde{\tilde{x}}_i, \quad i \in I_0, \quad t \in T_0.$$

8. По потребности в органических удобрениях животного происхождения:

$$\sum_{j \in J_1} \tilde{m}_{ij}^t * x_j^t = \hat{x}_i, \quad i \in I_2, \quad t \in T_0.$$

9. По формированию объемов органических удобрений животного происхождения:

$$\hat{x}_i \leq \sum_{j \in J_6} \tilde{d}_{ij} * x_j^t, \quad i \in I_2, \quad t \in T_0.$$

10. По формированию товарной продукции и стабилизационных фондов:

$$\begin{aligned} & \sum_{j \in J_0} d_{kj}^t * x_j^t + \sum_{i \in I_1} \Delta \tilde{d}_{ki}^t * \tilde{x}_i + \sum_{i \in I_2} \Delta \tilde{\tilde{d}}_{ki}^t * \hat{x}_i = E_k^t + x_k^t + \\ & + \sum_{t' \in T_2} \tilde{x}_k^{\circ tt'} * \psi_k^{tt'} - \sum_{t' \in T_1} x_k^{\circ tt'} * \dot{\psi}_k^{tt'}, \quad k \in K_0, \quad t \in T_0. \end{aligned}$$

11. По сумме прибыли на начальный период и прогнозный период освоения перспективной производственной программы развития:

$$\sum_{j \in J_1} p_{kj}^t * x_j^t + \sum_{j \in J_6} p_{kj}^{t^*} * x_j^t + \sum_{i \in I_1} \tilde{p}_{ki} * \tilde{x}_i + \\ + \sum_{i \in I_2} \tilde{p}_{ki} * \hat{x}_i + P_k = \Omega^t, \quad k = 1, \quad t \in T_0.$$

12. По формированию инвестиций на увеличение основных производственных фондов в целом по хозяйству и по отдельным отраслям:

$$\sum_{j \in J_0} g_{kjj^0} * x_j^t + \sum_{i \in I_1} \tilde{g}_{ki} * \tilde{x}_i + \sum_{i \in I_2} \tilde{g}_{ki} * \hat{x}_i \leq Q_{kj} + 0.5 * \eta_k * Y_{kj} + \\ + \eta_{kj}^0 * \tilde{Y}_{kj}, \quad k \in K_3, \quad j \in J_{10}, \quad t \in T_0.$$

13. По сумме преференций экологизации производства:

$$\sum_{k \in K_4} \sum_{j \in J_0} \lambda_{kj}^t * x_j^t + \sum_{k \in K_4} \sum_{i \in I_1} \tilde{\lambda}_{ki} * \tilde{x}_i + \sum_{r \in K_4} \sum_{i \in I_2} \tilde{\lambda}_{ki} * \hat{x}_i = \Delta^t + \alpha^t, \quad t \in T_0.$$

14. Неотрицательность переменных:

$$x_j^t \left\{ x_{j^0}^t \right\}, \quad x_k^t, \quad \tilde{x}_i \left\{ \tilde{x}_i, \hat{x}_i \right\}, \quad Y_{kj}, \quad \tilde{Y}_{kj}, \quad \Omega^t, \quad \alpha^t \geq 0.$$

Условные обозначения:

Индексация: i – номер вида отходов, органического удобрения; I_0 – множество видов органических удобрений; I_1 – множество видов отходов, $I_1 \subset I_0$; I_2 – множество видов органических удобрений животного происхождения, $I_2 \subset I_0$; j – номер отрасли; j^0 – номер сельскохозяйственных культур и отраслей однородной группы, $j^0 \subset j$; J_0 – множество отраслей; J_1 – множество отраслей растениеводства, $J_1 \subset J_0$; J_3 – множество групп однородных сельскохозяйственных культур, $J_3 \subset J_0$; J_6 – множество отраслей животноводства, $J_6 \subset J_0$; J_8 – множество отраслей, находящихся в пропорциональной связи, $J_8 \subset J_0$; J_9 – множество кормовых культур и угодий, дающих зеленые корма, $J_9 \subset J_0$; J_{10} – множество главных отраслей: растениеводство, скотоводство и др., $J_{10} \subset J_0$; m – номер земельных угодий; M_0 – множество видов земельных угодий; k – номер ресурсов, видов товарной продукции, преференций; $k = 1$ – номер вида денежных поступлений, прибыли; K_1 – множество видов товарной продукции; K_3 – множество элементов основных производственных фондов; K_4 – множество видов преференций; H_0 – множество видов кормов; H_9 – множество кормов, полученных при использовании отходов, $H_9 \subset H_0$; H_{10} – множество кормов, полученных от использования органических удобрений, $H_{10} \subset H_0$; t – номер риска (рисковой ситуации); t' – номер проявления риска, отличного от текущего; T_0 – множество вариантов риска; T_1 – множество вариантов риска (рисковых периодов), принимающих ресурсы, $T_1 \subset T_0$; T_2 – множество вариантов риска (рисковых периодов), резервирующих ресурсы, $T_2 \subset T_0$.

Неизвестные величины: x_j^t – размер отрасли j при риске t ; $x_{j^0}^t$ – площадь сельскохозяйственной культуры j , принадлежащей однородной группе j^0 при риске t ;

x_k^t – объем товарной продукции вида k при риске t ; $\tilde{x}_i, \tilde{\tilde{x}}_i$ – количество отхода или органического удобрения вида i соответственно; $\hat{x}_i$ – количество органического удобрения вида i животного происхождения; $Y_{kj}, \tilde{Y}_{kj}$ – сумма ресурса k прибыли и кредита соответственно, выделяемых для формирования инвестиций в основные производственные фонды отрасли j ; Ω^t – сумма прибыли при проявлении риска t ; α^t – сумма преференций для стабилизации производства при проявлении риска t .

Известные величины: A_m – наличие сельскохозяйственного угодья вида m ; D_i – наличие отходов вида i ; $\Delta \tilde{d}_{ki}^t, \Delta \tilde{\tilde{d}}_{ki}^t$ – выход (прибавка) продукции вида k от единицы использования отхода или органического удобрения вида i соответственно при проявлении риска t ; $\tilde{V}_j, V_j$ – соответственно минимальный и максимальный размер отрасли j ; g_{kj}^0 – стоимость основных производственных фондов вида k в расчете на единицу отрасли j однородной группы j^0 ; ξ_j – коэффициент связи отрасли j ; $\tilde{g}_{ki}, \tilde{\tilde{g}}_{ki}$ – стоимость основных производственных фондов вида k в расчете на единицу использования отхода или органического удобрения вида i соответственно; $\Delta \tilde{d}_{hi}^t, \Delta \tilde{\tilde{d}}_{hi}^t$ – выход (прибавка) корма вида h от единицы использования отхода или органического удобрения вида i соответственно при проявлении риска t ; E_k^t – договорные поставки товарной продукции (продовольствия) вида k при проявлении риска t ; Q_{kj} – стоимость переходящих элементов основных производственных фондов вида k по главной отрасли j ; η_k – стоимость основных производственных фондов вида k от освоения единицы прибыли; η_{kj}^0 – стоимость основных производственных фондов вида k от освоения единицы кредита в отрасль j ; a_{mj} – расход земельного угодья вида m на единицу отрасли j ; $\tilde{d}_{ij}$ – выход органического удобрения вида i от единицы отрасли животноводства j ; $p_{kj}^t, p_{kj}^{t^*}$ – сумма ресурса k (прибыли в растениеводстве и прибыли и стоимости кормов в животноводстве соответственно) в расчете на единицу отрасли j при проявлении риска t ; $\tilde{p}_i, \tilde{\tilde{p}}_i$ – прибыль от использования единицы отхода или органического удобрения вида i соответственно; $m_{ij}^t, \tilde{m}_{ij}^t$ – количество (доза) внесения отхода или органического удобрения вида i соответственно на единицу отрасли j в период t ; P_k – размер прибыли вида k , полученной в год предшествующий плановому; $\psi_k^{tt'}, \tilde{\psi}_k^{tt'}$ – коэффициенты резервирования товарной продукции вида k в исход t для передачи или приема соответственно от исхода t' ; ν^t – вероятность проявления риска t ; $\tilde{\omega}_{ij}$ – коэффициент соотношения отходов вида i при внесении под культуру j ; p_k^t – прибыль от реализации единицы товарной продукции вида k рыночного фонда в исход t ; Θ_{kj} – сумма денежных средств, ресурса k для возмещения единицы кредита в отрасль j ; Δ^t – размер преференций на начало планового периода в исход t ; λ_{kj}^t – размер преференций вида k на единицу отрасли j в исход t ; $\tilde{\lambda}_{ki}, \tilde{\tilde{\lambda}}_{ki}$ – сумма преференций вида k в расчете на единицу отхода или органического удобрения вида i соответственно.

Заключение

Использование отходов в сельском хозяйстве в условиях проявления агроэкологических рисков предполагает применение методов экономико-математического моделирования. Учет в моделях действительных событий позволяет объективно определить степень проявления вероятностных характеристик производственно-экономических показателей функционирования сельского хозяйства. Устойчивое функционирование сельхозпредприятий в современных условиях основано на самоокупаемости и самофинансировании, что предполагает минимизацию всех статей издержек производства, при котором варианты параметров развития отраслей оцениваются относительно как затрат и окупаемости ресурсов, так и выхода продукции. Данный подход эффективности учитывает интересы как отдельных товаропроизводителей, так и всего агропромышленного комплекса. Одним из способов снижения себестоимости и повышения экологизации аграрного производства является использование в качестве органических удобрений отходов перерабатывающих производств. Разработанная экономико-математическая модель использования в сельском хозяйстве отходов органического происхождения перерабатывающих предприятий АПК позволяет определить наиболее эффективные варианты и параметры функционирования сельскохозяйственного производства в условиях проявления различных типов агроэкологических рисков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевченко, Е. Н. Математическое моделирование распределения риска при независимых случайных величинах вероятностей исходных событий и ущерба / Е. Н. Шевченко // Фундамент. исслед. – 2011. – № 12, ч. 3. – С. 604–608.
2. Леньков, И. И. Экономико-математическое моделирование систем и процессов в сельском хозяйстве / И. И. Леньков. – Минск : Дизайн ПРО, 1997. – 304 с.
3. Октаева, Е. В. Математические модели и методы оценки рисков / Е. В. Октаева // Молодой ученый. – 2016. – № 15. – С. 310–313.
4. Жудро, М. К. Экономический механизм эффективного развития агробизнеса / М. К. Жудро. – Горки : Белорус. гос. сельскохоз. акад., 2002. – 264 с.
5. Мясоедов, А. И. Современные экономико-математические методы и модели в процессе принятия управленческих решений [Электронный ресурс] / А. И. Мясоедов // Проблемы и перспективы экономики и управления : материалы VI Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, дек. 2017 г. – СПб. : Свое из-во, 2017. – С. 150–153. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/263/13309/>. – Дата доступа: 03.01.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.06.2018

Kononchuk V.V. Modeling the Use of Waste in the Condition of Agro-Ecological Risks

The high dependence of the agricultural sector from accidental and uncontrollable natural and climatic factors gives rise to the manifestation of risk situations. To assess the possible impact on the results of the production effects of agro-environmental manifestations of risks mathematical modeling techniques are used. Depending on the sustainability of agriculture to the effects of random and uncontrolled factors the types of resistance to the manifestation of risks are distinguished: optimistic, resilient (adaptive), pessimistic. The improved utilization of natural and economic potential of the land and of the whole agricultural sector, in the context of the formation of mechanism of sustainable development requires the full and effective use of industrial wastes of organic origin as fertilizer. The use of waste processing enterprises in agriculture can not only largely solve the environmental problems of waste disposal, but also to increase economic efficiency.

УДК 336.242

С.Ф. Куган

канд. экон. наук, доц., доц. каф. менеджмента, зам. декана экономического факультета
Брестского государственного технического университета
e-mail: sfkugan@mail.ru

**АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

Эффективность функционирования логистической системы возможна лишь при условии соблюдения интересов всех участников логистической цепи. Как показывает практика, внедрение инструментов логистики или построение системы подобного типа направлено на повышение эффективности деятельности предприятия, ее внедряющего. В состав логистической цепи входит, как правило, не одно предприятие, поэтому применение математических количественных методов и моделей исследования операций для обоснования принятия решений дает возможность правильного выбора из комплекса альтернативных решений, наилучшим образом отвечающих целям всех участников системы. Рассмотренные подходы, составляющие методологическую базу логистики, включают методы и методики, позволяющие реализовать основные цели теоретического исследования логистических систем, и обеспечивать их дальнейшее эффективное функционирование.

В современных экономических условиях деятельность логистической системы с точки зрения ее эффективности является одним из главных факторов конкурентоспособности национальной экономики и проявляется в стремлении Республики Беларусь к интеграции в общемировые товарные потоки. Такой тренд не исключает важности функционирования логистики для корпоративных целей предприятий, рыночного сегмента, территории (региона), страны. При этом рационализация деятельности предприятий логистической сферы напрямую связана с качеством предоставляемого сервиса и услуг. Важнейшим фактором экономического роста становится формирование интегрированных систем, охватывающих как отдельные сферы предпринимательства, так и целые страны.

Логистическая деятельность проходит через все отрасли экономики и оказывает существенное влияние на повышение ее эффективности. Как показывает практика, внедрение инструментов логистики или построение логистической системы направлено на повышение эффективности деятельности предприятия, ее внедряющего. Для того чтобы дать определение эффективности функционирования такой системы, необходимо в первую очередь четко понимать, что она из себя представляет. Логистическая система – «это сложная организационно завершенная (структурированная) экономическая система, которая состоит из элементов-звеньев (подсистем), взаимосвязанных в едином процессе управления материальными и сопутствующими потоками, причем задачи функционирования этих звеньев объединены внутренними целями организации бизнеса и (или) внешними целями» [1, с. 50].

Будучи искусственной, динамической, целенаправленной и адаптивной системой с обратной связью, она сочетает в себе «множество элементов, связанных между собой функциями, целью которых является решение главной задачи логистики – доставка нужного товара в определенное время, в определенное место, в нужном количестве и определенного качества, с минимальными затратами» [2, с. 5].

Применение системного анализа через рассмотрение основных принципов, условий функционирования и критериев оценки логистических систем отражено в работах [3–5]. Опыт применения систем управления в логистике, описанный Л.Б. Миротиным [6], позволяет классифицировать эти системы в соответствии с характерным для каждой из них уровнем развития:

- а) первый уровень – складирование и транспортировка готовой продукции;
- б) второй уровень – охват компонентов внутризаводских складов готовой продукции;
- в) третий уровень дополняется входными складами, системой доставки исходных материалов, сферой закупок и снабжения, а также финансовым движением материалов в процессе производства;
- г) четвертый уровень – распространение компетенций на весь объем элементов и стадий, включенных в производственно-сбытовой процесс, не исключая схемы по планированию и управлению самим производством.

За рубежом среди ученых и специалистов в области логистики принято рассматривать эффективность цепи поставок, подразумевая, что логистическая система – это «планирование и координация всех аспектов физического движения материалов, компонентов и готовой продукции для минимизации общих затрат и обеспечения желаемого уровня сервиса» [7].

Необходимо отметить, что современная логистика позволяет проектировать рационально взаимодействующие логистические системы, обладающие определенными свойствами:

- 1) системность (логистическая система, с одной стороны, как единое целое, а с другой – как часть глобальной логистической сети, в которой имеет место взаимодействие между системами и объектами);
- 2) научность (перспективы развития логистической системы представляются возможным просчитать, опираясь на математические методы и модели);
- 3) иерархичность (принцип построения любой системы состоит в жестком закреплении уровней подчиненности между элементами системы, движении информации по прямому и обратному контуру);
- 4) конкретность (изначальное четкое формулирование цели и задач для потоковых процессов);
- 5) целостность (реализация свойства системы выполнять заданную целевую функцию, реализуемую только системой в целом, а не отдельными ее элементами);
- 6) эффективность (способность логистической системы при заданных условиях достичь максимально возможной прибыли при минимуме логистических издержек);
- 7) гибкость (способность логистической системы адаптироваться к изменениям во внешней и внутренней среде);
- 8) надежность (использование современных средств перемещения и управления движением в целях обеспечения безотказности и безопасности при продвижении потоков по системе);
- 9) превентивность (реализация т.н. превентивной концепции управления [8], предупреждающей возникновение отклонений, диспропорций и их отрицательных воздействий на функционирование логистической системы).

В соответствии с требованиями глобального экономического рынка логистическая система должна обладать такими новыми свойствами, как:

- 1) комплексность (возможность сочетания разных видов транспортировки и развитие института аутсорсинга на логистическом рынке);
- 2) мультимодальность (создание широких возможностей обслуживания мультимодальных грузоперевозок);
- 3) трансграничность (терминальная обработка транзитных и внешнеторговых грузопотоков в рамках концепций транспортной и таможенной логистики);
- 4) международное сотрудничество (взаимодействие логистической системы государства с объектами зарубежной логистической инфраструктуры в целях их интеграции в международную транспортно-логистическую сеть) [9].

Эффективное функционирование логистических систем невозможно без использования информационных потоков. Большую помощь в исследовании процессов управления через информационный подход оказывает кибернетика, выделяя и изучая в объектах исследования различные виды потоков информации, способы их обработки, анализа, преобразования, передачи и т.д. В [10] описана концепция формирования многофакторной двухуровневой модели «логистической системы управления экономическими процессами». С одной стороны, система представляет собой интеграцию взаимосвязанных направлений деятельности определенного вида, таких как транспортировка и доставка, складирование и переработка, хранение и управление запасами, информационное и финансовое обслуживание материальных потоков. С другой – это процесс сквозной организационно-аналитической оптимизации сложных целенаправленных макрологистических систем, состоящих из взаимосвязанных функциональных и обеспечивающих подсистем, представленных многочисленными элементами региональной логистической сети, интегрированными материальными, информационными, сервисными и финансовыми потоками. Их взаимодействие позволяет получить максимальный синергетический эффект на основе установления компромиссов между всеми участниками при достижения конечной цели – максимального удовлетворения запросов клиентуры в количестве и качестве предоставляемых услуг.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что логистическая система – это структурированная особым образом модель, в которой возможно спланировать и эффективно осуществить перемещение ресурсного капитала посредством потокового процесса, включающего в себя закупку ресурсов, их движение, преобразование и реализацию конечной продукции.

Ежедневно руководителями разных уровней приходится принимать множество решений, эффективность которых определяется их качеством. Поэтому совершенствование процессов принятия управленческих решений в логистике становится одной из главных задач менеджмента. Необходимо уточнить, что под эффективностью мы понимаем «относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определяемые как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение» [11, с. 401]. Он представляет собой итоговый качественный и (или) количественный показатель развития.

Эффективность функционирования логистической системы возможна лишь при заинтересованности всех участников логистической цепочки: производителей, потребителей, экспедиторов, владельцев складов и терминалов, перевозчиков, дистрибутеров, оптовых и других логистических посредников. Эта заинтересованность, регулируемая рыночными отношениями, определяется эффективностью самой системы и распределением эффекта между ее участниками. Применение математических количественных методов и моделей исследования операций для обоснования принятия решений дает возможность правильного выбора из рассматриваемого набора альтернативных решений, наилучшим образом отвечающих целям всех участников системы.

На конечный результат деятельности логистической системы (получение прибыли) в условиях рынка оказывает влияние целый ряд взаимосвязанных факторов, к которым относятся: положение участников системы на рынке; их финансовая устойчивость; качество предлагаемых товаров и услуг; наличие выгодных и стабильных заказов.

Описание использования набора экономико-математических методов для нахождения кратчайших расстояний между отправителями и получателями как фактор, влияющий на функционирование логистической системы, встречается в работах Б.Л. Геронимуса [12] и А.П. Кожина [13]. Ими изучены методы и модели, использование которых при подготовке решений, связанных с организацией перевозок автомобильным транспортом, повышает эффективность деятельности данной сферы. Указанными авто-

рами отмечен факт, что все участники логистической цепочки имеют достаточно большой диапазон совпадения интересов. Основное конкурентное преимущество реализуется за счет использования логистической технологии – доставки грузов точно к установленному времени и с наименьшими совокупными издержками. Р.Ю. Скоков, выстроив цепочку «потребности → интересы → блага → полезности», определил, что через эти понятия складывается определенное свойство объектов, что позволяет рассматривать эффективность как результат согласования интересов [14].

Работа в современных логистических системах строится по более прогрессивным транспортно-логистическим технологиям (терминальная технология, применение поддонов и контейнеров, комплексное транспортно-экспедиционное и сервисное обслуживание клиентуры, организация доставки грузов «точно ко времени» и «от двери до двери», интермодальные технологии перевозок грузов в смешанном сообщении), в результате чего при увеличении объема, расширении номенклатуры и повышении качества сервисных услуг у экспедиторов и перевозчиков уменьшаются совокупные затраты, возрастает рентабельность и прибыль.

Глобализация экономики, высокая конкуренция предъявляют свои требования к эффективности, которая выражается в достижении поставленных целей в максимально короткие сроки. В количественном подходе эффективность представляет собой определение величины эффекта при рассмотрении альтернативных вариантов решения. Общий объем эффекта определяется через стоимостные показатели при сравнении затрат конкретного вида и результатов. Оптимальное соотношение эффекта и затрат обеспечивает правильный выбор направления развития [15]. Подобный подход позволяет определить максимальный эффект при рациональном использовании ограниченных ресурсов. Если от фактора времени зависит величина затрат, требуемых для реализации оптимального плана, то при формулировке задачи необходимо четкое указание на период времени, предоставляемый для достижения указанной цели.

Кроме количественного, эффективность рассматривается и с точки зрения целевого подхода, связывающего эффективность с полнотой и рациональностью реализации намеченных целей и имеющегося хозяйственно-ресурсного потенциала. В рамках целевого подхода можно выделить два направления. Первое рассматривает эффективность как степень достижения поставленных целей, т.е. целевой подход «ориентирован на оценку эффективности с точки зрения максимального соответствия поставленным целям. Таким образом, оценивается стратегическая эффективность в плане получения долгосрочных рыночных преимуществ» [16, с. 137–138]. Второе направление предполагает рассмотрение эффективности не только как результата, сколько как условия, при которых он может быть получен. Таким образом, сущность эффективности заключена во взаимосвязи достигнутого результата и условий их достижения. В качестве условий могут быть приняты либо произведенные затраты, либо потенциал.

Целевая эффективность может применяться к т.н. целенаправленным системам (к которым можно отнести и логистические), т.е. к системам, имеющим признанные обществом цели или функции, т.к. имеет место процесс достижения цели в виде получения результатов с помощью затрат ресурсов. При любом выборе объекта анализ эффективности опирается на ту же схему, что и в случае целевой эффективности: «затраты → результаты → цели». Такой подход к оценке эффективности объектов, проектов и процессов называется трансакционным [17]. Подобная трактовка схожа с количественным подходом, однако в данном случае принимается во внимание не просто соотношение результатов и затрат (ресурсов), а степень достижения целей по отношению к затратам (ресурсам).

Учитывая динамизм и сложность развития логистической системы, управляющее звено постоянно решает задачи мониторинга фактического положения, прогнозирова-

ния и оценки ее будущего состояния. Такие задачи решает прогностика, позволяющая рассматривать эффективность как максимизацию результата при минимизации затрат либо как наиболее полное использование имеющихся ресурсов системы в перспективе.

Оценить эффективность логистических систем, по нашему мнению, будет рациональнее при использовании синергетического подхода, который в отличие от статичных подходов опирается на представление об экономической системе как находящейся в неравновесном динамическом состоянии. Ее эффективность будет зависеть от способности системы выстраивать отношения с основными институтами и от процессов согласования интересов агентов системы. Под синергетической эффективностью понимается эффективность, которая складывается из различных видов эффективности, когда невозможно просуммировать различные эффективности или перемножить их.

Говоря об эффективности логистических систем, Х. Пфоль отмечал, что эти системы можно считать эффективными, если при их формировании взаимоувязаны логистические затраты на входе в систему и логистические услуги на выходе из системы как цели формирования этих систем [18]. Данное утверждение основано на проведенном исследователем анализе соотношения вложенного в логистическую систему капитала и полученной от этой системы прибыли.

О.С. Сухарев сформулировал «аксиомы» теории эффективности, разграничив понятия эффективности, устойчивости и надежности. Важным в понимании необходимости координации элементов системы для достижения синергетической эффективности является следующее утверждение: «Если все элементы эффективны, то при определенных условиях система может оказаться неэффективной» [19, с. 112]. При этом предлагаются оценить степень дисфункциональности системы с помощью метода количественной оценки на основе моделей теории надежности систем. Ключевым в синергетическом подходе является важность процессов согласования интересов и взаимодействия в повышении эффективности, что не требует значительных финансовых вложений.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1) эффективность является многомерной (многоуровневой) категорией, проявляется через ряд форм, и оценка эффективности объекта основывается на поликритериальной системе определенных ее форм, которые зависят от объекта управления, в первую очередь его целевого назначения, и отображают взаимосвязь целей, результатов и использованных ресурсов;

2) важным фактором, влияющим на эффективность логистической системы, является потенциал, структура которого определяется структурой объекта управления, и способность управляющей системы к стратегическому планированию его эффективного использования и наращивания;

3) значимыми источниками повышения эффективности являются творческое предпринимательство и синергизм.

Отсюда эффективность логистической системы предлагается трактовать как степень приближенности к целевому функционированию системы, основанному на принципах развития и отражающему ожидания и согласованные цели субъектов системы.

Логистическая система, имеющая высокую эффективность, позволяет более качественно решать целый ряд задач:

1) четкое регулирование всеми процессами, связанными с производством, складированием, грузопереработкой и транспортировкой готовой продукции;

2) смягчение последствий логистических рисков;

3) координация и синхронизация деятельности разных уровней кооперации в цепи поставок;

4) автоматизация документооборота, связанного с логистической деятельностью.

Общепринято, что к факторам, влияющим на развитие и эффективность логистических систем, относят: глобализацию экономики и связанное с ней расширение международного сотрудничества, производство «под заказ», многообразие производимой продукции, внедрение новых техник и технологий доставки грузов, активное развитие информационных систем и технологий поддержки логистики, стремление компаний сокращать совокупную стоимость и затраты времени, связанные с движением товаров, и т.д.

Н.Д. Фасоляк при оценке логистических систем предлагает учитывать такие факторы, как территориальное размещение потребителей, годовой объем и ассортимент поставок, транспортные условия поставок с учетом существующей и проектируемой сети коммуникаций по каждому виду транспорта, годовые затраты на транспорт, содержание запасов, устройство складов и обслуживающих их объектов и др. [20]. А результаты оценки эффективности функционирования логистической системы определять исходя из утверждения, что чем выше положительный эффект суммарного результата составляющих логистическую систему процессов и чем ниже затраты на развитие и функционирование ее, тем выше эффективность. Проведенный анализ исследований, посвященных эффективности логистических систем позволил определить, что особое место при их организации и функционировании принадлежит учету макроэкономических процессов и теоретических принципов микроэкономики, мезоэкономики иnanoэкономики.

С учетом «смещения» экономики в сторону потребителя одним из основных направлений в решении проблем логистики становится проработка стратегии развития и поведения на рынке услуг. Повышается значимость информации и фактора времени ее получения и использования. Также растут риски, поэтому требуется достоверная информация о причинах их возникновения и возможностей снижения. Специфика логистических систем требует действий по минимизации издержек как частного критерия экономической эффективности. Учитывая часто меняющийся состав участников системы, необходимо также учитывать интересы всех, находить компромиссные варианты решений, позволяющие получить ожидаемую прибыль. Анализировать текущую ситуацию, прогнозировать будущую позволяют методы теории логистики. Подходы, составляющие методологическую базу логистики, обладают достаточным набором методов и методик, что дает возможность достигать главных целей в исследовании логистических систем, провести их оценку и обеспечить ее эффективное функционирование (таблица).

Таблица. – Примерный перечень моделей и методов теории логистики

Методология	Методы
1. Системный подход	1.1 анализа/синтеза систем 1.2 кластерный анализ 1.3 «дерево целей»
2. Кибернетический подход	1.4 математического программирования 1.5 «черный ящик» 1.6 сетевого планирования и управления 1.7 модель программно-целевого управления
3. Исследование операций	1.8 экономико-математического моделирования 1.9 теория игр 1.10 функционально-стоимостной анализ 1.11 имитационного моделирования 1.12 теории массового обслуживания
4. Прогнозистика	1.13 интуитивные методы прогнозирования 1.14 исторической аналогии 1.15 морфологический анализ 1.16 фактографический 1.17 формализованные методы прогнозирования

Примечание – источник – разработка автора.

Представленный в таблице перечень методов не является полным, к тому же часть методов с успехом может быть использована той или иной составляющей методологии логистики. Обоснованное использование рассмотренных методологических подходов предполагает определение основных этапов практических действий по разработке и созданию логистических систем с учетом реальной ситуации. Моделирование процедур управления с помощью расчета эффективности систем логистики позволяет не только наращивать потенциал, но и прогнозировать будущую деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Логистика и управление цепями поставок. Теория и практика. Основы логистики : учебник / Б. А. Аникин [и др.] ; под ред. Б. А. Аникина и Т. А. Родкиной. – М. : Проспект, 2013. – 344 с.
2. Яшин, А. А. Логистика. Основы планирования и оценки эффективности логистических систем : учеб. пособие / А. А. Яшин, М. Л. Ряшко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 52 с.
3. Уваров, С. А. Логистика: общая концепция, теория, практика : монография / С. А. Уваров. – СПб. : ИНВЕСНП, 1996. – 232 с.
4. Сергеев, В. И. Логистическая окружающая среда / В. И. Сергеев // Рынок и строительство : учен. зап. Ин-та экономики и управления. – Ростов н/Д : Ростов. гос. строит. ун-т, 1997. – Вып. 1. – С. 96–98.
5. Сергеев, В. И. Логистический подход к созданию организованного товарного рынка для обеспечения предприятий автомобильного транспорта / В. И. Сергеев // Автомобильный транспорт в условиях рыночных отношений : сб. науч. тр. – СПб. : Санкт-Петербург. гос. инженер.-экон. акад., 1995. – С. 35–39.
6. Миротин, Л. Б. Логистика интегрированных цепочек поставок / Л. Б. Миротин, А. Г. Некрасов. – М. : Экзамен, 2003. – 256 с.
7. Miranbeigi, M. Supply Chain Management Systems Advanced Control: MPC on SCM / M. Miranbeigi, A. Jalali // Supply Chain, Theory and Applications. – 2008. – № 4. – Р. 18–28.
8. Логистика и управление цепями поставок : учебник / В. В. Щербаков [и др.] ; под ред. В. В. Щербакова. – М. : Юрайт, 2017. – 582 с.
9. Зиневич, А. С. Принципы развития транзитной привлекательности национальной логистической системы в Республике Беларусь / А. С. Зиневич // Логистические системы и процессы в условиях экономической нестабильности : материалы III Междунар. заоч. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 нояб. 2015 г. – Минск : Белорус. гос. аграр. техн. ун-т, 2015. – С. 148–162.
10. Парfenov, A. B. Методология развития логистических межсистемных образований в реформируемой экономике : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / А. В. Парfenов ; Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. – СПб., 2001. – 34 с.
11. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 2-е изд., испр. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 479 с.
12. Геронимус, Б. Л. Экономико-математические методы в планировании на автомобильном транспорте / Б. Л. Геронимус. – М. : Транспорт, 1988. – 192 с.
13. Кожин, А. П. Математические методы в планировании и управлении грузовыми автомобильными перевозками / А. П. Кожин, В. П. Мезенцев. – М. : Транспорт, 1994. – 304 с.
14. Скоков, Р. Ю. Этика эффективности на рынках аддитивных товаров / Р. Ю. Скоков // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 3, Экономика. Экология. – 2012. – № 1 (20). – С. 179–186.

15. Федоров, Л. С. Максимальный эффект при минимуме затрат. Логистическая стратегия управления материальными ресурсами в странах с развитой рыночной экономикой / Л. С. Федоров // РИСК : аналит. журн. – 1994. – № 1–2. – С. 76–80.
16. Хотяшева, О. М. Инновационный менеджмент / О. М. Хотяшева, М. А. Слесарев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – 326 с.
17. Симонов, С. В. Современные подходы к оценке эффективности функционирования акционерных промышленных организаций / С. В. Симонов, О. Е. Рязанова // Вестн. Моск. гос. област. ун-та. Сер. «Экономика». – 2009. – № 2. – С. 63–67.
18. Pfohl, H.-Ch. Logistiksysteme: betriebswirtschaftliche Grundlage / H.-Ch. Pfohl. – Berlin ; Heidelberg ; New York ; Paris ; Tokyo ; Hong Kong ; Barselona : Springer, 1990. – 232 p.
19. Сухарев, О. С. Теория эффективности экономики : монография / О. С. Сухарев. – М. : КУРС : ИНФРА-М, 2014. – 368 с.
20. Экономика, организация и планирование материально-технического снабжения и сбыта / Н. Д. Фасоляк [и др.] ; под ред. Н. Д. Фасоляка. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : Экономика, 1980. – 368 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.02.2018

Kugan S.F. The Analysis of Research Methodology and Practice of Logistics System Effectiveness

The effectiveness of the functioning of the logistics system is possible only under the condition of mutual interest of all participants of the logistics chain. As practice shows, the introduction of logistics tools or the construction of a system of this type is aimed at increasing the efficiency of the company's implementing activities. As a rule, there are more than one company in the logistics chain, so the application of mathematical quantitative methods and models of operations research to justify decision making makes it possible to choose the right alternative from the set of solutions in question, which best meet the goals of all participants in the system. The approaches considered within the framework of the article that make up the logistics methodological base have a sufficient set of methods and techniques allowing to realize the main objectives of the theoretical study of logistics systems, their evaluation and ensuring the further effective functioning.

УДК 336.221

Н.Г. Ком

*магистр экон. наук, ст. преподаватель каф. бухгалтерского учета, анализа и аудита
Брестского государственного технического университета
e-mail: kotofeika1981@mail.ru*

**МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРИОДА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СУБЪЕКТОВ МАЛОГО БИЗНЕСА**

Статья посвящена обоснованию необходимости расчета финансового потенциала субъектов малого бизнеса как основополагающего показателя для определения периода его функционирования в будущем. Даны характеристика финансового потенциала предприятия как выражение его экономического потенциала. Представлен алгоритм расчета периода достижения уровня интегрально-регулирующего показателя развития предприятия и периода стабильного сохранения финансового потенциала. Обоснована идея взаимосвязи показателей, характеризующих период достижения уровня интегрально-регулирующего показателя развития предприятия и период стабильного сохранения финансового потенциала, с будущим развитием субъекта малого бизнеса.

Введение

В условиях рыночной экономики устойчивое социально-экономическое развитие страны напрямую зависит от уровня развития малого предпринимательства. Данный сегмент рынка характеризуется достаточной мобильностью, более легкой адаптацией к часто изменяющимся условиям рынка, в силу чего малый бизнес является основой для успешного экономического роста. Развитие малого предпринимательства – один из национальных приоритетов Республики Беларусь. Большое внимание развитию малого бизнеса уделяется как при подготовке региональных и национальных программ развития, так и при создании международных концепций. Согласно докладу «The Global Competitiveness Report 2016–2017» Всемирного экономического форума функционирование субъектов малого бизнеса происходит во время роста неравенства доходов, социального и политического напряжения, а также общего чувства неопределенности по поводу будущего [1]. В таких сложных условиях набирает ход четвертая промышленная революция, в контексте которой среди многочисленных факторов можно выделить такой, как ориентация на будущее – время достижения поставленных целей, время стабильного функционирования. Время – это критически важный ресурс для обновления субъектов малого бизнеса. Его дефицит является одним из рисков для предпринимателей страны в настоящее время.

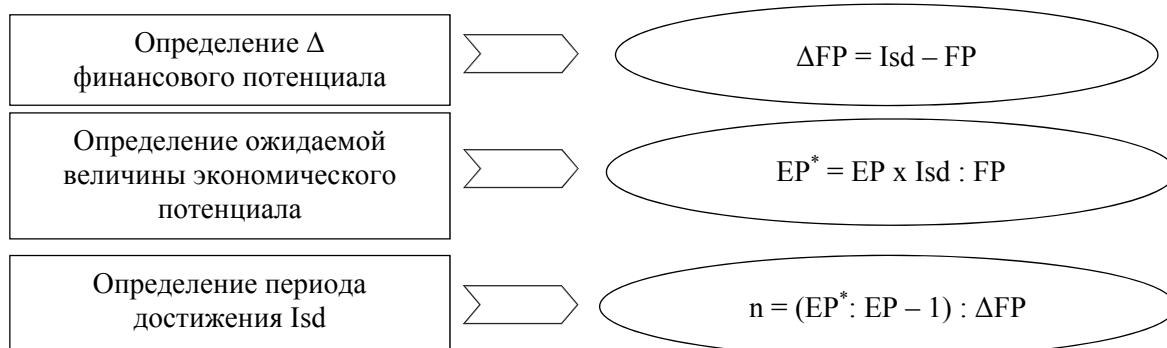
Для решения проблемы, связанной с определением периода будущего функционирования предприятия, предлагается исходить из уровня его финансового потенциала путем расчета периода достижения уровня интегрально-регулирующего показателя развития предприятия и периода стабильного сохранения финансового потенциала.

Финансовый потенциал является выражением экономического потенциала предприятия, имеющего стоимостную оценку. Финансовый потенциал имеет возможность своего дальнейшего развития, которое может быть двухнаправленным: в сторону роста и в сторону снижения. Финансовый потенциал выполняет своего рода системную функцию, которая заключается в агрегировании как доступной для всех, так и скрытой информации, известной только одному предпринимателю. При этом посредством финансового потенциала происходит определение скрытой предпринимательской возможности на основании общедоступной информации, представленной в отчетности. Финансовый потенциал позволяет рассмотреть предприятие как целостную систему: используемый в расчетах уровень экономического потенциала подчиняется законам максимизации экономического роста, а уровень финансового потенциала – системе предельных

величин. Именно финансовый потенциал позволяет определить максимально допустимый, предельный уровень скрытой предпринимательской возможности предприятия на основе временных функций прошлого, настоящего и будущего состояния хозяйствующего субъекта. Финансовый потенциал служит платформой, на которой вырастает последовательность скрытых управленческих действий и решений, и тем самым создается динамический потенциал кругооборота в целом [2]. Часть компонентов экономического потенциала отображается в составе финансового потенциала в виде скрытых возможностей, которые при определенном уровне накопления, совершив кругооборот, увеличат экономический потенциал.

Финансовый потенциал является относительным выражением сложившегося уровня экономического потенциала предприятия как динамически развивающейся системы. Финансовый потенциал характеризует величину финансовых возможностей предприятия, которые, совершив кругооборот, способствуют увеличению экономического потенциала хозяйствующего субъекта [3]. Для определения уровня и направления дальнейшего развития деятельности предприятия следует использовать интегрально-регулирующий показатель развития предприятия посредством уравнения регрессии, отражающего зависимость финансового потенциала от производительности труда, среднегодового уровня заработной платы, фондоотдачи и затратоотдачи [4]. Регрессионная модель, а также фактические значения накопительных параметров позволяют спрогнозировать предельное приращение финансового потенциала, т.е. направление дальнейшего развития, которое с учетом научной диалектики может быть как положительное – в сторону роста, так и отрицательное – в сторону сворачивания деятельности (ΔFP). В случае получения положительной величины на предприятии имеется потенциал развития, в противном случае руководству следует предпринять серьезные меры к инволюции или диверсификации деятельности существующего субъекта хозяйствования.

Важным остается вопрос, касающийся периода достижения уровня интегрально-регулирующего показателя развития предприятия. Для его решения предлагается следующий алгоритм (рисунок 1):

Рисунок 1. – Алгоритм определения периода достижения уровня интегрально-регулирующего показателя развития предприятия

Примечание – источник – собственная разработка.

1. Определение Δ уровня финансового потенциала, представляющего разницу между рассчитанным уровнем интегрально-регулирующего показателя развития предприятия, характеризующего направления и возможность дальнейшего развития, и уровнем показателя финансового потенциала, характеризующего соответствие эффективности экономического потенциала в динамическом развитии:

$$\Delta FP = Isd - FP, \quad (1)$$

где ΔFP – направление дальнейшего развития финансовых возможностей; Isd – интегрально-регулирующий показатель развития; FP – финансовый потенциал.

2. Определение ожидаемой величины экономического потенциала при использовании и достижении уровня интегрально-регулирующего показателя развития предприятия:

$$EP^* = EP \times Isd : FP, \quad (2)$$

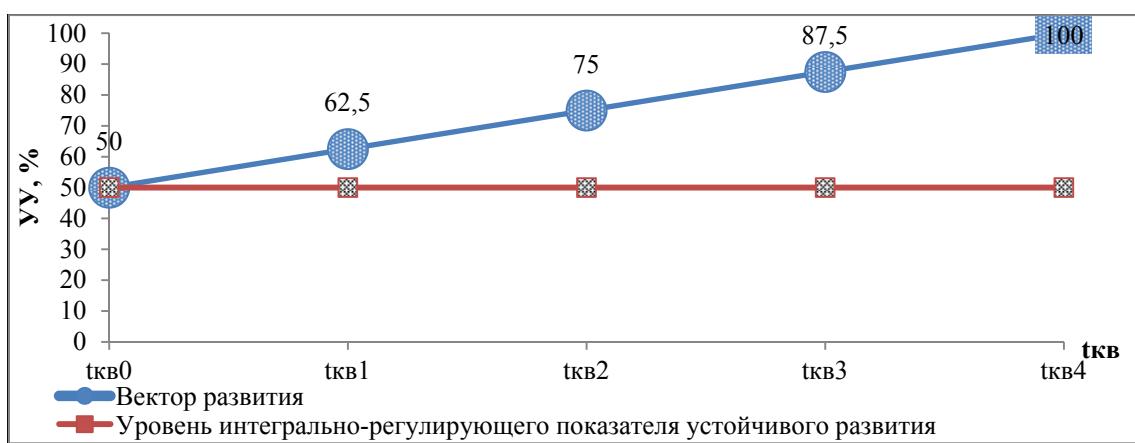
где EP^* – ожидаемая величина экономического потенциала; EP – фактический уровень экономического потенциала; Isd – интегрально-регулирующий показатель развития; FP – финансовый потенциал.

3. Определение периода достижения уровня интегрально-регулирующего показателя развития предприятия:

$$n = (EP^* : EP - 1) : \Delta FP, \quad (3)$$

где n – период достижения уровня интегрально-регулирующего показателя развития предприятия; EP^* – ожидаемая величина экономического потенциала; EP – фактический уровень экономического потенциала; ΔFP – направление дальнейшего развития финансовых возможностей.

На рисунке 2 представлен график стабилизации уровня интегрально-регулирующего показателя развития предприятия (или определение поинтервального приращения вектора развития финансового потенциала за интервал времени, равный t годам).

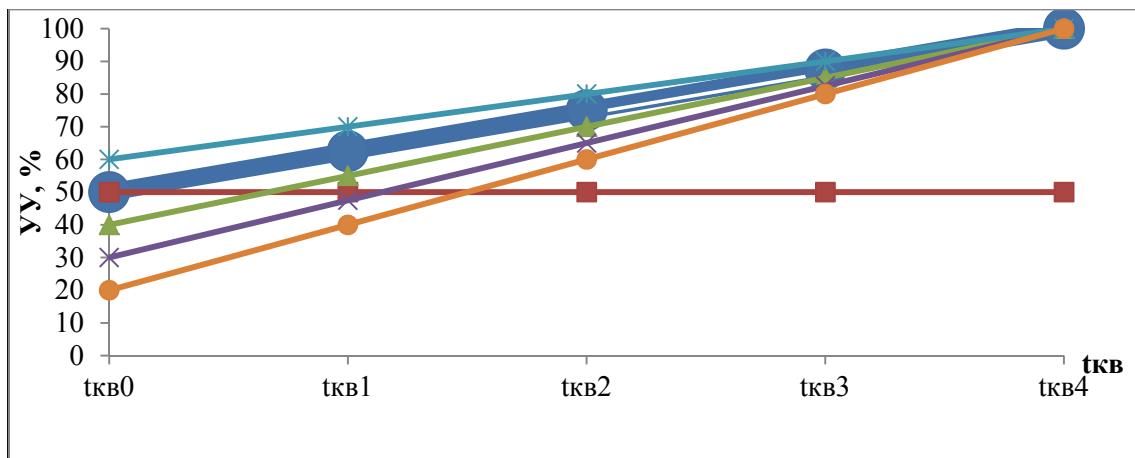

Рисунок 2. – График стабилизации уровня интегрально-регулирующего показателя развития предприятия

Примечание – источник – собственная разработка на основании [5].

На рисунке 2 используется шаг квантования, равный k месяцам, и число интервалов (t_{kb}), равное 4. В конце 4 t_{kb} уровень экономического потенциала должен достичь точки, равной 100 %. Начальное значение уровня финансового потенциала означает стартовую точку в процессе управления предприятием. Чем ниже стартовый уровень финансового потенциала, тем будет труднее и значительно больше потребуется действий для стабилизации процессов управления и выхода в зону 100 %.

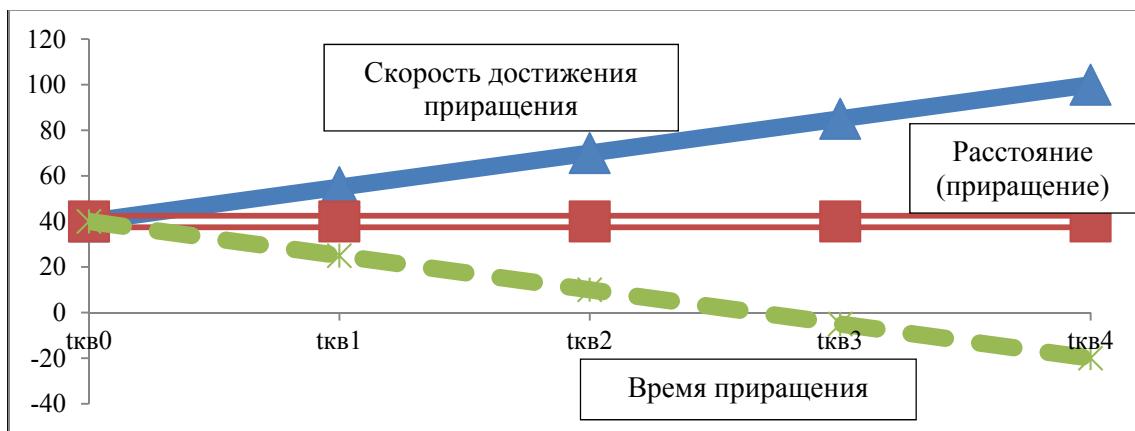
По нашему мнению, финансовый потенциал предприятия способствует накоплению и увеличению экономического потенциала посредством совершения кругооборота, а экономический потенциал предприятия определяется на основании накопительных параметров в результате нейтрализации критериев. Поэтому время, необходимое для стабилизации финансового потенциала, идентично времени, требуемому для стабилизации всех рассмотренных ранее накопительных параметров (рисунок 3).

Рисунок 3. – График стабилизации уровней накопительных параметров предприятием

Примечание – источник – собственная разработка на основании [6].

Внутри каждого периода $\Delta t_{\text{кв}}$, равного 6 месяцам, потребуется определить разрыв между текущим состоянием параметра и необходимым в запланированном диапазоне времени (интервал – 1 месяц, 1 неделя). Представленный алгоритм позволит определить срок достижения уровня интегрально-регулирующего показателя развития. Однако немаловажным остается вопрос периода стабильного сохранения финансового потенциала предприятия. Если спроектировать значение уровня интегрально-регулирующего показателя развития предприятия (I_{sd}) и траекторию развития данного показателя (вектор развития), то получим прямоугольный треугольник, в котором близлежащий катет идентифицирует время, в течение которого будет происходить стабильное развитие предприятия, противоположный катет – разрыв между текущим и необходимым уровнем финансового потенциала, возможности и направления развития, т.е. расстояние, следовательно, гипотенуза – это скорость достижения необходимого уровня финансового потенциала (рисунок 4).

Рисунок 4. – Взаимосвязь между финансовым потенциалом и интегрально-регулирующим показателем развития предприятия

Примечание – источник – собственная разработка.

Для расчета периода стабильного сохранения финансового потенциала предприятия при эффективном управлении, своевременном реагировании на внешние угрозы предлагается использовать следующий алгоритм:

- Перевести уровень интегрально-регулирующего показателя развития (I_{sd}) из процентов в градусы, которые являются градусной мерой угла дальнейшего развития:
  - Если $I_{\text{sd}} > FP$, то $I_{\text{sd}} : 1,7$.

- 1.2. Если $I_{sd} < FP$, то $(I_{sd} + FP) : 1,7$.
2. Определить тангенс найденного угла в градусах.
3. Найти период стабильного сохранения финансового потенциала предприятия:

$$t_{stab.} = I_{sd} : \operatorname{tg} \theta_0 \quad (4)$$

где $t_{stab.}$ – период стабильного сохранения финансового потенциала предприятия; I_{sd} – интегрально-регулирующий показатель развития предприятия; $\operatorname{tg} \theta_0$ – тангенс угла.

Заключение

На основании положений теории экономического анализа, теорий измерения управляемости хозяйственной деятельностью организации, менеджмента качества, математических моделей и методов в экономике можно представить следующую методику определения периода достижения уровня развития предприятия.

1. Определяются исходные компоненты экономического потенциала, в качестве которых выступают накопительные параметры.
2. Посредством нейтрализации критериев показатели накопительного характера сводятся в интегрально-регулирующий показатель развития организации, которому соответствует среднее значение уровня управляемости в текущий момент времени.
3. Уровень финансового потенциала трансформируется из интегрально-регулирующего показателя развития организации.
4. На основании графического анализа стабилизации уровня финансового потенциала и уровней накопительных параметров организацией определяется вектор силы развития отдельно взятого накопительного параметра.

Владея информацией относительно уровня финансовых возможностей, предприниматель сможет определить не только период достижения уровня своего развития, но и определить период стабильного сохранения финансового потенциала предприятия, тем самым определить будущее функционирование субъекта малого бизнеса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Global Competitiveness Report 2016–2017 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.Weforum.org/>. – Date of access: 03.01.2018.
2. Кот, Н. Г. Финансовый потенциал при осуществлении предпринимательской возможности / Н. Г. Кот // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 6. – С. 67–71.
3. Кот, Н. Г. Финансовый потенциал как целевой параметр инвестирования / Н. Г. Кот // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. – 2017. – № 3. – С. 90–94.
4. Кот, Н. Г. Устойчивое функционирование предприятия в условиях конкуренции / Н. Г. Кот // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 13. – С. 19–23.
5. Высоцкий, О. А. Прозрачное управление в системе обеспечения устойчивого развития предприятия / О. А. Высоцкий. – Минск : Право и экономика, 2014. – 54 с.
6. Процессы управления микроэкономическими системами / О. А. Высоцкий [и др.] ; под науч. ред. В. Ф. Медведева. – Минск : Право и экономика, 2005. – 259 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.02.2018

Kot N.G. The Method to Determine the Period of Functioning of Subjects of Small Business

The article is devoted to substantiation of the necessity of calculating the financial potential of small business entities, as a fundamental indicator to determine the period of its functioning in the future. The characteristics of the financial potential of the enterprise, as an expression of its economic potential are given. The algorithm of calculation of the achievement period of the level of integral-regulatory indicator of the development of the enterprise and the period of stable preservation of financial capacity is represented. The idea of the relationship of the indicators characterizing the period of achievement level of the integral-regulatory rate of the enterprise development and the period of stable preservation of the financial potential of future development of the subject of small business is substantiated.

УДК 339.13.017

C.П. Романович

*аспирант первого года обучения каф. экономики торговли и услуг
Белорусского государственного экономического университета
e-mail: ptaschkas@mail.ru*

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Проведен анализ территориальной структуры потребительского рынка, и на его основе реализован методический подход к классификации и группировке региональных потребительских рынков административно-территориальных районов Брестской области, обеспечивающий максимизацию использования внутренних резервов экономического роста в средне- и долгосрочной перспективе, что соответствует стратегической цели региональной политики. Показано прикладное значение такого подхода; на основе совмещения проведенных классификаций построена матрица позиционирования районов по социально-экономическим условиям и условиям инфраструктуры потребительского рынка региона.

Введение

Потребительский рынок играет важную роль в решении социальных проблем, обеспечивая создание дополнительных рабочих мест, рост занятости экономически активного населения и повышение благосостояния нации [9, с. 436]. В связи с этим потребительский рынок можно назвать своеобразным социальным индикатором. Развитие потребительского рынка в целом зависит от состояния региональных потребительских рынков. Региональные интересы и устремления людей, проживающих на определенных территориях, должны непременно учитываться для улучшения социальных условий согласно концепции устойчивого развития на местном уровне.

Приоритеты государственной политики по обеспечению устойчивого социально-экономического развития определены Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. В соответствии с данным документом стратегической целью региональной политики является комплексное развитие каждого региона и уменьшение существующих региональных различий с учетом эффективного использования его ресурсного потенциала и конкурентных преимуществ в интересах обеспечения высоких стандартов жизни населения, сохранения природы и позитивного вклада регионов в национальную конкурентоспособность и безопасность [5, с. 115].

Таким образом, в современных социально-экономических условиях особую актуальность имеют вопросы стратегического планирования потребительских рынков регионов, обеспечивающего максимизацию использования внутренних резервов экономического роста в средне- и долгосрочной перспективе. В связи с этим определенный научный интерес приобретают и вопросы структурирования внутренних рынков, самым емким из которых является потребительский.

Вопросам развития и функционирования потребительского рынка страны и региона посвящали свои исследования ряд отечественных и зарубежных авторов: В.С. Антонюк, Л.Я. Баранова, И.В. Данилова, Е.Б. Дворядкина, У. Изард, А.И. Левин, И.М. Микулич, Н.П. Пасешник, Г.В. Ридевский, Н. С. Шелег и др.

Научный руководитель – Н.С. Шелег, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики торговли и услуг Белорусского государственного экономического университета

Анализ экономической литературы, посвященной проблемам развития потребительских рынков, показал разнообразные подходы и большое количество используемых признаков классификации. К ним относятся: объектный подход, который разграничивает рынок по объемам, типу потребительских товаров, товарному составу благ; субъектный подход, который выделяет потребительские рынки по основным участникам товарообменных операций; инфраструктурный подход, при котором внимание акцентируется на организации процесса торговли (организованный, неорганизованный); по уровню локализации выделяют межрегиональные, региональные и местные рынки.

Несмотря на разнообразные подходы и большое количество классификационных признаков, существует неоднозначность в понимании внутренних характеристик этих рынков, что снижает качество и результативность проводимых исследований. В частности, региональные и локальные рынки, представляющие собой части внутреннего рынка страны и выделяемые по территориальному признаку, не имеют четкого определения, которое раскрывало бы пространственные границы рынков. К настоящему времени авторы исходят из целей и задач своих исследований, что предполагает различие изучаемых аспектов данного вопроса.

Решение вопросов классификации и группировки внутренних рынков способствует развитию и совершенствованию стратегического планирования социально-экономических систем. В этом контексте целью исследования является проведение такой группировки потребительского рынка, которая бы способствовала приданию необходимого стратегического вектора развития исследуемому потребительскому рынку.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) провести анализ работ, посвященных классификации потребительского рынка по территориальному признаку;
- 2) определить структуру потребительского рынка Республики Беларусь в рамках проводимого исследования;
- 3) классифицировать и группировать региональные потребительские рынки районов Брестской области с помощью подхода, отвечающего современной тенденции увеличения количества учитываемых факторов;
- 4) построить матрицу позиционирования районов по социально-экономическим условиям и условиям инфраструктуры потребительского рынка региона.

Анализ исследований, посвященных классификации потребительского рынка по территориальному признаку

Среди наиболее интересных работ, посвященных вопросам классификации потребительского рынка по территориальному признаку, рассмотрим те, которые имеют большое теоретическое значение в разработке методического аппарата исследования тенденций его формирования и развития на региональном и локальном уровнях.

У. Изардом предложена следующая классификация товаров и рынков:

- 1) национальные (необходимые для всей рыночной системы товары, производство и потребление которых балансируется внутри страны в целом);
- 2) региональные (товары, производство и потребление которых уравновешивается по стране в целом и в пределах метрополитенского ареала);
- 3) субрегиональные (товары, производство и потребление которых уравновешиваются внутри каждого субъекта региона, входящего в состав метрополиенского ареала);
- 4) местные (товары, производство и потребление которых уравновешивается в пределах каждого микрорайона, а также в пределах любого другого субрегиона) [4, с. 102].

Л.Я. Баранова, А.И. Левин, структурируя внутренний рынок по территориальному признаку, выделяют три вида рынков: совокупный национальный, региональный и локальный. Под совокупным национальным рынком понимается весь внутренний ры-

нок данной страны, ограниченный рамками ее государственных границ. Региональный рынок – это рынок отдельного территориального подразделения. Локальный рынок – рынок какой-либо местности, включающей некоторую совокупность населенных пунктов [2, с. 224]. Авторы отмечают, что понятие «локальный рынок» употребимо в основном по отношению к рынку товаров народного потребления и платных услуг. «Региональные и локальные рынки в отличие от совокупного национального не имеют строго очерченных границ, тесно связаны между собой. Эта связь проявляется, например, в том, что продукция, производимая в одном территориальном подразделении (области, крае, республике), может быть реализована и за его пределами (т.е. в других областях, краях, республиках), так же как население одного региона или местности может приобретать товары в других республиках, областях, городах, местностях» [2, с. 225].

Очевидно, что региональный рынок является частью национального потребительского рынка. В определении авторы ограничивают этот рынок территориальным подразделением. Применительно к потребительскому рынку Республики Беларусь региональными рынками являются потребительские рынки областей, районов. Однако авторы дополняют определение и регионального, и локального потребительских рынков как не имеющих строго очерченных границ.

Анализ научной литературы показал, что более разработанным и устоявшимся по сравнению с понятием «локальный потребительский рынок» является понятие «региональный потребительский рынок».

Е.Б. Дворядкина предлагает следующее определение понятия «локальный потребительский рынок»: это система экономических отношений, возникающих между продавцами и покупателями товаров и услуг, предназначенных для личного потребления, свойственная определенной территории (городу, городскому району, городу с окружением, сельскому поселению) [3 с. 101]. Автор считает, что локальному потребительскому рынку характерны определенные границы, но эти границы подвижны. В данном случае локальным рынком можно называть потребительский рынок определенной территории. В соответствии с определением, предложенным Е.Б. Дворядкиной, можно сделать вывод, что локальные потребительские рынки имеют разный масштаб. Например, городская инфраструктура потребительского рынка создает более широкие возможности удовлетворения потребительских предпочтений населения по сравнению с сельской инфраструктурой.

Потребительские рынки Республики Беларусь исследовал Г.В. Ридевский. Он рассматривал рынки «как пространственные системы, связанные с расселением населения, так как люди – конкретные потребители товаров и услуг и именно их расселение обуславливает существующие территориальные системы организации потребительских рынков» [8, с. 263].

Классификация региональных потребительских рынков по системе расселения населения может структурировать самоорганизующиеся региональные потребительские рынки, которые формируются и соответствуют исторически сложившимся системам расселения населения, однако она не отражает всех социально-экономических условий территорий и вовсе не учитывает созданных условий инфраструктуры потребительского рынка.

В соответствии с данным признаком потребительский рынок Беларуси состоит из 15 региональных потребительских рынков: Брестского, Барановичского, Пинского, Витебского, Оршанского, Полоцкого, Гомельского, Мозырского, Гродненского, Лидского, Минского, Солигорского, Могилевского, Бобруйского, Кричевского. Каждый из этих рынков включает соответствующие им города и районы. Например, на территории Брестской области функционируют 3 региональных потребительских рынка с соответствующими им территориями (таблица 1).

Таблица 1. – Состав территории региональных потребительских рынков Брестской области по классификации Г. Ридевского

Региональный потребительский рынок	Города и районы
Брестский	г. Брест, Брестский, Каменецкий, Кобринский, Ивановский, Пружанский, Березовский, Жабинковский
Барановичский	г. Барановичи, Барановичский, Клецкий, Кореличский, Слонимский, Ганцевичский, Ляховичский, Несвижский, Ивацевичский
Пинский	г. Пинск, Пинский, Дрогичинский, Лунинецкий, Столинский

Из таблицы видно, что потребительские рынки Брестской области включают некоторые районы Минской и Гродненской областей.

Структура потребительского рынка Республики Беларусь

Учитывая вышеизложенное и то, что государственная статистика в Республике Беларусь, характеризующая развитие потребительских рынков, представлена в разделе страны в целом, областей Беларуси и г. Минска, административно-территориальных районов и городов областного подчинения, предлагаем структуру потребительского рынка Республики Беларусь по территориальному признаку.

В соответствии со структурой рынка Л.Я. Барановой, А.И. Левина применительно к Республике Беларусь региональными потребительскими рынками могут быть потребительские рынки областей и районов. По определению, данному Н.В. Новиковой, локальным потребительским рынком может являться рынок определенной территории (города, городского района, сельского поселения и т.д.). Необходимо учитывать, что региональный рынок района состоит из локальных рынков поселений данного района. Более наглядно структура потребительского рынка Республики Беларусь представлена на рисунке. Очевидно, что характеристики данных рынков существенно отличаются. В своих исследованиях В.С. Антонюк, И.В. Данилова, Н.П. Пасешник видят причину отличия территориальных потребительских рынков в «зависимости параметров рынков от уровня территориальной децентрализации, которые создают отличия по насыщенности, структуре, дифференцированности объекта торговли» [1, с. 238]. Территориальная децентрализация потребительских рынков обязывает применять различные методические подходы к их типологии.

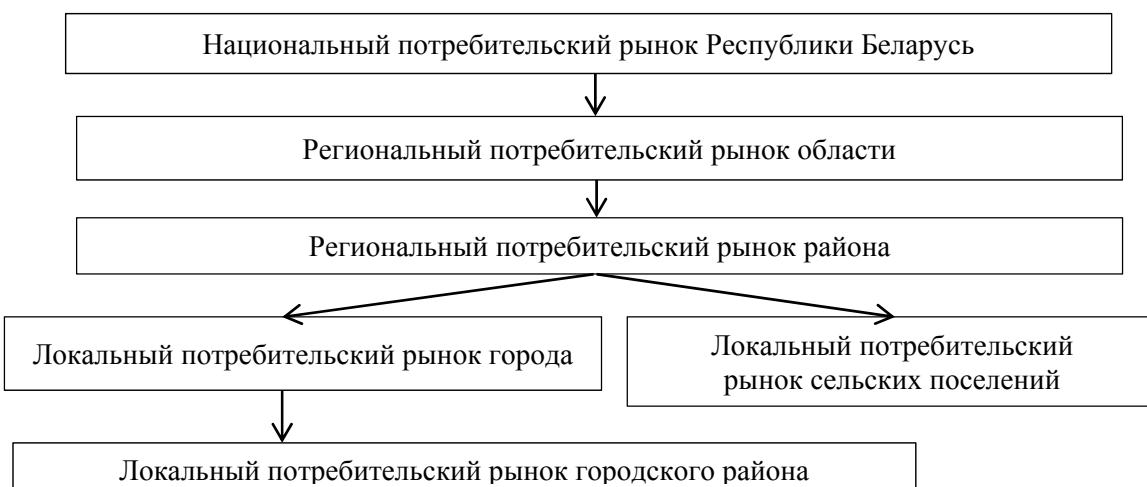

Рисунок. – Структура потребительского рынка Республики Беларусь

Классификация и группировка региональных потребительских рынков районов Брестской области

Проведем классификацию и группировку региональных потребительских рынков районов Брестской области, используя подход, учитывающий современную тенденцию увеличения количества факторов, определяющих комплексные границы выделяемых зон. Для этого классифицируем региональные потребительские рынки районов Брестской области по социально-экономическим условиям и условиям региональной инфраструктуры этих потребительских рынков. Это даст возможность определить стратегический вектор развития потребительского рынка и обеспечить максимизацию использования внутренних резервов экономического роста в средне- и долгосрочной перспективе. Социально-экономические условия, влияющие на функционирование потребительских рынков и уровень их развития, определяют показатели уровня жизни населения, социально-демографических процессов, трудовых ресурсов.

Классификация административных районов Брестской области была проведена по этим признакам и инфраструктурному обустройству товаропотоков с помощью кластерного анализа в пакете IBM SPSS Statistics 22 по методу k-средних. Для этого использованы показатели отчетных статистических материалов административно-территориальных районов Брестской области. Объектом классификации стали потребительские рынки 16 административных районов Брестской области (за исключением городов Брест, Барановичи, Пинск). Классификация административных районов по социально-экономическим характеристиками и по отраслевым условиям проводилась по показателям 2015 г. (таблица 2).

Таблица 2. – Показатели классификации региональных потребительских рынков районов Брестской области

Классификационный признак	Показатели районных потребительских рынков Брестской области
<i>Социально-экономические условия районных потребительских рынков</i>	
Уровень жизни населения	X1 – номинальная начисленная среднемесячная заработка плата работников, руб. X2 – численность занятого населения (в среднем за год)
Социально-демографические и миграционные процессы	X3 – численность населения (на конец года) X4 – территория, км ²
<i>Условия инфраструктуры районных потребительских рынков</i>	
Инфраструктурное обустройство товаропотоков	X5 – количество объектов розничной торговли, ед. X6 – торговая площадь магазинов на 10 000 человек, м ² X7 – Число мест в объектах общественного питания на 10 000 человек, ед.

В результате проведенной кластеризации было сформировано по четыре кластера в каждой из двух групп показателей (по социально-экономическим характеристиками и по отраслевым условиям). Каждый кластер состоит из районов с близкими по значению соответствующими классификационными показателями (таблица 2).

В таблице 3 представлен розничный товарооборот на душу населения по районам и средний розничный товарооборот на душу населения по кластерам. Показатель розничного товарооборота на душу населения использовался при переходе от кластеров 1, 2, 3, 4 к группам. Классификация административных районов на группы и по первому, и по второму признаку основывалась на расчете показателей, раскрывающих количественно каждый классификационный признак. Результаты проведенного кластерного анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Классификация административно-территориальных районов Брестской области по кластерам и группам (по социально-экономическим условиям и по условиям инфраструктуры региональных потребительских рынков)

Кластеризация по социально-экономическим условиям			Кластеризация с учетом местной инфраструктуры районных потребительских рынков		
Кластер	Район	Среднедушевой розничный товарооборот по району, тыс. руб.	Кластер	Район	Среднедушевой розничный товарооборот по району, тыс. руб.
1	Березовский	250 57,6	1	Барановичский	167 72,6
	Лунинецкий	236 17,2		Жабинковский	211 33,6
	Столинский	195 60,9		Каменецкий	182 86,4
	Кобринский	268 11,9		Лунинецкий	236 17,2
	Брестский	146 75,0		Ляховичский	176 13,5
	Дрогичинский	188 89,7		Пинский	127 51,8
3	Ивановский	205 00,3	3	Столинский	195 60,9
	Ивацевичский	230 70,0		Березовский	250 57,6
	Каменецкий	182 86,4		Дрогичинский	188 89,7
	Пинский	127 51,8		Ивановский	205 00,3
	Пружанский	210 56,0		Ивацевичский	230 70,0
	Барановичский	167 72,6		Малоритский	194 19,0
4	Ганцевичский	215 02,9	4	Брестский	146 75,0
	Жабинковский	211 33,6		Ганцевичский	215 02,9
	Ляховичский	176 13,5		Кобринский	268 11,9
	Малоритский	194 19,0		Пружанский	210 56,0

Таким образом, по социально-экономическим условиям сформировано 4 группы административно-территориальных районов. Самый высокий показатель среднего по кластеру розничного товарооборота на душу населения 26 811,9 тыс. руб. принадлежит кластеру 2, который соответствует группе А; чуть ниже этот показатель у кластера 1 и группы Б – 22 745,1 тыс. руб.; средний по кластеру розничный товарооборот на душу населения в размере 19 288,3 тыс. руб. у кластера 4 и группы В; самый низкий размер этого показателя у кластера 3 и группы Г. Аналогично сформированы группы в результате кластеризации по показателям инфраструктуры потребительских рынков районов. Самый высокий показатель среднего по кластеру розничного товарооборота на душу населения у кластера 4 и группы А – 23 123,6 тыс. руб.; ниже этот показатель у кластера 2 и группы Б – 21 387,3 тыс. руб.; еще ниже (18 533,7 тыс. руб.) у кластера 1 и группы В; самый низкий (14 675,0 тыс. руб.) у кластера 3 и группы Г.

Социально-экономические условия и инфраструктура потребительского рынка Брестской области

На основе совмещения проведенных классификаций можно построить матрицу позиционирования районов по социально-экономическим условиям и условиям инфраструктуры потребительского рынка региона, которая позволяет выделить 16 типов территорий (таблица 4).

Таблица 4. – Позиционирование административных районов Брестской области на основе социально-экономических условий и инфраструктуры потребительского рынка

	Социально-экономические условия				
	Группа	Г	В	Б	А
Инфраструктура потребительского рынка (местные условия)	A	Пружанский	Ганцевичский	–	Кобринский
	B	Дрогичинский, Ивановский, Ивацевичский	Малоритский	Березовский	–
	B	Каменецкий, Пинский	Барановичский, Жабинковский, Ляховичский	Лунинецкий, Столинский	–
	G	Брестский	–	–	–

По двум классификационным признакам лучшие показатели имеет Кобринский район, показатели «выше среднего» у Березовского района. В Ганцевичском районе при высоких показателях местных торговых условий (группа А) размер доходов (пенсии и заработка) ниже среднего показателя. Несмотря на низкий показатель социально-экономических условий (группа Г), хорошо развита торговая инфраструктура в Дрогичинском, Ивановском и Ивацевичском районах (группа Б); Пружанский район по последнему показателю относится к группе А. «Выше среднего» торговая инфраструктура в Малоритском районе, а социально-экономические условия «ниже среднего». В соответствии с матрицей позиционирования показатели социально-экономических условий содержат эффективное развитие потребительских рынков названных выше районов. Значительный уровень социально-экономических условий (группа Б) при уровне «ниже среднего» местной торговой инфраструктуры в Лунинецком и Столинском районах позволяют потребительским рынкам находиться в конкурентном состоянии. По обоим классификационным признакам показатели «ниже среднего» (группа В) имеют Барановичский, Жабинковский и Ляховичский районы. Отсюда можно сделать вывод, что низкий размер доходов (пенсии и заработка) не стимулируют бизнес к расширению торговой инфраструктуры в этих районах. Каменецкий и Пинский районы в классификации по местным условиям находятся на уровне «ниже среднего» (группа В), однако по социально-экономическим характеристикам у этих районов низкие показатели. Также низкие показатели, характеризующие и инфраструктурное

обеспечение, и социально-экономические параметры имеет Брестский район. Потребительские рынки данных районов находятся в состоянии упадка.

Заключение

На основании теоретического анализа территориальной структуры потребительского рынка реализован методический подход к классификации и группировке региональных потребительских рынков административно-территориальных районов Брестской области, обеспечивающий максимизацию использования внутренних резервов экономического роста в средне- и долгосрочной перспективе. Прикладное значение данного подхода состоит в том, что на основе совмещения проведенных классификаций построена матрица позиционирования районов по социально-экономическим условиям и условиям инфраструктуры потребительского рынка региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонюк, В. С. Функционирование и развитие территориальных потребительских рынков: теоретические, методические и прикладные аспекты / В. С. Антонюк, И. В. Данилова, Н. П. Пасешник // Экономика региона. – 2013. – № 4. – С. 237–249.
2. Барапова, Л. Я. Потребности, доходы, потребление : экон. слов.-справ. / Л. Я. Барапова, А. И. Левин. – М. : Экономика, 1988. – 351 с.
3. Дворядкина, Е. Б. Локальный потребительский рынок товаров и услуг: теоретические аспекты исследования / Е. Б. Дворядкина // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. – 2011. – № 6 (38). – С. 98–104.
4. Изард, У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / У. Изард. – М. : Прогресс, 1966. – 659 с.
5. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.srrb.-niks.by>. – Дата доступа: 25.07.2017.
6. Регионы Республики Беларусь (т. 1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.-by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/index_6343/. – Дата доступа: 29.07.2017.
7. Регионы Республики Беларусь (т. 2). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.-by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/index_6344/. – Дата доступа: 29.07.2017.
8. Ридевский, Г. В. Закономерности пространственного развития региональных потребительских рынков Беларуси в 1990–2012 гг. / Г. В. Ридевский // Гісторыя гандлю ў Беларусі (ад старажытных часоў да канца XX в.) : матэрыялы I Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 14–16 ліст. 2013 г. – Мінск : Тэхналогія, 2014. – С. 261–273.
9. Шелег, Н. С. Стратегия развития потребительского рынка Беларуси с учетом интеграционных процессов / Н. С. Шелег, И. М. Микулич // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та. – Минск : БГЭУ, 2013. – Вып. 6. – С. 432–440.

Рукапіс паступіў рэдакцыю 04.10.2017

Romanovich S.P. Structuring of the Consumer Market of Brest Region in the Context of Sustainable Development of the Region

In the article the territorial structure of the consumer market is analyzed and on its basis a methodological approach to the classification and grouping of the regional consumer markets of the administrative-territorial districts of the Brest region is implemented, which provides a maximization of utilization of internal reserves of economic growth in the medium and long term that meets the strategic objectives of the regional policy. The practical value of this approach is shown, which is based on the combination of conducted classifications, a matrix of positioning areas on socio-economic and infrastructure conditions of the consumer market of the region is built.

УДК 336.761.1

M.П. Мишкова

магістр экан. наук, ст. преподаватель каф. управления, экономики и финансов,

аспирант второго года обучения каф. управления, экономики и финансов

Брестского государственного технического университета

e-mail: mishkova69@yandex.by

ФИНАНСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК

Проведен обзор существующих подходов к определению «управление в цепях поставок» в части управления финансовыми потоками промышленного предприятия, определен механизм оптимизации дебиторской задолженности посредством применения факторинга. Осуществлена классификация цепей поставок по их видам, уточнена классификация финансовых потоков в цепи поставок по признакам и видам. Рассмотренные пути оптимизации управления финансовыми потоками позволяют организации повысить свою конкурентоспособность. По качеству финансового управления можно судить о вероятности выживания организации в конкурентной борьбе на рынке.

Введение

В современных условиях ведения бизнеса наиболее важными являются вопросы управления промышленным предприятием, связанные с ускорением оборачиваемости краткосрочных активов, находящихся на стадии образования запасов производства путем формирования надежных взаимоотношений с поставщиками как в части материальных, так и финансовых потоков.

Основной проблемой в условиях дефицита денежных средств и высокой стоимости кредитных ресурсов является организация не только бесперебойных поставок, но и расчетов с поставщиками и подрядчиками. Это, в свою очередь, позволит обеспечить ритмичную и бесперебойную работу производства, а также своевременное выполнение договорных условий перед покупателями. В этом случае основным условием непрерывности и высокой скорости оборота капитала является разработка и внедрение эффективного механизма управления финансовыми потоками в цепях поставок. Анализ современного состояния управления цепями поставок позволил установить, что:

- 1) отсутствует единый подход к определению «управление цепями поставок» с учетом современных условий хозяйствования;
- 2) на большинстве предприятий промышленности отсутствует системный подход к организации управления материальными и особенно финансовыми потоками на стадии снабжения, производства и реализации;
- 3) не проработана методология управления финансовыми потоками предприятия в концепции SCM (управление цепями поставок), которая наиболее полно отражает современные интеграционные процессы в промышленности;
- 4) не проработаны вопросы организации взаиморасчетов с поставщиками, подрядчиками, покупателями и заказчиками и интегральной оценки эффективности таких взаиморасчетов.

Целью статьи является обзор существующих подходов к определению «управление в цепях поставок» в части управления финансовыми потоками промышленного предприятия и определение эффективного механизма оптимизации дебиторской задолженности.

В начале XXI в. интегральная парадигма управления породила новую идеологию управления логистическими процессами и бизнесом в целом – Supply Chain Management (SCM) – управление цепями поставок. В результате этого возникла инновационная (интеграционная) парадигма логистики, которая позволила по-новому представить

понятие бизнеса. Так, в контексте инновационной парадигмы отдельные предприятия рассматривают в общем процессе управления различными видами потоков как звенья одной цепи. Такая модель управления позволяет регулировать потоки и оптимально удовлетворять потребности покупателей и поставщиков. В рамках такой концепции внутри одного предприятия существует несколько объектов управления, таких как единый материальный поток между процессами снабжения, производства и реализации и потоки различных видов ресурсов. Связующим потоком между ними, на наш взгляд, является финансовый поток. Таким образом, логистика – инструмент управления текущей, инвестиционной и финансовой деятельностью внутри предприятия, а SCM – это инструмент, включающий несколько субъектов, участвующих во всех потоках материалов, финансов и информации от первичного источника до конечного потребителя.

На наш взгляд, представляет интерес моделирование и анализ финансовых отношений в цепях поставок в системе SCM для промышленного предприятия. Известная концепция SCM предполагает, как правило, выполнение функций планирования, организации и контроля цепей поставок, звеньями которых являются поставщики сырья и материалов, изготовители продукции, посредники и потребители товаров. Д. Ламберт и Дж. Сток так определяют это понятие: «Управление цепями поставок – это интегрирование ключевых бизнес-процессов, начинающихся от конечного пользователя и охватывающих всех поставщиков товаров, услуг и информации, добавляющих ценность для потребителей и других заинтересованных лиц» [1, с. 223]. По их мнению, управление цепями поставок – это управление взаимоотношениями с потребителями, обслуживание потребителей, управление спросом; управление выполнением заказов, обеспечением производственных процессов, снабжением, разработкой новой продукции и доведением ее до коммерческого использования, управление возвратными материальными потоками.

Управление цепями поставок – это современная концепция управления, которая явилась развитием интегрированного подхода к логистике. По нашему мнению, управление цепями поставок – это совокупность управленических решений по обеспечению всех процессов предприятия необходимыми ресурсами в оптимальном объеме. Целями управления цепями поставок являются минимизация общих издержек, достижение максимальной прибыли или минимальных затрат отдельных звеньев и, как следствие, оптимизация финансовых отношений и финансовых потоков.

Рассмотрим понятие «цепь поставок» более детально. Вот как его определяют американские специалисты в области логистики: «Цепь поставок – это три или более экономические единицы (организации или лица), напрямую участвующие во внешних и внутренних потоках продукции, услуг, финансов и/или информации от источника до потребителя» [2, с. 356]. По нашему мнению, цепь поставок – это совокупность попарно связанных звеньев, обеспечивающих доставку товаров от производителя до потребителя и доставку материальных ресурсов, необходимых для производства этих товаров, от поставщика до производителя, между которыми существенными являются не только материальные, но и финансовые и информационные потоки. Звеньями цепи поставок могут быть юридические и физические лица, а также территориально удаленные подразделения юридических лиц.

Сущность цепи поставок может быть проиллюстрирована простым примером. На рисунке представлена однокомпонентная (однопродуктовая) цепь поставок: поставщик поставляет производителю один вид материальных ресурсов через посредника, предприятие-производитель (ФК) доставляет один вид товара до потребителя через посредника. Центральным звеном этой цепи является предприятие – производитель (фокусная компания – предприятие, с позиции которого анализируется цепь поставок), цель которого заключается в увеличении прибыли и сокращении логистических издер-

жек. Фокусной компанией может быть не только производитель товаров, но также посредник. В таком случае цепь упрощается: посредник представляет собой перевалочный пункт на пути движения материального ресурса от поставщика до потребителя. Такие цепи поставок называют расширенными (в отличие от прямой цепи поставок, в которой участвуют три лица: 1) поставщик; 2) предприятие-производитель; 3) потребитель).

На самом деле в экономике существуют и двухзвенные цепи: 1) поставщик сырья (предприятие добывающей отрасли); 2) предприятие-потребитель сырья. Все звенья цепи, за исключением первого звена (первого поставщика) и последнего (конечного потребителя), выступают: 1) в качестве покупателя (получателя) материальных ресурсов; 2) в качестве поставщика (отправителя).

Рисунок. – Схема однокомпонентной (однопродуктовой) цепи поставок

Примечание – источник – собственная разработка на основе [2].

Поскольку цепь поставок трактуется как множество взаимосвязанных элементов, то ее можно рассматривать как логистическую систему, которая, в свою очередь, состоит из систем более низкого уровня (микроуровня) и в то же время является составной частью логистических систем мезо- и макроуровней. Как всякая экономическая система, цепь поставок имеет структуру и обладает рядом характерных свойств: надежность, управляемость, гибкость и адаптивность. Структура системы «цепь поставок» определяется составом звеньев – предпринимателей, предприятий, организаций и их подразделений – и связями между ними. Эффективность цепи поставок во многом зависит от ее надежности.

Описывая основные параметры модели, ориентированной на определенные процессы, определим надежность как «возможность выполнять поставленные задачи, оправдывая ожидания». Мы можем рассматривать надежность цепи поставок как способность выполнять заданные функции в требуемых режимах. *Надежность* цепи поставок позволяет прогнозировать процесс снабжения, производства и последующей реализации продукции, показатели надежности ориентированы, как правило, на конечного потребителя. Надежность цепи поставок связана с такими понятиями, как *устойчивость, гибкость, скорость реакции, жизнестойкость, адаптивность*. Для эффективного функционирования цепи поставок необходимо повышение либо постоянное поддержание ее надежности на должном уровне. Причиной снижения надежности является неопределенность в цепях поставок, которая вызвана отсутствием финансов или их недостатком. Снижение *неопределенности* является важнейшим требованием современного подхода создания интегрированных систем управления цепями поставок. Свойство управляемости цепей поставок характеризует, с одной стороны, их способность адекватно реагировать на управляющие воздействия и, с другой стороны, возможность воздействовать на цепь поставок с целью изменения параметров поставок (номенклатуры, объемов, сроков, пунктов назначения, маршрутов и т.д.). Свойство *гибкости цепи поставок* означает способность быстрой перестройки системы на поставки других товаров, их объемов, на использование другого транспорта, тары и т.д. с целью обеспече-

ния оптимальных объемов и оптимального использования финансовых ресурсов. *Адаптивность системы «цепь поставок»* – это способность приспосабливаться к изменяющимся условиям внешней среды. *Устойчивость и жизнестойкость* цепи поставок являются производными от прочности и стабильности ее структуры, от характера и устойчивости связей между звеньями цепи.

Цепи поставок отличаются большим разнообразием. При решении задач управления цепями поставок следует учитывать, к какой классификационной группе относится интересующая цепь.

В таблице 1 представлена разработанная нами на базе указанных источников классификация цепей поставок по ряду признаков. Большинство группировок являются очевидными. Вопросы могут возникать по поводу классификации по направлению материального и финансового потока относительно фокусной компании и по отношению цепей к внутренней среде предприятия. В обоих случаях внутренние цепи поставок образуют подразделения предприятия. Под внутренней цепью поставок понимаются цепи, образованные бизнес-единицами предприятия.

Таблица 1. – Классификация цепей поставок

Признак классификации	Виды
1. Сложность структуры	а) сложные; б) простые
2. Направление материального и финансового потока относительно фокусной компании	а) входящие; б) внутренние; в) выходящие
3. Разновидность поставляемых ресурсов	а) однокомпонентные; б) многокомпонентные
4. Каналы сбыта	а) прямые; б) косвенные
5. Периоды поставок	а) линейные (постоянные); б) периодические; в) разовые
6. Регулярность поставок	а) регулярные; б) нерегулярные
7. Объемы поставок	а) крупные; б) по партиям; в) на одну партию
8. Локация поставок	а) международные; б) национальные; в) местные
9. Управляемость цепями поставок	а) управляемые; б) частично управляемые; в) неуправляемые
10. Зависимость поставщиков и посредников	а) зависимые; б) независимые
11. Отношение к внутренней среде предприятия	а) внутренние; б) внешние
12. Количество звеньев	а) два; б) три и т.д.
13. Стабильность связей между звеньями	а) стабильные; б) нестабильные
14. Надежность	а) надежные; б) ненадежные
15. Адаптивность	а) адаптивные; б) неадаптивные

Примечание – источник – собственная разработка на основе [3].

В процессе движения различных видов ресурсов в цепях поставок логистические операции и действия представляют собой движение финансовых ресурсов, которое сопутствует движению материальных ресурсов. Например, при отгрузке товаров покупателю генерируется финансовый поток, связанный с осуществлением денежных расчетов между покупателем и продавцом за реализованную продукцию. Движение финансовых ресурсов возникает при расчетах с поставщиками и подрядчиками по приобретению сырья, материалов, комплектующих и оборудования, при расчетах с контрагентами по оплате услуг грузоперевозки, хранения и страхования грузов, при расчетах с кредиторами по привлечению заемных средств и пр. В целом движение финансовых ресурс-

сов осуществляется при выполнении действий между участниками цепи, направленных на возмещение издержек процессов производства, дистрибуции и сбыта, привлечение средств из источников финансирования, возмещение денежных средств за реализованную продукцию и услуги покупателям.

Таким образом, управление цепями поставок – это интегрированный функционал, включающий трех и более субъектов, участвующих в потоках продукции, услуг, финансов и информации от источника до потребителя. Данная концепция требует дополнительной классификации потоков и алгоритмов управления (таблица 2).

Таблица 2. – Классификация финансовых потоков в цепи поставок

Признак	Вид
Место нахождения в цепи	а) функционал «Снабжение»; б) функционал «Сбыт»
Тип цепи поставок	а) режим «вытягивания» финансовых; б) режим «выталкивания» финансовых
Степень интегрированности участников	а) вертикальная интеграция; б) контрактные отношения
Степень согласованности с потоком выше или ниже по цепи	а) синхронизированные; б) автономные

Примечание – источник – собственная разработка на основе [4].

В укрупненном виде финансовые потоки в цепи поставок можно разделить на основные (финансовые потоки внутри цепи, отражающие материальные потоки внутри цепи) и дополнительные (финансовые потоки между звеньями вне сети). Финансовые потоки могут либо запаздывать относительно материальных (отсрочка оплаты поставленных товаров), либо опережать их (предварительная оплата будущей поставки). В первом случае цепь поставок работает по принципу «вытягивания» финансовых (начиная с поставщика начального уровня и заканчивая конечным потребителем), что предполагает наличие кредитных рисков, запасов на складе, быстрой поставки, «мертвления» капитала в дебиторской задолженности. Первичным, т.е. формирующим всю цепь, является материальный поток в виде поставки ресурсов начальным поставщиком. Во втором случае цепь работает по принципу «выталкивания» финансовых (начиная с конечного потребителя и заканчивая начальным поставщиком), что предполагает отсутствие запасов, длинный цикл поставки, экономичный подход к организации производства. «Первичным является финансовый поток в виде предоплаты (полной или частичной) будущей поставки конечным потребителем. Регулирующие потоки – потоки вне цепи, генерируемые инфраструктурой цепи в виде банка и регулирующие отклонения в основных потоках» [4, с. 78].

Характер сложного взаимодействия фокусной компании и банка позволил предположить наличие признаков системного комплекса. В нашем исследовании системный комплекс – это совокупность участников цепи поставок и банка как регулятора отклонений в параметрах средств обращения. Методологической базой его построения является межсистемный подход, позволяющий сгладить объективные противоречия контрагентов в цепи поставок промышленного предприятия и банка как ее инфраструктуры. Элементом данной базы является возможность пополнения оборотного капитала, используя банковский факторинг. Использование факторинга позволяет:

- 1) сократить дебиторскую задолженность и снять проблему неплатежей;
- 2) превратить дебиторскую задолженность в наличные деньги и более экономно использовать собственный капитал;
- 3) минимизировать потери от просрочки платежей и сократить возможности появления безнадежных долгов;

- 4) сделать предсказуемыми финансовые потоки организации;
- 5) ускорить оборачиваемость оборотного капитала;
- 6) относить затраты по факторинговым операциям на себестоимость производимой продукции;
- 7) получать финансирование без оформления залога;
- 8) предоставлять покупателям отсрочку платежа и тем самым повысить конкурентоспособность своей продукции;
- 9) улучшить структуру баланса и финансовые показатели (ликвидность, прибыль и рентабельность).

Указ Президента Республики Беларусь № 471 «О вопросах финансирования под уступку денежного требования (факторинга)» от 23.11.2015 значительно расширил возможность использования факторинга в Республике Беларусь как на внутреннем рынке, так и в международной торговле, что, безусловно, скажется на увеличении объемов факторинга как важного инструмента финансирования экономики. Указ № 471 предусматривает возможность заключения трехсторонних договоров факторинга, применение различных форм вознаграждения фактора. Появилась возможность осуществлять факторинг не только путем финансирования под уступку денежного требования, но также через факторинговые операции. Это позволит осуществлять операции по импортному и реверсивному факторингу.

Наиболее востребован в Беларуси сегодня внутренний факторинг, когда поставщик после отгрузки продукции представляет в банк документы по отгрузке и сразу же получает финансирование в размере 70–90 % от суммы поставки. Остальную сумму банк перечисляет на счет поставщика за минусом комиссионного вознаграждения после оплаты дебитором отгруженной ему продукции. Поскольку затраты на содержание дебиторской задолженности снижают на эту величину прибыль, организация стремится снизить такую задолженность. Снижение и оптимизация дебиторской задолженности весьма актуальна для предприятий Беларуси, так как чем дальше кредитор «тянет» с этим, тем больше его затраты, потери и меньше прибыль. Кроме того, происходит замедление финансовых потоков. Выбирая правильные подходы к решению проблем с дебиторской задолженностью, можно значительно снизить ее и сохранить партнерские отношения с контрагентами.

Заключение

В условиях нарастания интеграционных процессов в экономике объективно наступила необходимость более пристального внимания к управлению финансовыми потоками в рамках концепции «цепи поставок». Это позволит организации целенаправленно влиять на финансовые результаты и хозяйственную устойчивость, повысить ее вероятность выживания в условиях кризиса. Построение системы эффективного управления финансовой деятельностью на основе рассмотрения финансовых отношений в цепях поставок на сегодняшний день относится к числу наиболее важных задач, стоящих перед руководством организаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сток, Д. Р. Стратегическое управление логистикой / Д. Р. Сток, Д. М. Ламберт. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 831 с.
2. Логистика : учебник / В. В. Дыbsкая [и др.] ; под ред. В. И. Сергеева. – М. : Эксмо, 2011. – 944 с.

3. Ковалев, М. Н. Управление межзреховыми поставками в логистической системе предприятия / М. Н. Ковалев // Вестн. Гомел. гос. техн. ун-та им. П. О. Сухого. – 2013. – № 2 (53). – С. 92–100.

4. Бутрин, А. Г. Управление потоковыми процессами в логистической системе предприятия : монография / А. Г. Бутрин. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2008. – 160 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.11.2017

Mishkova M.P. Financial Relationships in Supply Chains

A review of existing approaches to the definition of «management in supply chains» in terms of management of financial flows of industrial enterprises and a mechanism of optimization of receivables through the use of factoring is given. The classification of supply chains according to their types and specified classification of financial flows in the supply chain by signs and types is implemented. The discussed possibilities of optimizing the management of financial flows will allow the organization to increase their competitiveness. The probability of the survival of the organization in the competitive market can be judged by the quality of financial management.

ПРАВА

УДК 342.81

C.А. Цюга

*ст. преподаватель каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: tsyuga_brest@mail.ru*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ УЧАСТНИКОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются понятия «субъект избирательного права», «субъект избирательного правоотношения», «субъект избирательного процесса», «участник избирательного процесса», и проводится их разграничение. Дается авторское определение понятия «субъект избирательного процесса». Затрагивается проблема систематизации участников избирательного процесса в Республике Беларусь, и предлагаются их авторская классификация. Делается вывод о том, что участниками избирательного процесса являются не все субъекты конституционно-правовых отношений, а только те, которые наделены избирательной правосубъектностью, позволяющей им участвовать в формировании органов государственной власти и местного самоуправления.

Введение

Избирательное законодательство Республики Беларусь гарантирует демократический характер проведения выборов в органы государственной власти и местного самоуправления. Избирательный процесс постоянно совершенствуется: изменяются нормы избирательного права, закрепляющие не только количественные, но и качественные характеристики его субъектов, их конституционно-правовой статус. В связи с этим изучение теоретических аспектов понимания и классификации участников избирательного процесса представляется весьма актуальным.

В юридической литературе предпринимались попытки определить круг субъектов избирательного права и процесса, однако по данному вопросу до настоящего времени не наблюдается единства взглядов ученых-юристов. Нет единства мнений как в отношении перечня участников избирательного процесса, так и оснований для их классификации; наблюдается фрагментарность в описании их конституционно-правового статуса.

Цель статьи – исследование имеющихся в науке понятий «субъект избирательного права», «субъект избирательного правоотношения», «субъект избирательного процесса», «участник избирательного процесса» и их разграничение, а также выявление круга субъектов избирательного процесса в Республике Беларусь для их дальнейшей классификации.

Участники избирательного процесса в Республике Беларусь не были предметом самостоятельного научного исследования, до настоящего времени недостаточно изучены теоретические аспекты их понимания и классификации. В юридической литературе встречаются термины «субъект избирательного права», «субъект избирательного правоотношения», «субъект избирательного процесса», «участник избирательного процесса». В данном вопросе нет единства взглядов ученых: одни отождествляют эти понятия, другие, наоборот, выделяют отличительные признаки, разграничивая указанные термины. Так, А.А. Макарцев и Э.С. Юсубов отмечают, что «субъектом избирательного права являются внешне обособленные образования, участвующие в избирательном процессе, способные вырабатывать единую волю или выступать в виде одного лица, реализовывать свои права и обязанности, нести ответственность за результаты своей деятельности» [1, с. 89], тем самым объединяя эти понятия.

И.В. Захаров и А.Н. Кокотов просто называют субъектами избирательного права участников избирательных правоотношений, при этом не акцентируют внимания на каких-либо специфических их свойствах [2, с. 92].

Р.Т. Биктагиров отмечает, что «субъектом избирательного права как элементом социально-правовой реальности является лицо, наделенное нормами российского права свойствами правоспособности, дееспособности и деликтоспособности (т.е. правосубъектностью) для участия в правоотношениях, складывающихся в связи с формированием органов публичной власти в Российской Федерации и деятельности по реализации конституционного права граждан избирать и быть избранным, принимающее и осуществляющее вовне правовые решения в рамках избирательного процесса как организационно-правовой формы реализации избирательно-правовых норм» [3, с. 11–12].

Большинство же авторов (С.А. Альфер, Л.Г. Берлявский, И.В. Выдрин, А.Г. Головин, Ю.А. Дмитриев и В.Б. Исаелян, И.В. Захаров и А.Н. Кокотов, В.О. Лучин, А.С. Прудников, Б.С. Эбзеев, Э.С. Юсубов и др.) не раскрывают ни понятие «субъект избирательного права», ни понятие «субъект избирательного процесса», ограничиваясь лишь их перечислением.

Полагаем, что понятия «субъект избирательного права», «субъект избирательного правоотношения», «субъект избирательного процесса» и «участник избирательного процесса» имеют отличительные признаки. Согласимся с Р.Т. Биктагировым, который отмечает, что они «по своему содержанию означают один и тот же феномен – субъект избирательного права, характеризуемый в различных плоскостях данной базовой категории» [3, с. 12]. Действительно, понятие «субъект избирательного права» – это понятие статичное (потенциальный участник правоотношения), тогда как понятия «субъект избирательного правоотношения», «субъект избирательного процесса» и «участник избирательного процесса» следует рассматривать как синонимы, характеризующиеся динамическим состоянием при реализации правосубъектности в избирательных правоотношениях (реальный участник правоотношения).

К.В. Краснов полагает, что «субъекты избирательного процесса – это индивидуальные и коллективные (ассоциированные) участники выборов, совершающие действия, направленные на формирование органов публичной власти с результатами, не вызывающими недоверия, поскольку они были получены в соответствии с нормативными правовыми актами» [4, с. 15].

С точки зрения М.В. Масловской, «субъекты избирательного процесса – физические и юридические лица, обладающие избирательными правами и обязанностями и способностью участвовать в избирательных правоотношениях» [5, с. 102]. «Субъект избирательного процесса – это лицо, обладающее правами и обязанностями, связанными с подготовкой и проведением выборов» [6].

Как видим, в современной науке сложилось такое наиболее распространенное понимание термина «субъект избирательного процесса»: это участник избирательных правоотношений, который реализует избирательные права или исполняет юридические обязанности. На основе анализа имеющихся в науке определений понятия «субъект избирательного процесса» можем предложить его авторское определение. Так, *субъект избирательного процесса – это обладающий избирательной правосубъектностью участник избирательных правоотношений, возникающих в процессе формирования выборных органов государственной власти и местного самоуправления, реализующий свое активное и (или) пассивное избирательное право, либо участвующий в обеспечении избирательных действий и процедур.*

Данное определение отличается от уже имеющихся в науке тем, что в нем акцентируется внимание, что субъектами избирательного процесса являются не только граждане, обладающие избирательной правосубъектностью (как в большинстве определе-

ний), но и государственные органы, участвующие в обеспечении избирательных действий и процедур и наделенные определенной компетенцией по вопросам формирования выборных органов власти, а также члены избирательных комиссий, осуществляющие избирательно-правовые действия.

Как известно, необходимым условием возможности участия в правоотношениях является наличие у субъекта особого свойства – правосубъектности, состоящей из трех элементов: правоспособности, дееспособности, деликтоспособности. Субъекты избирательного процесса не являются исключением и также должны обладать избирательной правосубъектностью, позволяющей им вступать в избирательные правоотношения. На это обстоятельство указывает и Р.Т. Биктагиров, отмечая, что «важнейшими и неотъемлемыми юридическими качествами субъекта избирательного права являются его избирательная правосубъектность (правоспособность, дееспособность, деликтоспособность) как потенциальная возможность, а в предусмотренных законом случаях – юридическая обязанность вступить в избирательные правоотношения» [3, с. 22].

Под избирательной правоспособностью понимают предусмотренную законодательством потенциальную возможность субъекта быть участником избирательного процесса, иметь права и нести обязанности в сфере организации и проведения выборов.

Избирательная дееспособность – способность участников избирательного процесса своими действиями реализовывать принадлежащие им права и возложенные на них обязанности по формированию выборных органов и должностных лиц публичной власти.

Избирательная деликтоспособность – это способность лица нести ответственность за свои противоправные действия (бездействие), установленную нормами законодательства о выборах.

Наличие указанных элементов правосубъектности относится не ко всем участникам избирательного процесса. Если говорить о таких субъектах, как избирательные комиссии или государственные органы, то избирательная правосубъектность представляет собой их компетенцию как участников избирательного процесса, наделенных должностными полномочиями публичного характера. Следует также отметить, что возникновение правосубъектности у некоторых субъектов избирательного процесса возможно, например, только после прохождения процедуры регистрации у кандидатов на выборные должности или аккредитации у наблюдателей.

Содержание и объем избирательной правосубъектности у рассматриваемых субъектов различен в зависимости от их роли и функций в процедуре проведения выборов.

Избирательные правоотношения, являясь частью конституционно-правовых отношений, характеризуются большим многообразием их участников. Однако участниками избирательного процесса являются не все субъекты конституционно-правовых отношений, а только те, которые наделены избирательной правосубъектностью, позволяющей им участвовать в формировании органов публичной власти. На это обращает внимание А.С. Прудников: «Существует специфический круг субъектов, характеризующих именно избирательное право в структуре подотраслей и правовых институтов конституционного права, деятельность которых связывается с организацией всего выборного процесса и функционирования избирательной власти в межвыборный период» [7, с. 155–156].

Таким образом, существует специфический круг субъектов (участников) избирательных правоотношений (избирательного процесса), реализация прав и обязанностей которых сопряжена только с процедурой организации и проведения выборов в представительные органы государственной власти и местного самоуправления. Заметим: в российской юридической науке нет единства по поводу точного перечня субъектов избира-

тельного процесса, а в белорусской, как уже было отмечено ранее, и вовсе отсутствуют специальные исследования по этой тематике.

Проанализировав нормы избирательного законодательства Республики Беларусь, а также работы ученых в области избирательного права и процесса, выделим круг субъектов избирательного процесса в Республике Беларусь. Итак, к ним относятся:

- 1) избиратели (избирательный корпус, избирательный электорат);
- 2) кандидаты на выборные должности и их представители;
- 3) Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов;
- 4) избирательные комиссии (члены избирательных комиссий);
- 5) инициативные группы;
- 6) общественные объединения (в том числе политические партии);
- 7) трудовые коллектизы;
- 8) органы, осуществляющие назначение выборов (Президент Республики Беларусь, Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, местные органы власти);
- 9) органы, осуществляющие правовую охрану проведения выборов (прокуратура, суд);
- 10) наблюдатели (международные наблюдатели);
- 11) средства массовой информации.

Очевидно, что перечень рассматриваемых субъектов в разных странах будет различным, имеющим свою специфику. Следует отметить, что в любом государстве этот перечень не является статичным и будет меняться в связи с изменением норм избирательного права.

Проведение научной классификации способствует выявлению существующих связей между субъектами избирательного процесса, что позволит в дальнейшем перейти к анализу их правовых статусов. Обозначенный круг субъектов необходимо классифицировать как для выявления специфики их правового положения, так и для выработки предложений по совершенствованию их конституционно-правового статуса.

Большинство ученых не проводят какой-либо классификации рассматриваемых субъектов, ограничиваясь их перечислением, либо такая классификация является поверхностной. Так, Ю.А. Веденеев и С.Д. Князев подразделяют всех субъектов избирательного права на четыре группы: индивидуальные, коллективные, политические и административные [8, с. 27]. И.В. Захаров и А.Н. Кокотов разделяют участников избирательных правоотношений на основных и дополнительных. «К основным субъектам избирательного права можно отнести граждан Российской Федерации, избирательные объединения, кандидатов, членов избирательных комиссий. Дополнительными субъектами, способствующими деятельности основных субъектов, можно назвать органы государственной власти и местного самоуправления, организации, осуществляющие выпуск средств массовой информации, суды. Особым субъектом избирательного права являются избирательные комиссии» [2, с. 93].

В юридической литературе встречается похожая классификация, где субъекты избирательного процесса подразделяются на основные и вспомогательные. «Основные субъекты – это субъекты, обладающие правами и обязанностями, непосредственно связанными с участием в избирательном процессе. Они могут быть общими и специальными. Общие – (избиратели) граждане. Специальные – лица, которых закон наделяет дополнительными правами, гарантиями и обязанностями (кандидаты на выборные должности). Вспомогательные – наделены полномочиями по оказанию содействия основным субъектам по участию в избирательном процессе. Это органы государственной власти, органы местного самоуправления, СМИ, избирательные комиссии» [5].

В.А. Ершов подразделяет рассматриваемых субъектов в зависимости от характера их участия в избирательном процессе на две большие группы: «субъекты, непосредственно реализующие свои избирательные права, и субъекты, способствующие реализации избирательных прав» [9, с. 23].

В.И. Червонюк выделяет три группы исследуемых субъектов: «1) граждане, обладающие активным избирательным правом (избиратели), которые должны иметь общие юридические характеристики (возраст, свободное состояние воли и т.п.), определенные законом; к этой же группе причисляется и избирательный корпус, т.е. совокупность всех граждан, обладающих активным избирательным правом, а также электорат – совокупность избирателей, намеревающихся принять непосредственное участие в избирательной кампании, а также кандидаты на выборные должности, список кандидатов, зарегистрированные кандидаты (зарегистрированный список кандидатов); 2) граждане и их объединения, реализующие пассивные избирательные права, – кандидаты на выборные должности, политические партии, их уполномоченные представители, инициативные группы граждан по выдвижению кандидатов на выборные должности, представители и доверенные лица кандидатов, наблюдатели; 3) избирательные органы – избирательные комиссии» [10, с. 258].

Н.В. Мотыжаева подразделяет рассматриваемых субъектов на примере местных выборов и отмечает, что «первую группу образуют субъекты, непосредственно заинтересованные в результатах выборов в представительные органы местного самоуправления, глав муниципальных образований, иных выборных органов местного самоуправления. К ним, в частности, следует относить избирателей, кандидатов (в депутаты представительного органа местного самоуправления, на должность главы муниципального образования, в иные выборные органы). Вторую группу образуют субъекты, непосредственно способствующие реализации интересов основных субъектов избирательного процесса в системе местного самоуправления. К ним можно отнести доверенных лиц, кандидатов, лиц, участвующих в агитации. Третью самостоятельную группу субъектов избирательного процесса в системе местного самоуправления образуют субъекты, выступающие организаторами данного процесса. Основными субъектами этой группы являются избирательные комиссии» [11, с. 85–86].

К.В. Краснов отмечает, что в избирательном процессе участвуют шесть групп субъектов: «органы, назначающие выборы; избирательные комиссии; субъекты избирательного права; СМИ; органы, осуществляющие контроль за законностью выборов; органы, материально обеспечивающие выборы» [4, с. 8]. Данная классификация проведена по основному содержанию деятельности указанных субъектов на различных этапах избирательного процесса.

А.М. Агаев классифицирует участников избирательного процесса исходя из особенностей формирования, юридической природы и выполненных ими функций по двум критериям: «1) по организационным формам и 2) по степени полноты участия в процессе. По организационным формам участники избирательного процесса подразделяются на: 1) граждан-избирателей; 2) юридические лица; 3) общественные объединения и группы избирателей; 4) государственные органы и их должностные лица. По степени полноты участия в процессе они классифицируются на: 1) основные – участвующие на всех стадиях процесса, без которых не могут состояться выборы; 2) вспомогательные – имеющие права и обязанности участвовать на соответствующих отдельных стадиях избирательного процесса при возникновении необходимых для этого юридических фактов» [12, с. 75].

Весьма импонирует классификация субъектов избирательного права, предложенная Р.Т. Биктагировым, разделившим типы субъектов избирательного права по критерию юридического значения их участия в избирательном процессе. «К основным

субъектам избирательного права, без участия которых не могут состояться выборы, следует отнести: 1) российский народ, народы субъектов Российской Федерации, избирательный корпус муниципальных образований; 2) граждан Российской Федерации, обладающих активным и пассивным избирательным правом; 3) политические партии и иные общественные объединения граждан (при проведении выборов по пропорциональной или смешанной избирательной системе); 4) избирательные комиссии – организаторов выборов; 5) группы избирателей, образованные в установленном законом порядке в поддержку самовыдвижения кандидата (в случаях, когда образование такой группы избирателей предусмотрено конкретным законом о выборах); 6) кандидаты, зарегистрированные кандидаты в депутаты и на иные выборные должности; 7) уполномоченные представители политических партий, иных избирательных объединений (при проведении выборов по пропорциональной или смешанной избирательной системе); 8) организации, выпускающие СМИ (организации телерадиовещания, редакции периодических печатных изданий); 9) органы государственной власти, органы местного самоуправления, их должностные лица; 10) командиры воинских частей, капитаны судов, начальники полярных станций, руководители дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации.

Вспомогательные (факультативные) субъекты избирательного права образуют: 1) сборщики подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидата, списка кандидатов; 2) доверенные лица политических партий (избирательных объединений), отдельных кандидатов, выдвинутых по мажоритарным избирательным округам; 3) члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса; 4) наблюдатели; 5) суды общей юрисдикции; 6) органы прокуратуры; 7) органы и должностные лица, наделенные правом возбуждать уголовные дела и административные производства по делам, связанным с нарушениями избирательных прав граждан, избирательного законодательства; 8) организации и индивидуальные предприниматели, выполняющие работы и оказывающие услуги по изготовлению печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов, а также организации, оказывающие рекламные услуги; собственники и владельцы отдельных объектов, могущих стать местом проведения предвыборных агитационных мероприятий и местом размещения агитационных материалов кандидатов, избирательных объединений» [3, с. 31–33].

Подобную классификацию предлагает Д.М. Худолей: «В избирательном процессе участвуют две большие группы субъектов – обязательные и факультативные субъекты. К числу обязательных субъектов мы отнесли основных участников (кандидаты, избиратели, избирательный корпус, партии) и избирательные комиссии. Без их участия проведение выборов невозможно. Именно основные участники обладают материальными избирательными правами и формируют выборные органы власти, наделяют полномочиями выборных должностных лиц. Избирательные комиссии исполняют обязанности по организации и проведению выборов, непосредственно нествуя в материальных избирательных правоотношениях. Субъекты, способствующие проведению выборов, оказывающие ту или иную помощь кандидатам, партиям, избирательным комиссиям, являются факультативными участниками. Их участие в процессе желательно, но не обязательно. Отдельные факультативные участники наделены процессуальными правами, другие (органы публичной власти и должностные лица) – нет» [13, с. 67].

Изучив представленные в науке конституционного права классификации участников избирательного процесса, проанализировав нормы избирательного законодательства Республики Беларусь и основываясь на достижениях юридической науки, мы пришли к выводу, что в зависимости от их роли (выполнения юридически значимых действий) в избирательном процессе в Республике Беларусь рассматриваемые субъекты целесообразно поделить на две группы:

- 1) субъекты, непосредственно участвующие в избирательном процессе;
- 2) субъекты, обеспечивающие избирательные действия и процедуры.

Полагаем, что следует провести дальнейшую (внутригрупповую) классификацию, подчеркивающую специфику правового статуса рассматриваемых субъектов. Так, первую группу субъектов, непосредственно участвующих в избирательном процессе, можно подразделить на:

- 1) основных участников избирательного процесса: избиратели (избирательный корпус, избираторат), кандидаты на выборные должности и их представители;
- 2) организаторов избирательного процесса: Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, избирательные комиссии, члены избирательных комиссий;
- 3) субъектов, участвующих на определенных этапах в избирательном процессе: инициативные группы, политические партии, трудовые коллективы.

Во вторую группу субъектов, обеспечивающих избирательные действия и процедуры, следует включить:

- 1) органы, осуществляющие назначение выборов и их правовую охрану: Президент Республики Беларусь, Палата представителей Национального Собрания Республики Беларусь, местные Советы депутатов, прокуратура, суд;
- 2) субъекты, выполняющие общественный контроль и информационное обеспечение избирательного процесса: наблюдатели, в том числе международные, и средства массовой информации.

Предложенная нами классификация участников избирательного процесса позволяет выявить особенности их конституционно-правового статуса и четко представлять их роли в избирательном процессе в зависимости от выполняемых ими юридически значимых действий. Следует отметить, что данная классификация не является неизменной (статичной). Количественный состав может изменяться в зависимости от вносимых изменений и дополнений в избирательное законодательство, а от вида выборов (президентские, парламентские или местные) будет зависеть и субъектный состав участников.

Заключение

Исследование теоретических проблем классификации участников избирательного процесса в Республике Беларусь позволяет сделать следующие выводы:

1. Понятие «субъект избирательного права» – это понятие статичное (потенциальный участник правоотношения), тогда как понятия «субъект избирательного правоотношения», «субъект избирательного процесса» и «участник избирательного процесса» следует рассматривать как синонимы, характеризующиеся динамическим состоянием при реализации правосубъектности в избирательных правоотношениях (реальный участник правоотношения).

2. «Субъект избирательного процесса» – это обладающий избирательной правосубъектностью участник избирательных правоотношений, возникающих в процессе формирования выборных органов государственной власти и местного самоуправления, реализующий свое активное и (или) пассивное избирательное право либо участвующий в обеспечении избирательных действий и процедур (авторское определение).

3. Избирательные правоотношения, являясь частью конституционно-правовых отношений, характеризуются большим многообразием их участников. Однако участниками избирательного процесса являются не все субъекты конституционно-правовых отношений, а только те, которые наделены избирательной правосубъектностью, позволяющей им участвовать в формировании выборных органов государственной власти и местного самоуправления.

4. Круг субъектов избирательного процесса в Республике Беларусь:

1) избиратели (избирательный корпус, избирательный округ);

2) кандидаты на выборные должности и их представители;

3) Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов;

4) избирательные комиссии (члены избирательных комиссий);

5) инициативные группы;

6) общественные объединения (в том числе политические партии);

7) трудовые коллективы;

8) органы, осуществляющие назначение выборов (Президент Республики Беларусь, Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, местные органы власти);

9) органы, осуществляющие правовую охрану проведения выборов (прокуратура, суд);

10) наблюдатели (международные наблюдатели);

11) средства массовой информации.

5. Классифицировать рассматриваемые субъекты целесообразно в зависимости от их роли (выполнения юридически значимых действий) в избирательном процессе в Республике Беларусь на две группы:

1) субъекты, непосредственно участвующие в избирательном процессе;

2) субъекты, обеспечивающие избирательные действия и процедуры.

Полагаем, что следует провести дальнейшую (внутригрупповую) классификацию с целью определения специфики правового статуса рассматриваемых субъектов. Так, первую группу субъектов, непосредственно участвующих в избирательном процессе, можно подразделить на:

1) основных участников избирательного процесса, к которым относятся избиратели (избирательный корпус, избирательный округ), кандидаты на выборные должности и их представители;

2) организаторов избирательного процесса (Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, избирательные комиссии, члены избирательных комиссий);

3) субъектов, участвующих на определенных этапах в избирательном процессе (инициативные группы, политические партии, трудовые коллективы).

Во вторую группу субъектов, обеспечивающих избирательные действия и процедуры, следует включать:

1) органы, осуществляющие назначение выборов и их правовую охрану (Президент Республики Беларусь, Палата представителей Национального Собрания Республики Беларусь, местные Советы депутатов, прокуратура, суд);

2) субъекты, выполняющие общественный контроль и информационное обеспечение избирательного процесса (наблюдатели, в том числе международные, и средства массовой информации).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макарцев, А. А. Избирательное право и процесс в Российской Федерации / А. А. Макарцев, Э. С. Юсубов. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 326 с.

2. Избирательное право Российской Федерации / И. В. Захаров, А. Н. Кокотов. – 2-е изд. – М. : Юрайт, 2013. – 411 с.

3. Биктагиров, Р. Т. Субъект избирательного права Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Р. Т. Биктагиров. – М., 2010. – 55 с.

4. Краснов, К. В. Субъекты избирательного процесса в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / К. В. Краснов. – М., 2000. – 278 л.
5. Масловская, М. В. Избирательный процесс в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / М. В. Масловская. – Волгоград, 1999. – 201 л.
6. Субъекты избирательного процесса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lektssi.net/3-152161.html>. – Дата доступа: 10.11.2017.
7. Избирательное право / А. С. Прудников [и др.]. – 3-е изд. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 655 с.
8. Веденеев, Ю. А. Избирательные правоотношения / Ю. А. Веденеев, С. Д. Князев // Государство и право. – 1999. – № 5. – С. 27–35.
9. Ершов, В. А. Основы избирательного права : учеб. пособие для студентов вузов / В. А. Ершов. – М. : ГроссМедия. – 2008. – 192 с.
10. Червонюк, В. И. Конституционное право России : учеб. пособие / В. И. Червонюк. – М. : Термика : ИНФРА-М, 2004. – 432 с.
11. Мотыжаева, Н. В. Избирательный процесс в системе местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Н. В. Мотыжаева. – Волгоград, 2010. – 250 л.
12. Агаев, А. М. Избирательный процесс в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. М. Агаев. – М., 2010. – 201 л.
13. Худолей, Д. М. Субъекты избирательного процесса / Д. М. Худолей // Вестн. Перм. ун-та. – 2014. – Вып. 4 (26). – С. 61–71.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.02.2018

Tsjuga S.A. Theoretical Issues of Understanding and Classification of Participants in the Electoral Process in Belarus

In the article the author examines the concept of «subject of suffrage», «the subject of electoral legal relations», «the subject of electoral process», «participant of the electoral process» and carries out their distribution. The author defines the concept of «subject of the electoral process». The author touches upon the problem of systematization of electoral process participants in the Republic of Belarus and proposes their author's classification. It is concluded that not all subjects of constitutional and legal relations, but only those who are endowed with electoral legal personality, allowing them to participate in the formation of public authorities and local self-government, are participants in the electoral process.

Д.С. Береговцова

канд. юрид. наук, доц., доц. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: beregovtsova.diana@yandex.by

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Исследованы понятие и основные разновидности этических комитетов в здравоохранении. Особое внимание уделено деятельности комитетов по этике биомедицинских исследований, так как жизнь и здоровье участников подобных исследований подвергается риску в наибольшей степени. Проанализированы положения международных документов и белорусского законодательства о комитетах по биоэтике исследований. Предложены изменения в действующее законодательство Республики Беларусь, обоснована необходимость принятия закона «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в Республике Беларусь».

Введение

Важнейшей гарантией прав лиц, к которым применяются современные медицинские технологии, выступает деятельность этических комитетов в здравоохранении, которая получила распространение на различных уровнях управления для решения разнообразных этических, социальных и правовых проблем современной медицины, в том числе при проведении биомедицинских исследований с участием человека.

Как правильно отмечает Б.Г. Юдин, за прошедшие десятилетия широкомасштабное проведение биомедицинских исследований с участием человека в качестве испытуемого стало повседневной реальностью, так что сегодня едва ли такое исследование можно считать чем-то исключительным, чрезвычайным. Напротив, такие исследования превратились в «горючее», которое во все возрастающих объемах жадно поглощает громадная машина одной из наиболее мощных сфер современного бизнеса – фармакологическая промышленность. Ныне мы вправе говорить о становлении индустрии биомедицинских исследований, которая высоко оснащена и технически, и методически. Более того, и сама этическая экспертиза биомедицинских исследований становится родом индустрии с тщательно разработанными процедурами и регламентами [1, с. 136].

Действительно, научно-технический прогресс в области современной медицины невозможен без проведения исследований на человеке, преследующих, как правило, благие цели улучшения методов и средств профилактики, диагностики и лечения заболеваний. Однако существуют и такие исследования, преследующие преимущественно научные цели. При этом, как правило, риск для испытуемого минимален или его вовсе нет. В любом случае невозможно устраниить неизбежный риск для участника биомедицинских исследований, можно лишь минимизировать его, чему как раз служит деятельность комитетов по биоэтике. Поэтому важнейшим принципом проведения любых биомедицинских исследований на человеке является принцип, в соответствии с которым интересы и благо конкретного человека всегда превалируют над благами науки и общества. Этот принцип сформулирован почти во всех принятых в последнее время международных документах по защите прав человека в современной медицине и законодательствах отдельных государств, включая законодательство Республики Беларусь, в котором также получила правовое закрепление деятельность этических комитетов в здравоохранении.

Понятие и основные разновидности этических комитетов

Как правильно заметила Н.Н. Седова, этические комитеты начали создаваться и получать юридическое оформление не тогда, когда общество осознало возможность угрозы жизни со стороны врачей (после Нюрнбергского процесса), а тогда, когда оно

осознало возможность угрозы жизни со стороны научно-технических достижений медицины (после появления новых технологий зачатия и т.п.) [2].

В соответствии с Руководством № 1 ЮНЕСКО по созданию комитетов по биоэтике (2005 г.) комитет по биоэтике представляет собой коллегиальный орган, который систематически и постоянно занимается этическими аспектами медицинских наук, наук о жизни и инновационной политики в области здравоохранения. В Руководстве определены четыре вида комитетов: 1) по биоэтике разработки политики и/или рекомендаций; 2) по биоэтике ассоциаций профессиональных медиков; 3) по биоэтике медицинских учреждений / больниц; 4) по биоэтике исследований. Эти разновидности комитетов могут создаваться на различных уровнях управления: национальном, региональном (как правило, в федеративных государствах – это уровень субъекта федерации), локальном [3, с. 22].

Отметим, что перечисленные виды этических комитетов получили закрепление и в законодательстве нашей страны. Анализ правового регулирования деятельности этических комитетов в Республике Беларусь позволяет выделить следующие разновидности таких комитетов:

1. Национальный комитет по биоэтике (НКБЭ), созданный как консультативный орган при Министерстве здравоохранения Республики Беларусь (приказ Министерства здравоохранения № 274 от 17 апреля 2006 г. «О создании Национального комитета по биоэтике») в целях осуществления общественного контроля за соблюдением этических норм и правил при выполнении работ, связанных с использованием человека и животных как объектов экспериментальных и клинических исследований, в целях соблюдения прав и свобод человека при использовании в отношении его современных достижений науки, проведении образовательной, лечебно-профилактической и иной деятельности. Согласно Положению, НКБЭ – организация полифункциональная, что отражается в ее структуре, включающей подкомитеты в соответствии с основными направлениями ее деятельности. НКБЭ независим в своих оценках, советах и решениях (однако это рекомендательный орган и не принимает юридически значимых решений). Вместе с тем НКБЭ активно сотрудничает и вносит предложения по организации биомедицинских исследований и применению современных биомедицинских технологий законодательным и исполнительным органам страны, Министерству здравоохранения и другим органам государственного управления [4, с. 138–145].

2. Комитеты по этике медицинских, фармацевтических общественных объединений. В соответствии со ст. 53 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», эти общественные объединения принимают участие в разработке норм медицинской этики и деонтологии, в рассмотрении вопросов, связанных с нарушением этих норм, а также в формировании комитетов (комиссий) по вопросам медицинской этики и деонтологии.

3. Комитеты (комиссии) по медицинской этике и деонтологии, создаваемые в соответствии со ст. 48 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» в государственных организациях здравоохранения (т.е. на локальном уровне) для участия в разработке норм медицинской этики и деонтологии, а также рассмотрения вопросов, связанных с нарушением этих норм. Медицинская этика и деонтология в соответствии со ст. 1 упомянутого закона представляет собой совокупность принципов, норм и правил поведения медицинских, фармацевтических работников при выполнении ими должностных обязанностей [5]. Таким образом, хотя деятельность данного вида комитетов направлена на защиту прав пациентов в процессе рассмотрения вопросов, связанных с нарушением норм медицинской этики и деонтологии, к защите прав человека от неблагоприятных последствий современных медицинских технологий имеет лишь косвенное отношение. В большей степени данную функцию выполняет та разновидность этических

комитетов, деятельность которых имеет непосредственное отношение к защите прав участников биомедицинских исследований, речь о которых пойдет ниже.

4. Комитеты по этике, создаваемые в рамках реализации ст. 15 Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах». В соответствии с ч. 3 данной статьи, комитет по этике создается при государственных организациях здравоохранения в качестве экспертного совета и рассматривает вопросы обеспечения прав, безопасности и охраны здоровья пациентов, участвующих в клинических испытаниях, одобряет программу (протокол) клинических испытаний, оценивает квалификацию исследователей и наличие условий в государственных организациях здравоохранения для проведения клинических испытаний [6]. Таким образом, комитеты по этике создаются при всех организациях здравоохранения, аккредитованных на проведение клинических испытаний. В числе таких учреждений – научно-исследовательские и медицинские институты, лечебно-профилактические учреждения (стационары и амбулатории), в которых на основании ч. 3 ст. 15 закона «О лекарственных средствах» должны создаваться комитеты по этике. Данная разновидность комитетов создается также и при государственных организациях здравоохранения, проводящих клинические испытания изделий медицинского назначения. Полагаем, что деятельность именно этой разновидности комитетов является важнейшей гарантией прав человека при применении к нему современных медицинских технологий, так как многие биомедицинские исследования связаны с применением принципиально новых достижений биомедицинской науки.

Именно поэтому остановимся на деятельности данных комитетов подробнее, тем более что она получила наиболее детальное регулирование как в рамках многочисленных международных документов, посвященных защите прав человека – участника биомедицинских исследований, так и в законодательстве Республики Беларусь, что, на наш взгляд, подчеркивает особую значимость данных комитетов в деле реализации и защиты прав человека при применении к нему современных медицинских технологий.

Деятельность комитетов по этике исследований: международные документы и законодательство Республики Беларусь

Разнообразные международные документы, носящие как обязательный, так и рекомендательный характер, посвященные регламентации биомедицинских исследований, предписывают или рекомендуют создание независимых комитетов по этике. В соответствии с положениями Хельсинкской декларации ВМА, такой комитет «должен быть прозрачен в своей деятельности, независим от исследователя, спонсора и любого иного неуместного влияния, должен иметь надлежащую квалификацию, учитывать законы и подзаконные акты страны или стран, в которых планируется проведение исследования, а также соответствующие международные нормы и стандарты, которые, однако, не должны умалять или отменять меры по защите субъектов исследования, установленные настоящей декларацией» [7]. Рекомендательные положения Хельсинкской декларации нашли отражение в законодательствах отдельных государств, в то числе и в законодательстве Республики Беларусь.

Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, принятая в 2005 г., также рекомендует создание независимых этических комитетов. В соответствии со ст. 19 декларации рекомендуется создавать независимые, многодисциплинарные и плюралистические комитеты по этике, оказывать им содействие и поддерживать их деятельность на надлежащем уровне в целях:

- 1) оценки соответствующих этических, правовых, научных и социальных проблем, касающихся исследовательских проектов, объектом которых является человек;
- 2) консультирования по этическим проблемам в клинической медицине;

3) оценки научно-технического прогресса, выработки рекомендаций и содействия подготовке руководящих принципов по вопросам, относящимся к сфере применения настоящей декларации;

4) содействия обсуждению, просвещению и информированию общественности по вопросам биоэтики и ее привлечения к их решению [8].

Заметим, что в декларации речь идет о независимых комитетах по этике, деятельность которых направлена как на этическую экспертизу биомедицинских исследований, так и на консультирование по разным этическим проблемам в современной медицине, а также на этическую оценку достижений научно-технического прогресса в медицине.

Следует отметить, что разработанные Советом Европы на региональном уровне действуют акты, регламентирующие основные принципы проведения биомедицинских исследований на человеке, имеющие обязательный характер для всех государств – членов Совета Европы. К числу таких актов следует отнести Конвенцию о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине, Овьедо, 1997 г.) [9], Дополнительный протокол о биомедицинских исследованиях (Страсбург, 2005 г.) [10]. Так, гл. III Дополнительного протокола о биомедицинских исследованиях посвящена независимой экспертизе комитета по этике. В соответствии со ст. 9 протокола, каждый исследовательский проект должен представляться в комитет по этике для проведения независимой экспертизы его этической приемлемости. При этом целью междисциплинарной экспертизы этической приемлемости исследовательского проекта является защита достоинства, прав, безопасности и благополучия участников исследований. Оценка этической приемлемости проводится на основе привлечения соответствующего опыта и знаний, адекватно отражающих профессиональные и непрофессиональные взгляды.

В соответствии со ст. 12 протокола, комитет по этике должен удостовериться в отсутствии неоправданного воздействия, в том числе финансового характера, на лиц, участвующих в проведении исследований. В этом отношении особое внимание должно уделяться лицам, относящимся к категориям уязвимых или материально зависимых.

Отметим также, что постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ № 26-10 от 18 ноября 2005 г. принят модельный закон «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах – участниках СНГ», который был впоследствии направлен в парламенты государств – участников Межпарламентской Ассамблеи СНГ и рекомендован для использования в национальном законодательстве. Значение модельных актов выражается в том, что они, по мнению отдельных исследователей, «выступают в качестве своеобразного “моста”, соединяющего нормы международного и национального права» [11, с. 88]. Полагаем, что отдельные положения данного модельного закона как раз и призваны выполнить эту функцию. Например, гл. 3 модельного закона посвящена системе этической экспертизы биомедицинских исследований. В законе под комитетом по этике понимается независимый орган, действующий на уровне медицинского учреждения (локальный), региона страны (региональный), государства (национальный) или сообщества государств, состоящий как из профессионалов (медицинских, научных специалистов), так и представителей общественности, которые на основе проведения этической экспертизы призваны гарантировать участнику исследования и обществу соблюдение прав, безопасности и охрану здоровья участвующих в исследовании лиц [12]. Таким образом, комитеты по биоэтике могут быть представлены на локальном, региональном, национальном и международном уровне.

В законе выделяются цели, задача комитета по этике, требования к решению комитета. Порядок формирования и деятельности комитета определяется в соответствии

с внутренним законодательством конкретного государства. Деятельность комитета по этике, в соответствии с модельным законом, преследует следующую основную цель – проведение этического консультирования исследователей, необходимого для принятия решений по адекватности предлагаемых проектов в отношении защиты прав участвующих в исследовании людей, а также для независимого рассмотрения значимости проекта и оценки важности целей биомедицинского исследования.

К основным задачам деятельности комитета по этике отнесены:

- 1) проведение этической экспертизы каждого проекта биомедицинского исследования с участием человека до начала исследования;
- 2) обеспечение регулярного последующего контроля за соблюдением этических принципов в ходе проведения исследования, а также после его окончания.

В целях обеспечения качества этической экспертизы комитета по этике, содействия в анализе его структуры, деятельности и оценке ее результатов, а также обеспечения соответствия этической экспертизы планируемого исследования установленным стандартам модельным законом рекомендуется проведение инспектирования и оценка проведения этической экспертизы. Разработка системы инспектирования и оценки проведения этической экспертизы входит в полномочия национальных органов здравоохранения или уполномоченных на то регуляторных органов, а также может осуществляться в ходе международного сотрудничества. По нашему мнению, система инспектирования и оценки этической экспертизы является важнейшей гарантией качества проведенной экспертизы и, соответственно, соблюдения прав и законных интересов участников биомедицинских исследований.

В законодательстве Республики Беларусь деятельность этических комитетов по биомедицинским исследованиям нашла отражение в законе «О лекарственных средствах», а также в ряде подзаконных нормативных правовых актов, в частности, в постановлении Министерства здравоохранения «Об утверждении Положения о комитете по этике» от 28 марта 2008 г. № 55 [13], постановлении Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 18 декабря 2008 г. № 216 «О некоторых вопросах проведения клинических испытаний изделий медицинского назначения и медицинской техники» [14], методических рекомендациях Министерства здравоохранения от 24 апреля 2000 г. № 57-0004 «Порядок организации и работы комитета по этике» [15] и т.д.

Положение о комитете по этике определяет порядок его создания и работы. Также в Положении определены основные задачи комитета [13]:

- 1) рассмотрение вопросов обеспечения прав, безопасности и охраны здоровья пациентов, участвующих в клинических испытаниях лекарственных средств;
- 2) одобрение программы (протокола) клинических испытаний лекарственных средств;
- 3) оценка квалификации исследователей, которые будут проводить клинические испытания лекарственных средств, и наличия условий в государственных организациях здравоохранения для проведения клинических испытаний лекарственных средств.

Персональный состав комитета по этике в соответствии с Положением утверждается руководителем государственной организации здравоохранения, в которой будут проводиться клинические испытания лекарственного средства. В состав комитета включаются работники данной государственной организации здравоохранения. При этом важной гарантией беспристрастности и независимости комитета по этике, а значит, и дополнительной гарантией прав лиц, участвующих в испытании, являются нормы Положения, в соответствии с которыми в состав комитета включаются лица:

- 1) не участвующие в планируемом клиническом испытании лекарственного средства в любом качестве;
- 2) не находящиеся в любой зависимости от лица, инициирующего проведение клинического испытания лекарственного средства.

Комитет для участия в своей работе и консультаций по вопросам проведения клинических испытаний лекарственных средств имеет право привлекать в качестве экспертов лиц, не являющихся работниками данной государственной организации здравоохранения. Решения комитета принимаются простым большинством голосов путем открытого голосования и оформляются протоколом. При этом мнение меньшинства членов комитета должно быть записано в протоколе заседания комитета.

Методические рекомендации Министерства здравоохранения от 24 апреля 2000 г. № 57-0004 «Порядок организации и работы комитета по этике» представляют собой руководство по организации и работе комитета по этике. Выполнение рекомендаций является дополнительной гарантией для общества достоверности результатов клинических испытаний лекарственных средств, безопасности испытуемых, охраны их прав и здоровья. В соответствии с методическими рекомендациями, основной целью комитета по этике является защита прав, безопасности и здоровья всех испытуемых. Для достижения этой цели он должен:

1) информировать исследователей обо всех этических и процедурных моментах, связанных с использованием человека в исследовании, помогать им в решении всех возникающих в связи с этим проблем и способствовать тому, чтобы вся их деятельность находилась в соответствии с требованиями нормативных документов;

2) помогать исследователям планировать свои исследовательские проекты таким образом, чтобы свести к минимуму потенциальный вред для испытуемых;

3) изучать материалы всех планируемых исследований до их начала, одобряя только те, которые соответствуют всем установленным для защиты испытуемых критериям;

4) контролировать ход утвержденных и одобренных исследований, чтобы убедиться в том, что испытуемые действительно защищены [15].

Хотя комитет по этике не обладает полномочиями непосредственно запретить проведение клинического испытания, но если выясняется, что его рекомендации не приняты во внимание или клиническое испытание проводится без какого-либо участия комитета по этике, то он имеет право и обязан сообщить об этих нарушениях главному врачу лечебно-профилактического учреждения и в соответствующие контрольно-разрешительные органы (в частности, в ГУП «Республиканский центр экспертиз и испытаний в здравоохранении»).

Особое внимание в методических рекомендациях уделено регламентации получения добровольного информированного согласия на участие в исследовании субъекта исследования или его законных представителей, близких родственников (изучения согласия на основе ознакомления), в том числе согласия несовершеннолетних (в той степени, в которой несовершеннолетний может понять смысл происходящего и дать согласие на исследование), согласия лиц, не получающих непосредственной терапевтической пользы от исследования и т.д.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Важнейшей гарантией прав лиц, к которым применяются современные медицинские технологии, выступает деятельность этических комитетов в здравоохранении, которая получила распространение на различных уровнях управления для решения этических, социальных и правовых проблем современной медицины, в том числе и при проведении биомедицинских исследований с участием человека.

2. В Республике Беларусь существуют такие виды этических комитетов, как:

1) Национальный комитет по биоэтике (НКБЭ), созданный как консультативный орган при Министерстве здравоохранения Республики Беларусь;

2) комитеты по этике медицинских, фармацевтических общественных объединений;

3) комитеты (комиссии) по медицинской этике и деонтологии;

4) комитеты по этике, создаваемые при государственных организациях здравоохранения в качестве экспертных советов, рассматривающих вопросы обеспечения прав, безопасности и охраны здоровья пациентов, участвующих в клинических испытаниях.

Полагаем, что деятельность именно последней разновидности комитетов является важнейшей гарантией прав человека при применении к нему современных медицинских технологий, так как многие биомедицинские исследования связаны с применением принципиально новых достижений биомедицинской науки.

3. Правовое регулирование деятельности комитетов по этике в интересах обеспечения и защиты прав участников биомедицинских исследований в Республике Беларусь осуществляется рядом законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, в частности, Законом Республики Беларусь «О лекарственных средствах»; постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь «Об утверждении Положения о комитете по этике» от 28 марта 2008 г. № 55; постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 18 декабря 2008 г. № 216 «О некоторых вопросах проведения клинических испытаний изделий медицинского назначения и медицинской техники»; методическими рекомендациями Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 24 апреля 2000 г. № 57-0004 «Порядок организации и работы комитета по этике» и т.д.

4. Полагаем, что усовершенствованию системы защиты прав участников биомедицинских исследований послужит принятие закона «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в Республике Беларусь». Принятие такого закона будет соответствовать рекомендации Межпарламентской Ассамблеи СНГ о целесообразности использования модельного закона «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах – участниках СНГ» в национальном законодательстве государств – участников СНГ. Оптимальной формой внедрения положений модельного закона в белорусское законодательство будет принятие упомянутого выше закона Республики Беларусь «О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях». При этом отдельная глава данного закона должна быть посвящена этической экспертизе биомедицинских исследований с участием человека. При ее разработке следует учесть положения общепринятых международных актов по правам человека – участника биомедицинских исследований, а также положения действующего законодательства Республики Беларусь о порядке создания, задачах, персональном составе этических комитетов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Yudin, B. Ethical Industry in Experiments with Humans / B. Yudin // Ethics Committees in Central and Eastern Europe. – Bratislava, 2000. – Р. 135–140.
2. Седова, Н. Н. Правовые основы создания этических комитетов: международный опыт и задачи для России / Н. Н. Седова // Мед. право. – 2004. – № 1. – С. 3–7.
3. Руководство № 1 по созданию комитетов по биоэтике : UNESCO : Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки, культуры : отдел этики науки и технологии. – France, 2005. – 81 с.
4. О создании Национального комитета по биоэтике : приказ М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 17 апр. 2006 г., № 176 // Национальные и локальные комитеты по биоэтике: опыт Центральной и Восточной Европы : материалы Междунар. науч. конф. по биоэтике / под ред. Т. В. Мишаткиной [и др.]. – Минск, 2006. – С. 138–145.
5. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. О лекарственных средствах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2006 г., № 161-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.06.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Хельсинская декларация Всемирной медицинской ассоциации [Электронный ресурс] : принятая 18 Всемирной Медицинской Ассамблей, Хельсинки, 1964 г. : с изм., внесен. на 64 Генеральной Ассамблее ВМА, Форталеза, Бразилия, окт. 2013 г. // В науке.by. – 2016. – Режим доступа: http://acto-russia.org/files/-WMA_Helsinki.doc. – Дата доступа: 1.03.2018.

8. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека [Электронный ресурс] : [принята на 33 Генеральной конф. ЮНЕСКО, 19 окт. 2005 г.] // ЮНЕСКО. – 2015. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001461/146180r.pdf>. – Дата доступа: 27.01.2017.

9. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины : Конвенция о правах человека и биомедицине, Овiedo, 4 апр. 1997 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых докл. / подгот. В. В. Щербовым, А. Селивановым ; сост. В. В. Щербов. – Минск, 1999. – С. 835–844.

10. Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине в области биомедицинских исследований [Электронный ресурс] : Страсбург, 25 янв. 2005 г. // Megalib.com.ua. – 2016. – Режим доступа: http://megalib.com.ua/content/2825_-Dopolnitelnii_-Protokol_k_Konvencii_o_pravah_cheloveka_i_biomedicin. – Дата доступа: 03.05.2018.

11. Тихомиров, Ю. А. Курс сравнительного правоведения / Ю. А. Тихомиров. – М. : НОРМА, 1996. – 432 с.

12. О защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах – участниках СНГ [Электронный ресурс] : модельный закон : принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 18 нояб. 2005 г., № 26-10 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

13. Об утверждении Положения о комитете по этике [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения, 28 марта 2008 г., № 55 : в ред. постановления Минздрава от 17.04.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

14. О некоторых вопросах проведения клинических испытаний изделий медицинского назначения и медицинской техники [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 18 дек. 2008 г., № 216 : в ред. постановлений Минздрава от 16.02.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

15. Порядок организации и работы комитета по этике : метод. рекомендации М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 24 апр. 2000 г., № 57-0004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.02.2018

Berahautsova D.S. Activities of Ethics Committees in Health Care as a Guarantee of Human Rights in the Application of Modern Medical Technologies

The article is devoted to analysis of activities of ethics committees in health care as an essential guarantee of the rights in the application of modern medical technologies. The author examines the concept and main types of ethics committees in health care, with particular attention paid to the activities of committees on ethics of biomedical research because the life and health of participants of such studies is at risk the most. The author also analyzed the provisions of the international documents and the Belarusian legislation on the committees of bioethics research. As a result of the article study the author proposed changes to the current legislation of the Republic of Belarus, in particular the necessity of adopting the law «On protection of rights and dignity in biomedical research in the Republic of Belarus».

Д.М. Степаненко

канд. экон. наук, доц., доц. каф. маркетинга и менеджмента
Белорусско-Российского университета (Могилев)
e-mail: erstesieger@mail.ru

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Установлены основные характеристики и особенности правотворческой формы реализации инновационной функции государства. Доказано, что деятельность государства в рамках правотворческой формы реализации его инновационной функции лежит в основе всего процесса правового регулирования инновационной деятельности в стране. Выделены основные группы общественных отношений, составляющих предмет регулирования инновационного законодательства. Обоснованы основополагающие принципы инновационного законодательства Республики Беларусь.

Введение

Инновационная функция государства представляет собой основное направление деятельности государства, обусловленное объективно существующими потребностями общественной жизни, выражающее в концентрированном виде сущность и социальное назначение государства в обществе, имеющее соответствующую законодательную регламентацию и предполагающее целенаправленное воздействие со стороны государства на общественную жизнь с целью качественного совершенствования ее различных сторон за счет всяческой поддержки создания и внедрения инноваций в стране, стимулирования физических и юридических лиц к осуществлению инновационной деятельности, всесторонней защиты интересов инноваторов [1].

Как и любая иная его функция, инновационная функция государства, будучи юридической категорией, имеет свое собственное наличное бытие, которое проявляется посредством форм ее реализации. При этом выделение и разграничение между собой различных форм реализации инновационной функции государства имеет важное значение, поскольку такого рода разграничение может выявить особенности собственно юридического и неюридического воздействия со стороны государства на общественную жизнь в рамках реализации указанной функции.

Обоснование правотворческой формы реализации инновационной функции государства

По мнению М.И. Байтина, формы реализации функций государства охватывают собой такие составляющие, как:

1) деятельность основных звеньев механизма государства, подразумевающую учет специфики видов государственной деятельности (в отличие от деятельности негосударственных организаций);

2) однородная по своим внешним признакам деятельность всех, многих или нескольких органов государства, посредством которой осуществляются его функции [2].

М.А. Бухтерева справедливо обращает внимание на то, что, как категории подвижные, формы реализации функций государства развиваются и изменяются вместе с государственной жизнью, экономическими, социальными, политическими, идеологическими и иными отношениями в обществе [3].

В наиболее общем виде формы реализации инновационной функции государства могут быть определены как способы его практической деятельности, направленной на качественное совершенствование различных сторон общественной жизни за счет вся-

ческой поддержки процессов создания и внедрения инноваций в стране, стимулирования физических и юридических лиц к осуществлению инновационной деятельности, всесторонней защиты интересов инноваторов.

Правовые формы реализации инновационной функции государства связаны с созданием, реализацией и охраной правовых норм, регламентирующих осуществление инновационной деятельности в стране, и включают в себя соответствующую правоиздательскую, правоприменительную и правоохранительную деятельность. Поэтому к числу правовых форм реализации инновационной функции государства следует отнести:

- 1) правоиздательскую форму реализации инновационной функции государства;
- 2) правоприменительную форму реализации инновационной функции государства;
- 3) правообеспечительную форму реализации инновационной функции государства.

Правоиздательская форма реализации инновационной функции государства представляет собой деятельность государства, направленную на создание или санкционирование правовых норм, регламентирующих осуществление инновационной деятельности на его территории, путем принятия (издания) соответствующих нормативных правовых актов. В частности, речь в данном случае идет о нормативных правовых актах, регламентирующих порядок реализации в стране инновационных проектов, отношения интеллектуальной собственности на ее территории, функционирование национальной инновационной инфраструктуры, устанавливающей порядок и условия применения субъектами хозяйствования ускоренной амортизации, налоговые льготы в отношении инновационно активных предприятий. Принимая (издавая) нормативные правовые акты, регламентирующие процессы создания и внедрения инноваций на территории страны, государство в лице его соответствующих органов обеспечивает тем самым достижение определенной упорядоченности отношений в инновационной сфере. При этом следует учитывать, что деятельность государства в рамках правоиздательской формы реализации его инновационной функции предполагает возможность не только установления новых правовых норм, регламентирующих осуществление инновационной деятельности, но и изменения или отмены действующих норм инновационного законодательства.

С.В. Бабаев верно указывает на то, что динамика общественных отношений в каждом конкретном историческом периоде развития объективно приводит к необходимости корректировать действующее законодательство, своевременно вносить в него изменения и дополнения, принимать решения об отмене тех нормативных положений, которые перестали соответствовать реально существующим на данный момент общественным отношениям либо вступили в противоречие с актами, обладающими более высокой юридической силой [4].

По справедливому выражению А.С. Пиголкина, правоиздательство, в какой бы форме оно ни осуществлялось, есть форма государственного руководства обществом, деятельность государства, в ходе которой оно в лице своих органов создает основную массу действующих в стране правовых норм; если же таковые создаются какими-либо иными структурами, помимо государственных, то их правоиздательские полномочия определяются государством [5]. С помощью правоиздательства происходит расширение или сужение сферы правового регулирования протекающих в обществе инновационных процессов, формируется и совершенствуется нормативно-правовая основа тех аспектов жизнедеятельности общества, которые обусловлены развитием научно-технического прогресса, вводятся в правовую систему определенные средства, методы и механизмы юридического воздействия на субъекты отношений, возникающие в ходе осуществления инновационной деятельности. Таким образом, деятельность государства в рамках правоиздательской формы реализации его инновационной функции лежит в основе всего процесса правового регулирования инновационной деятельности в стране, является исходной посылкой указанного процесса.

В то же время процесс правового регулирования инновационной деятельности на территории государства, будучи естественным результатом соответствующей правотворческой деятельности государства, носит комплексный характер и охватывает следующие взаимосвязанные стадии:

- 1) четкое определение тех конкретных целей и задач, которые необходимо решить государству в рамках реализации его инновационной функции;
- 2) установление круга реальных и потенциальных объектов государственно-правового воздействия в рамках реализации инновационной функции государства;
- 3) обеспечение реальной ресурсной базой всех нормативных правовых актов и иных правовых актов (правоприменительных, интерпретационных), принимаемых в процессе правового регулирования новаторской деятельности;
- 4) реализация на практике принципов законности, научной обоснованности, полноты, своевременности, системности и целесообразности при формировании юридической основы инновационной функции государства;
- 5) выбор приемов и методов правового регулирования инновационной деятельности, наиболее адекватных в той или иной конкретной ситуации соответствующему типу, виду (подвиду) общественных отношений;
- 6) четкое определение юридической процедуры правореализационных действий и операций для осуществления инновационной функции государства;
- 7) законодательное закрепление соответствующего набора средств и способов юридической техники и тактики, а также юридических гарантий, необходимых для осуществления инновационной функции государства.

Инновационное законодательство как результат правотворческой деятельности государства

Инновационная функция государства ориентирована на достижение высокой инновационной активности в обществе в долгосрочной перспективе. Указанное обстоятельство, а также определенная инертность, присущая процессам создания и внедрения инноваций, объективно обусловливают необходимость того, чтобы правовое регулирование инновационного развития общества было рассчитано на достаточно длительный период времени. А это, в свою очередь, предполагает необходимость наличия и постоянного развития национального инновационного законодательства.

Под инновационным законодательством следует понимать совокупность нормативных правовых актов, регламентирующих общественные отношения, связанные с осуществлением инновационной деятельности в ее различных проявлениях, со стимулированием развития общества на инновационной основе, созданием в обществе благоприятных условий для осуществления инновационной деятельности. Инновационное законодательство является естественным результатом соответствующей правотворческой деятельности государства. При этом могут быть выделены следующие основные группы общественных отношений, составляющих предмет регулирования инновационного законодательства:

- 1) отношения между субъектами хозяйствования, связанные с совершением сделок по реализации и (или) использованию инновационной продукции, работ, услуг, оборудования, технологий, объектов интеллектуальной собственности;
- 2) отношения между субъектами хозяйствования и физическими лицами, являющимися их работниками, связанные с проявлением инновационной активности со стороны указанных физических лиц, а также с осуществлением со стороны обозначенных физических лиц действий, направленных на повышение их возможностей создавать и внедрять инновации (повышение квалификации, получение дополнительного образования);

3) отношения между государством и физическими и юридическими лицами, связанные с предоставлением государством указанным лицам защиты их прав на принадлежащие им объекты интеллектуальной собственности;

4) отношения, связанные со стимулированием со стороны государства инновационной деятельности на его территории в рамках реализации национальной инновационной политики, с созданием в стране благоприятного климата для осуществления инновационной деятельности;

5) отношения по вопросам образования, распределения, перераспределения и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств государства и субъектов хозяйствования, предназначенных для финансирования инновационной деятельности в ее различных проявлениях;

6) отношения между государством и физическими и юридическими лицами, связанные с привлечением государством указанных лиц к установленной законом ответственности в случаях совершения обозначенными лицами противоправных виновных действий, препятствующих инновационному развитию общества, посягающих на права и законные интересы инноваторов;

7) отношения между национальным государством и иностранными государствами и международными организациями, связанные с международным сотрудничеством в инновационной сфере [6].

Регулятивное воздействие на сферу общественных отношений, связанных с инновациями и инновационной деятельностью, оказывается практически всей системой юридических норм. В частности, отношения между субъектами хозяйствования и физическими лицами, являющимися их работниками, связанные с проявлением инновационной активности со стороны указанных физических лиц, регулируются нормами трудового права; отношения между государством и физическими и юридическими лицами, связанные с предоставлением государством указанным лицам защиты их прав на принадлежащие им объекты интеллектуальной собственности, – нормами гражданского права. В свою очередь, нормы финансового права регламентируют отношения в вопросах образования, распределения, перераспределения и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств государства и субъектов хозяйствования, предназначенных для финансирования инновационной деятельности в ее различных проявлениях.

Таким образом, можно утверждать, что положения национального инновационного законодательства есть не что иное, как органическая часть разных отраслей законодательства страны, регулирующих различные виды общественных отношений, в той или иной мере связанных с процессами создания, внедрения и распространения инноваций. При этом инновационное законодательство представляет собой не механическую сумму отдельных правовых норм различных отраслей права, а целостную систему норм, внутренне связанных между собой следующей единой целью – добиваться качественного совершенствования различных сторон общественной жизни посредством всяческой поддержки создания и внедрения инноваций в стране, стимулирования физических и юридических лиц к осуществлению инновационной деятельности, всесторонней защиты интересов инноваторов.

Принципы инновационного законодательства Республики Беларусь

Развитие общества на инновационной основе объективно предполагает необходимость того, чтобы регулирование общественных отношений нормами инновационного законодательства осуществлялось в соответствии с рядом базовых начал. Такого рода базовые начала целесообразно рассматривать как основополагающие принципы ин-

новационного законодательства, в качестве которых применительно к Республике Беларусь могут быть выделены:

- 1) свобода осуществления инновационной деятельности;
- 2) признание многообразия проявлений инновационной деятельности;
- 3) признание инновационной деятельности как общественной ценности;
- 4) государственная поддержка осуществления инновационной деятельности, единство и системность такой поддержки;
- 5) многообразие источников финансирования инновационной деятельности;
- 6) стимулирование конкуренции в национальной экономике на инновационной основе;
- 7) неотвратимость ответственности в случаях совершения правонарушений, препятствующих инновационному развитию общества, посягающих на права и законные интересы инноваторов;
- 8) развитие международного сотрудничества в инновационной сфере;
- 9) обеспечение многоуровневого подхода к развитию инновационного законодательства;
- 10) комплексности работы государственного аппарата по развитию инновационного законодательства;
- 11) поддержка экспортной ориентации инновационной деятельности белорусских предприятий;
- 12) приоритетная поддержка высокотехнологичных отраслей и производств;
- 13) активное стимулирование частного капитала, финансирующего инновационную деятельность;
- 14) поддержка осуществления инновационной деятельности физическими лицами;
- 15) поддержка инновационно ориентированных иностранных инвестиций в экономику республики;
- 16) поддержка интеграционных тенденций в сфере развития инновационной деятельности на постсоветском пространстве.

Принцип свободы осуществления инновационной деятельности предполагает отсутствие каких-либо законодательных запретов и препятствий для субъектов, желающих осуществлять в стране новаторскую деятельность. Данный принцип также предполагает отсутствие необходимости для инноваторов нести какие-либо дополнительные затраты в пользу государства или какого-либо иного субъекта, обусловленные фактом осуществления инновационной деятельности.

Принцип признания многообразия проявлений инновационной деятельности означает, что каждый субъект, осуществляющий деятельность, представляющую собой любое из конкретных проявлений инновационной деятельности, должен рассматриваться национальным законодательством в качестве осуществляющего инновационную деятельность в целом. Это должно касаться и субъектов, осуществляющих научные исследования, и субъектов, внедряющих инновации в производство, и субъектов, осуществляющих продвижение новых продуктов, технологий или услуг на внутренний или мировой рынок, и субъектов, пропагандирующих новые научные достижения, и других субъектов, осуществляющих инновационную деятельность в иных ее проявлениях.

Принцип признания инновационной деятельности как общественной ценности предполагает непрерывную работу по наполнению действующих в стране нормативных правовых актов положениями, ориентированными на ее всяческую поддержку. Особо следует подчеркнуть, что это касается и тех нормативных правовых актов, которые составляют базис национального законодательства, что предполагает закрепление в перспективе ряда соответствующих норм на конституционном уровне. Кроме того, указанный принцип предполагает активную пропаганду осуществления инновационной деятельности посредством использования широкого спектра правовых средств.

Принцип государственной поддержки осуществления инновационной деятельности, единства и системности такой поддержки означает необходимость активного осуществления государством инновационной политики, принятия в рамках реализации указанной политики решений, направленных на стимулирование инновационной деятельности в стране, закрепляемых в соответствующих правовых нормах. При этом системный характер государственной инновационной политики объективно обуславливает системность норм инновационного законодательства, ориентированных на поддержку инновационного развития страны. В свою очередь, единство указанных норм призвано проявляться в реализации ключевой целевой установки инновационной политики государства – активизации инновационной деятельности в стране.

Принцип признания многообразия источников финансирования инновационной деятельности предполагает законодательное закрепление возможностей для финансирования указанной деятельности как за счет государства, так и за счет средств физических и юридических лиц.

Принцип стимулирования конкуренции в национальной экономике на инновационной основе означает необходимость законодательного закрепления мер специальной поддержки в отношении производителей, выходящих на рынок с инновационной продукцией. Особо необходимо отметить необходимость и целесообразность данной меры в отношении малых и средних предприятий. Регулируя общественные отношения в соответствии с указанным принципом, нормы инновационного законодательства будут способствовать как реализации интересов потребителей на соответствующем рынке, препятствуя возникновению монополизма, так и осуществлению инновационной деятельности тех субъектов хозяйствования, которые занимают ведущие позиции.

Принцип неотвратимости ответственности в случаях совершения правонарушений, препятствующих инновационному развитию общества, посягающих на права и законные интересы инноваторов, предполагает неизбежность применения предусмотренных нормами инновационного законодательства мер в отношении виновных физических и юридических лиц.

Принцип развития международного сотрудничества в инновационной сфере означает законодательное закрепление возможностей для такого сотрудничества, предполагает регламентацию нормами инновационного законодательства порядка реализации совместных с другими государствами инновационных проектов.

Принцип обеспечения многоуровневого подхода к развитию инновационного законодательства предполагает ведение работы по формированию и развитию как на общереспубликанском, так и на местном уровнях нормативно-правовой базы, способствующей инновационному развитию Республики Беларусь. Кроме того, данный принцип охватывает своим содержанием участие Беларуси в межгосударственных интеграционных организациях, иных объединениях государств по совместной разработке и введению в действие формальных правил, ориентированных на поддержку развития инновационной деятельности.

Принцип комплексности работы государственного аппарата по развитию инновационного законодательства означает необходимость постоянной координации и эффективного взаимодействия между органами государственной власти и управления Республики Беларусь в процессе их работы по формированию положений нормативных правовых актов государства, способствующих развитию белорусского общества на инновационной основе. В частности, обозначенный принцип предполагает тесное взаимодействие между Президентом Республики Беларусь, Национальным собранием Беларуси, Советом Министров республики, республиканскими министерствами и ведомствами в процессе подготовки и принятия законов, иных нормативных правовых актов, образующих инновационное законодательство Республики Беларусь. Эффективная реали-

зация на практике указанного выше принципа предполагает также слаженность и динамичность работы Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь в части предварительной экспертизы и оценки положений проектов актов инновационного законодательства республики, которые предполагается ввести в действие.

Принцип поддержки экспортной ориентации инновационной деятельности белорусских предприятий означает необходимость установления на законодательном уровне норм, стимулирующих поставки на зарубежные рынки инновационной продукции, производимой отечественными субъектами хозяйствования. Акты инновационного законодательства Республики Беларусь в данном случае должны закреплять целостную систему льгот и гарантий со стороны белорусского государства в отношении предприятий – экспортеров инновационной продукции.

Принцип приоритетной поддержки высокотехнологичных отраслей и производств предполагает установление в Беларуси правовых норм, предусматривающих режим приоритетной поддержки производств, относящихся к пятому и шестому технологическим укладам. Такой режим приоритетной поддержки высокотехнологичных отраслей и производств предполагает комплекс соответствующих мер, включая меры налогового стимулирования, непосредственной финансовой поддержки со стороны государства, защитные ограничения протекционистского характера.

Принцип активного стимулирования частного капитала, финансирующего инновационную деятельность, означает необходимость закрепления в рамках национального законодательства норм, ориентированных на создание заинтересованности у частных инвесторов в финансировании научных исследований и разработок, внедрения и освоения инновационной продукции, их участия в реализации венчурных проектов.

Принцип поддержки осуществления инновационной деятельности физическими лицами предполагает установление в стране правовых норм, вызывающих интерес со стороны отдельных индивидуумов к приложению на практике того интеллектуального потенциала, которым они обладают. Прежде всего речь в данном случае следует вести о постоянном совершенствовании законодательства Республики Беларусь, регламентирующего отношения интеллектуальной собственности, а также о поддержке на законодательном уровне изобретательства и рационализаторства.

Принцип поддержки инновационно ориентированных иностранных инвестиций в экономику республики означает необходимость законодательного закрепления такой организации всей национальной политики Беларуси в области привлечения в страну иностранных инвестиций, при которой те иностранные инвесторы, которые реализуют в Беларуси проекты, связанные с созданием и внедрением инноваций, имеют наивысший уровень благоприятствования своей деятельности со стороны государства.

Принцип поддержки интеграционных тенденций в сфере развития инновационной деятельности на постсоветском пространстве предполагает тесную координацию процесса развития национальной законодательной базы, способствующей поддержке создания и внедрению инноваций в Республике Беларусь, с процессами развития соответствующих законодательных баз в других республиках бывшего СССР. В первую очередь, целесообразно вести речь о координации работы по развитию законодательства об инновационной деятельности с Российской Федерацией, Республикой Казахстан, иными государствами – участниками формирующегося Евразийского союза.

Комплексная реализация обозначенных выше принципов должна быть ориентирована в конечном итоге на то, чтобы общественные отношения, составляющие предмет регулирования инновационного законодательства, непрерывно развивались и качественно совершенствовались. При этом, как справедливо отмечает С.Г. Дробязко, совершенствование инновационного законодательства должно выражаться прежде всего в приведении его в соответствие с задачами, которые стоят перед тем или иным госу-

дарством на соответствующем этапе его развития, т.е. в обновлении инновационного законодательства, подготовке и издании актов, отвечающих современной политике определенного государства, опирающейся на объективные закономерности развития общества [7; 8].

Заключение

Исследование правотворческой формы реализации инновационной функции белорусского государства позволяет более полно, глубоко и всесторонне осмыслить ее природу, содержание и общественное предназначение, а также создать предпосылки для повышения эффективности реализации указанной функции в условиях Республики Беларусь и совершенствования отечественного инновационного законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степаненко, Д. М. Инновационная функция государства и ее содержательные характеристики / Д. М. Степаненко // Рос. юстиция. – 2017. – № 12. – С. 41–44.
2. Байтин, М. И. Сущность и основные функции социалистического государства / М. И. Байтин. – Саратов : Саратов. гос. ун-т, 1979. – 302 с.
3. Бухтерева, М. А. Формы реализации функций государства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М. А. Бухтерева. – М. : Акад. упр. М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2002. – 202 л.
4. Бабаев, С. В. Теория функций современного Российского государства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С. В. Бабаев. – Н. Новгород : Нижегород. акад. М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2001. – 201 л.
5. Теория государства и права : учебник для студ. высш. учеб. заведений / А. С. Пиголкин [и др.] ; под ред. А. С. Пиголкина. – М. : Юрайт, 2007. – 613 с.
6. Степаненко, Д. М. Инновационное право как комплексная отрасль законодательства / Д. М. Степаненко // Закон и право. – 2013. – № 3. – С. 17–22.
7. Дробязко, С. Г. Роль законодательства в создании материально-технической базы коммунизма / С. Г. Дробязко. – Минск : Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1971. – 140 с.
8. Дробязко, С. Г. Право и коммунизм : учеб. пособие / С. Г. Дробязко. – Минск : Выш. шк., 1975. – 144 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.02.2018

Stepanenko D.M. The Law-Making Form of Realization of the Innovation Function of the Belarusian State

The purpose of the research is to substantiate the law-making form of realization of the innovation function of the Belarusian state. The basic characteristics and features of the law-making form of realization of the innovation function of the state are established. It is proved that the activity of the state within the framework of the law-making form of realization of its innovation function underlies the entire process of legal regulation of innovation activity in the country. The main groups of social relations that constitute the subject of regulation of the innovation legislation are singled out. The basic principles of the innovation legislation of the Republic of Belarus are substantiated.

C.М. Храмов

канд. юрид. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: crimlaw_515@brsu.brest.by

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОХОТНИЧЬЕГО ОРУЖИЯ

На основе анализа судебной практики намечаются пути совершенствования превентивных мер профилактики преступлений, совершаемых с применением охотничьего оружия. Для осуществления комплексного криминологического, криминалистического и уголовно-правового анализа вводятся понятия «минимальная ЛП-система», «ЛП-анализ», дается характеристика и раскрывается содержание этих терминов. Делается вывод о целесообразности раннего выявления лиц с девиантным поведением.

Введение

Увлечение охотой – один из видов активного времяпрепровождения. Но для охоты необходимы соответствующее снаряжение, оружие, подготовка. Законодательство не запрещает гражданам иметь в собственности охотниче оружие. Целевое предназначение охотничьего оружия – исключительно охота: любительская и промысловая. По данным Информационного центра УВД Брестского облисполкома, по состоянию на 01.03.2018 в Брестской области насчитывалось 13 407 владельцев огнестрельного охотничьего оружия [1, с. 5]. Большая часть из них проживают в городах: Бресте – (2 623 человек, или 19,5 % от общего количества владельцев огнестрельного охотничьего оружия в Брестской области), Барановичи (1 129 человек, или 8,4 %) и Пинске (821 человек, или 6,1 %).

Поскольку охотниче оружие должно использоваться для охоты, оно относится к категории гражданского оружия. Одна из задач правоохранительных органов в связи с этим – предупреждение преступлений, которые могут быть совершены с применением охотничьего оружия. Однако такие преступления все же совершаются. Например, согласно сведениям УВД Брестского облисполкома о количестве преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, зарегистрированных на территории Брестской области в 2015 г., неосторожное преступление было совершено в Ганцевичском районе [1, с. 3]. Оно было квалифицировано по ст. 144 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь, предусматривающей уголовную ответственность за причинение смерти по неосторожности [2].

Примеры из судебной практики

Как показывает правоприменительная и судебная практика, охотниче оружие не всегда используется по назначению. И последствия при этом могут быть самые тяжелые. Так, в деревне Каменная Горка Минского района 11.09.2015 ранее судимый 60-летний мужчина во время возникшей ссоры застрелил из обреза охотничьего ружья двух женщин [3]. Через некоторое время преступник, понимая тяжесть содеянного, повесился. Иногда особо тяжкие последствия наступают по причине роковой ошибки. Например, в ночь на 25.07.2015 в районе г. Ганцевичи Брестской области во время охоты один из охотников, не убедившись в наличии действительной цели (охотились на кабана), произвел выстрел из охотничьего карабина. В результате неосторожного выстрела был убит второй охотник.

Правила безопасной охоты

Действующее законодательство предусматривает правила безопасной охоты. Их соблюдение – гарантия предотвращения трагических случаев. Согласно п. 152 Правил ведения охотничьего хозяйства и охоты (далее – Правил) [4], запрещается производить стрельбу на шум, шорох, по неясно видимой цели, в тумане, в сильный снегопад, в сумерках, против солнца и при других условиях плохой видимости. Кроме того, охотник может производить стрельбу только предварительно убедившись в том, что в направлении выстрела нет людей (п. 159 Правил).

Правовое регулирование оборота охотничьего оружия

В целом правовое регулирование оборота охотничьего оружия осуществляется в соответствии с требованиями Закона Республики Беларусь «Об оружии» [5]. В этом же нормативном правовом акте следует искать ответы на вопросы, связанные с профилактикой преступлений, совершаемых с применением охотничьего оружия. Например, для того чтобы иметь собой право на приобретение охотничьего оружия, гражданин Республики Беларусь должен не только постоянно проживать в стране, но и не быть подвергнутым административному взысканию по делам об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил ведения охотничьего хозяйства и охоты, правил учета, хранения, использования, перевозки или пересылки оружия и боеприпасов, с незаконными приобретением, передачей во владение, хранением, перевозкой, пересылкой или ношением оружия и боеприпасов, со стрельбой из огнестрельного оружия в населенном пункте или в месте, не предназначенном для стрельбы, с уклонением от реализации огнестрельного оружия или боеприпасов в случае аннулирования разрешения на их хранение. Должно быть предварительно получено в установленном порядке право на охоту.

Некоторые способы получения информации о профилактируемом лице

На практике встречаются ситуации, когда лица, владевшие первоначально на законном основании охотничьи оружием, впоследствии это право утрачивают, к примеру, по причине заболеваний или изменений в физическом состоянии, при наличии которых противопоказано владение оружием. Криминологически значимые изменения в состоянии здоровья могут иметь определенный латентный период, а потому должны своевременно выявляться. Такая информация может быть получена, например, при проведении участковым инспектором милиции или другим уполномоченным сотрудником ОВД профилактических бесед.

Согласно п. 16.5 Инструкции по организации деятельности участкового инспектора милиции, участковый инспектор обязан «осуществлять ежегодную проверку условий хранения гражданского, наградного оружия и боеприпасов к нему по месту жительства его владельцев» [6]. Для выполнения этой обязанности участковый инспектор милиции составляет Список владельцев гражданского, наградного оружия и боеприпасов к нему (далее – Список), где указываются:

- 1) № п/п;
- 2) фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется);
- 3) место жительства (место пребывания), телефон;
- 4) срок действия разрешения;
- 5) вид оружия (нарезное, гладкоствольное, газовое) марка, номер, калибр;
- 6) дата проверки.

Этот Список помещается в паспорт административного участка.

Как установлено ст. 24 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», «профилактическая беседа – устное разъяснение

гражданину общественной опасности подготовки и совершения правонарушений, правовых последствий, наступающих в результате совершения правонарушений, а также убеждение гражданина в недопустимости их совершения» [7]. Профилактическая беседа в обязательном порядке проводится с гражданином, «поведение которого в общественных местах, по месту жительства, работы, учебы либо образ жизни дают основание полагать о возможности совершения им правонарушения» (ст. 24 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»).

Профилактические беседы, относящиеся к мерам индивидуальной профилактики правонарушений, целесообразно проводить по заранее составленному перечню вопросов (чек-листу). Ответы на вопросы помогут установить изменения в образе жизни, привычках, склонностях, круге общения лиц, владеющих на законных основаниях охотничьим оружием. Интересующая информация добывается в результате общения с владельцами охотничьего оружия и с их ближайшим окружением (родственниками, соседями, другими охотниками). В процессе профилактической беседы участковый инспектор милиции или сотрудник разрешительной системы ОВД может визуально определить степень адекватности и здравомыслия человека, образ его жизни, мировоззрение, ход рассуждений, уровень агрессивности, наличие обид, конфликтных ситуаций, намерений по их разрешению и т.п.

При необходимости должностное лицо ОВД вправе составить протокол о проведении соответствующей профилактической беседы. Этот протокол подписывается гражданином, с которым проведена профилактическая беседа, и должностным лицом, проводившим профилактическую беседу. «В протоколе делается запись о разъяснении прав и обязанностей гражданину, с которым проведена профилактическая беседа» (ст. 25 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»).

Если на момент проведения профилактического мероприятия владелец охотничьего оружия по каким-либо причинам отсутствует по месту жительства, необходимо пообщаться по интересующим вопросам с членами его семьи и ближайшими соседями. Однако в этом случае беседу с непосредственно профилактируемым лицом целесообразно не откладывать надолго, а осуществить ее в ходе повторного посещения места жительства охотника.

Нелишним будет ознакомительный просмотр личных аккаунтов охотников в социальных сетях. По содержащейся там информации можно сформировать первоначальное впечатление о человеке. Иногда довольно точное. Например, после того как подросток из винтовки расстрелял 17 школьников во Флориде 15 февраля 2018 г., полиция начала изучать его социальные сети. По словам шерифа, полиция увидела там много того, что вызвало озабоченность. Очевидно, что поводы волноваться, заподозрить неладное и, возможно, предотвратить трагедию были. «Он все время был подавлен, говорил об оружии и часто пытался скрыть лицо», – вспоминает один из знакомых стрелка по школе» [8]. Проблема заключается в том, что социальные сети подростка были изучены после совершения преступления. Если бы это было сделано заранее, то, возможно, трагедию удалось бы предотвратить. Кстати, город Паркленд, где произошла трагедия, по итогам 2017 г. был признан самым безопасным городом Флориды.

Для приблизительной оценки потенциальной возможности противоправного поведения со стороны лиц, на законных основаниях владеющих охотничьим оружием, может быть составлена шкала баллов. Например, от 0 до -100. Чем ниже количество баллов по данной оценочной шкале, тем более вероятна склонность профилактируемого лица к девиантному поведению. Количество баллов от -20 и более должно служить безусловным основанием для усиления профилактического воздействия.

Интенсивность такого воздействия также можно условно обозначить в баллах, которые суммарно должны превосходить примерно в 2–3 раза отрицательные баллы профилактируемого. Это необходимо для того, чтобы профилактическая работа с большей степенью вероятности достигла своей цели.

Например, если подсчитано, что по шкале баллов профилактируемое лицо «купустилось» до –20, то планируемые профилактические мероприятия суммарно должны равняться примерно +40–60 баллам. Для этого необходимо воспользоваться комплексом мер, предусмотренных Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [7]. К числу таких мер могут относиться следующие меры индивидуальной профилактики правонарушений:

- 1) профилактическая беседа;
- 2) официальное предупреждение;
- 3) профилактический учет;
- 4) защитное предписание;
- 5) иные меры, предусмотренные законодательными актами.

Перечисленные меры субъектов профилактики направлены на оказание корректирующего воздействия в целях недопущения совершения правонарушений.

Для оценки по шкале баллов могут быть выбраны такие критерии:

- 1) характеристика по месту жительства, полученная в первую очередь в результате бесед с соседями и проживающими совместно близкими родственниками;
- 2) степень конфликтности в семье, во взаимоотношениях с соседями, малознакомыми и незнакомыми лицами;
- 3) соблюдение правил хранения охотничьего оружия; склонность к злоупотреблению спиртными напитками;
- 4) наличие подтвержденных случаев употребления наркотических средств, прекурсоров, психотропных веществ и их аналогов;
- 5) совершенные административные правонарушения (особенно мелкое хулиганство);
- 6) задокументированные факты нарушения дисциплины по месту работы (службы);
- 7) наличие домашних животных (замечено, что владельцы кошек или котов как правило более склонны к компромиссам в конфликтах и менее агрессивны, чем владельцы бойцовских пород собак).

Перечень этих критериев может быть расширен и уточнен.

Традиционно хорошие результаты дают оперативно-профилактические специальные комплексные мероприятия «Арсенал». Так, во время очередного такого рейда, проведенного в Республике Беларусь в период с 19 по 23 марта 2018 г., «выявлено более 420 административных правонарушений, а также зарегистрировано 42 уголовно наказуемых деяния в сфере оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ». Во время этого мероприятия сотрудники милиции тщательно проверяли условия, в которых граждане хранят зарегистрированное оружие. В результате из незаконного оборота «изъято более 20 тыс. боеприпасов различного калибра, 625 единиц зарегистрированного и 302 единицы незарегистрированного оружия». Так, «дома у мужчины из деревни Отвержичи Столинского района милиционеры нашли незарегистрированное охотничье ружье ТОЗ-54, более 90 патронов различного калибра и 190 грамм пороха. Оружие и боеприпасы изъяты». Кроме того, добровольно в органы внутренних дел «граждане сдали 582 единицы незарегистрированного оружия, 796 единиц зарегистрированного оружия и свыше 192 тыс. боеприпасов». Например, житель деревни Липск 22 марта 2018 г. «пришел в Ганцевичский РОВД с незарегистрированным охотничьим ружьем ИЖ-54, обнаруженным в лесу. Еще одну находку сдал сельчанин из Березовского района: 23 марта мужчина принес в РОВД незарегистрированную винтовку Мосина» [9].

Минимальная ЛП-система

Для удобства проведения анализа, направленного на выработку оптимальных мер профилактики преступлений, включая противоправные деяния, совершаемые с применением охотничьего оружия, введем новый термин. Требования к нему таковы: он должен упрощать, а не усложнять подготовительную стадию профилактической работы; конкретизировать исследовательское поле, а не расширять его; обозначать минимальную систему личностных качеств человека, его поступков, намерений, желаний.

Объединяющим обозначением любого человека (мужчины, женщины, несовершеннолетнего, гражданина, лица без гражданства и т.д.) является «лицо». Любые качества и поступки (действия) лица образуют вокруг него своеобразное энергетическое, деятельное «поле», которое может быть направленным как положительно, так и отрицательно, т.е. с преобладанием положительных или негативных, осуждаемых обществом элементов поведения. В широком смысле «поле» в данном контексте обозначает набор действий, качеств, поведенческих стереотипов, привычек, манер лица. В узком, концентрированном значении – только те действия, которые ведут к преступному результату. Объединив термины «лицо» и «поле», получаем аббревиатуру «ЛП» (рисунок 1).

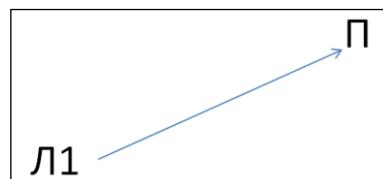

Рисунок 1. – «ЛП»

Аналогом «ЛП» в технических системах является термин «веполь» (от слов «вещество» и «поле»), введенный в свое время гениальным изобретателем и новатором, создателем теории решения изобретательских задач Г.С. Альтшуллером [10, с. 93].

Непосредственное, прямое воздействие на профилактируемое лицо не во всех случаях позволяет добиться нужных результатов. Для расширения профилактических возможностей схематично определим минимальную ЛП-систему.

Минимальную ЛП-систему составляют два лица и поле (рисунок 2):

- 1) Л1 («посягающий»);
- 2) Л2 («посягаемый», тот, на кого направлено посягательство, либо лицо, заявившее о наличии посягательства);
- 3) П («поле») – взаимодействие между ними, заключающееся в проявлении активности или результаты бездействия (слова, жесты, манипуляции в виртуальном пространстве, действия, орудия нападения, средства защиты и т.д., в том числе охотниче оружие).

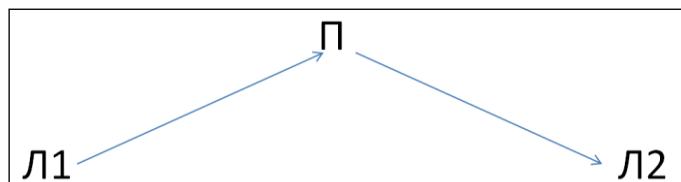

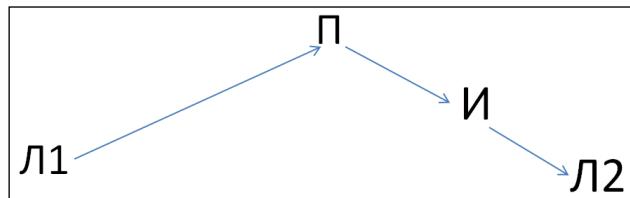
Рисунок 2. – Минимальная ЛП-система

Итак, минимальная ЛП-система = Л1 + П + Л2.

«ЛП» может быть как положительно характеризуемым, так и отрицательно. «ЛП» со знаком «минус» – совершающий деяние человек, у которого отрицательные личностные качества превалируют. Но дихотомическое деление позволяет предположить,

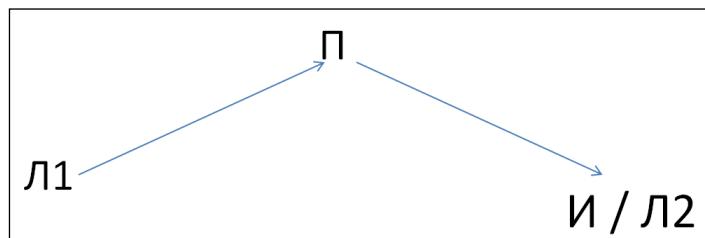
что такого в ЛПС может и не оказаться. Особенно это характерно для неосторожных преступлений, совершенных с применением охотничьего оружия.

Если речь идет об имущественных преступлениях, то вред «Л2» причиняется не напрямую, а, например, вследствие противоправного завладения имуществом или повреждения имущества. В этом случае в формуле минимальной ЛП-системы на условном векторе от «П» к «Л2» дополнительно появляется «И» («имущество») (рисунок 3).

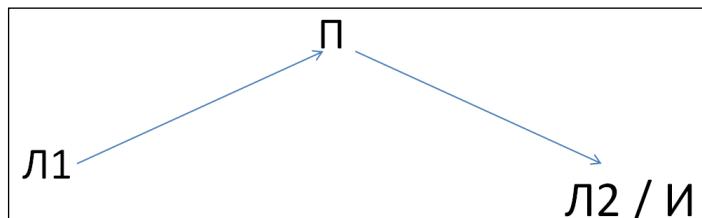
Рисунок 3. – Вариант 2 минимальной ЛП-системы (имущественной)

Если совершается открытое похищение имущества (грабеж) или разбойное нападение, то в формуле минимальной ЛП-системы элемент «И» расположен в одном ряду с «Л2» (рисунок 4).

Рисунок 4. – Вариант 3 минимальной ЛП-системы (имущественной)

При вымогательстве «И» в схеме минимальной ЛП-системы располагается после «Л2» (рисунок 5).

Рисунок 5. – Вариант 4 минимальной ЛП-системы (имущественной)

По своему содержанию «П» всегда включает «И», в том числе стоящее за «Л2», как в случаях с вымогательством. Для упрощения схематичного изображения минимальной ЛП-системы можно предполагать «И» в качестве элемента «П», но не указывать обособленно в начальной формуле. Имущество как элемент минимальной ЛП-системы может появиться в процессе анализа.

Выделение подобных элементов – первый шаг комплексного криминологического, криминалистического и уголовно-правового ЛП-анализа, который предлагается в качестве нового инструмента для решения практических задач профилактики преступлений. ЛП-анализ позволяет выявить, предусмотреть различные варианты взаимодействия объектов профилактики, а также всевозможных материальных объектов в ши-

роком смысле. Огнестрельное оружие, являясь орудием преступления, в ЛП-анализе относится к материальному объекту.

При проведении первого этапа ЛП-анализа с целью предупреждения преступлений, совершаемых с применением охотничьего оружия, первоначально необходимо выделять:

- 1) «Л1» – лицо, на законных основаниях или незаконно владеющее ружьем;
- 2) «Л2» – лицо, в отношении которого может быть совершено умышленное или неосторожное преступление с применением охотничьего оружия;
- 3) «Π» – поле (область взаимодействия «Л1» и «Л2»), включающее в качестве элемента охотничье ружье.

Такая минимальная ЛП-система при рассмотрении преступлений, совершаемых с применением охотничьего оружия, является наиболее типичной. Ее можно распознать там, где имеются достоверные данные хотя бы об одном из элементов этой системы, например об охотничьем ружье. С этой точки зрения наличие у лица охотничьего ружья, даже на законных основаниях, автоматически налагает на него как на субъекта профилактики определенные обязательства по недопущению противоправного использования данного оружия.

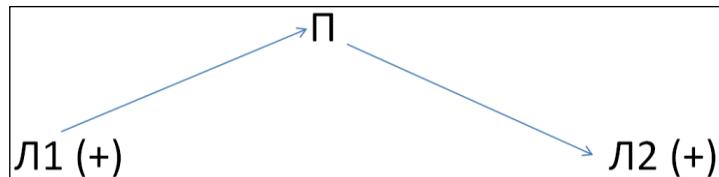
Пример задачи на построение и анализ минимальной ЛП-системы

У 38-летнего городского жителя гр-на А. на законных основаниях имеется во владении охотниче ружье. Он характеризуется положительно, и формальных оснований для проведения с ним профилактической работы не имеется. Но сам факт владения ружьем предполагает знание А. всех нюансов применения оружия на охоте. Гр-н А. предпочитает ездить на охоту с гр-ном Б, который также характеризуется положительно. Данный факт хорошо известен окружающим и сотруднику разрешительной системы. Никаких опасений поведение А. и Б. ни у кого не вызывает. Даже при такой благоприятной ситуации составление минимальной ЛП-системы подсказывает пути, по которым может проводиться профилактическая работа.

Как известно, правильно построенная модель на порядок увеличивает шансы решения задачи. Составим минимальную ЛП-систему, исходя из предположения о возможном посягательстве А. на Б. Ее элементами будут:

- 1) «Л1» (по условиям задачи – гр-н А);
- 2) «Л2» (по условиям задачи – гр-н Б),
- 3) «Π» (по условиям задачи – охотниче ружье).

Так как гр-не А. и Б. характеризуются положительно, то «Л1» и «Л2» в минимальной ЛП-системе со знаком «плюс» (рисунок 6).

Рисунок 6. – Положительная минимальная ЛП-система

Построенная модель, или минимальная ЛП-система, имеет свои индивидуальные характеристики. Прежде всего она является положительной благодаря плюсовой характеристике «Л1» и «Л2». Ответ на вопрос, имеются ли основания для профилактики возможного преступления со стороны А. с применением охотничьего оружия, на первый взгляд, очевиден. Поскольку оба характеризуются положительно, их поведение не-

девиантное, таких оснований не имеется. Но во избежание ошибки подробнее остановимся на понятии «преступление».

В соответствии с ч. 1 ст. 11 УК Республики Беларусь, «преступлением признается совершенное виновным общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными настоящим Кодексом, и запрещенное им под угрозой наказания» [2]. Формами вины являются умысел и неосторожность. Согласно ч. 1 ст. 23 УК Республики Беларусь, «преступлением, совершенным по неосторожности, признается общественно опасное деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности».

По условиям задачи оснований опасаться совершения умышленного преступления со стороны А. или Б. не имеется. Чего не скажешь о неосторожности.

ЛП-анализ сразу же выявил данный критически важный момент, на котором должна быть сосредоточена профилактическая работа в отношении А., – соблюдение правил обращения с оружием. Содержанием такой работы может быть акцентирование внимания на необходимости согласованности действий во время охоты в лесу, внимательности, соблюденииальнойной предусмотрительности, а также выработка навыков обоснованной убежденности в безопасности своих действий. Особенно необходимо быть осторожным при ночной охоте, когда действие случайных факторов значительно усиливается.

Если такая точечная профилактическая работа не будет проведена, положительная ЛП-система может дать сбой. Данный вывод неоднократно подтверждался практикой. Вот один из примеров: в ночь на 20 июля 2014 г. житель г. Ивацевичи убил на охоте из охотничьего ружья своего младшего брата, приняв его за дикое животное. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 144 (причинение смерти по неосторожности) УК Республики Беларусь [11].

Индикаторы необходимости проведения профилактической работы

Склонность к злоупотреблению спиртными напитками, агрессивность, конфликтность в отношениях с другими людьми – совокупность значимых индикаторов того, что необходимо незамедлительно применять в отношении носителя таких качеств («Л1») меры индивидуальной профилактики. Дополнительными факторами необходимости проведения профилактической работы с владельцами огнестрельного оружия является чрезмерная раздражительность, ухудшение психологического состояния во время непогоды.

Виктимологическая составляющая ЛП-анализа

Нужно также прилагать усилия по выявлению потенциальной жертвы («Л2»). Потенциальных жертв может быть много. После выявления примерного круга лиц необходимо осуществлять с данной категорией раннюю виктимологическую профилактику.

Пример: 26.04.2016, около 23 ч 05 мин, после конфликта между местными жителями, в ходе которого одному из участников инцидента были причинены телесные повреждения, было совершено особо тяжкое преступление. Гр-н М. – брат побитого участника конфликта – из своего охотничьего гладкоствольного одноствольного ружья марки ИЖ-81, 1996 г. выпуска, 12 калибра, снаряженного пятью охотничими патронами, произвел два выстрела с расстояния примерно 3–4 м в двух убегавших участников конфликта. В результате один из потерпевших скончался в больнице, а второй – на месте происшествия. После этого М. с расстояния примерно 8–10 м произвел еще один выстрел в убегавшего третьего участника конфликта. Он остался жив, поскольку «смог убежать с места происшествия и ему была оказана своевременная медицинская помощь» [12]. Из показаний гр-на М., данных им в процессе предварительного следствия,

следует, что у него бывают «периодические головные боли, снижение памяти, раздражительность, нарушение сна, плохое зрение, непереносимость шума, ухудшение состояния во время непогоды» [12]. Как видно, имелись веские основания для профилактической работы с М. до совершения им преступлений. Кстати, похожая сцена показана в культовом фильме конца 1990-х «Брат». Эпизоды насилия в художественных фильмах всегда несут потенциальный риск того, что некоторые неустойчивые лица захотят отождествить себя с главным героем и в реальности повторить модель его поведения.

В ряде случаев орудие преступления (оружие) не было зарегистрировано, но хранилось по месту жительства. Например, 11.02.2017, около 13 ч 40 мин, в деревне Константово Сенненского района Витебской области 63-летний мужчина в состоянии алкогольного опьянения, поссорившись с 46-летним мужем своей дочки, «взял принадлежащее ему незарегистрированное охотничье ружье и вышел с ним на улицу. Во дворе дома он выстрелил в область живота своему зятю. От полученных телесных повреждений мужчина скончался» [13].

В описанной ситуации налицо пробел в профилактической работе, направленной на выявление незарегистрированного охотничьего оружия, а также на предупреждение семейно-бытовых конфликтов. Содеянное квалифицировано как умышленное убийство. Отдельной квалификации подлежат незаконные действия в отношении охотничьего оружия и боеприпасов к нему. В отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Совершенное с применением охотничьего оружия преступление является тем фактическим материалом, который необходимо наиболее полно использовать в дальнейшем при проведении профилактических мероприятий с целью выявления предпосылок преступного поведения на ранних стадиях и недопущения подобных прецедентов впредь. В процессе предварительного расследования должны выявляться причины и условия, повлиявшие на совершение преступления, приниматься меры по их устранению. На практике расследование уголовного дела заканчивается составлением соответствующего представления, в котором указывается срок устранения выявленных недостатков. Оставление такого представления без рассмотрения влечет юридическую ответственность.

Заключение

1. Дальнейшее совершенствование профилактики преступлений, совершаемых с применением охотничьего оружия, может идти по пути раннего выявления лиц, чье поведение носит явные признаки отклоняющегося.

2. Если умышленное преступление с применением охотничьего орудия все же совершено, то следует оперативно установить причины произошедшего. Очевидно, что субъектами профилактики в этом случае не были своевременно выявлены признаки девиантного поведения виновного лица. Если же такое лицо состояло на профилактическом учете, то принятые в отношении него предупредительные меры профилактики оказались недостаточными.

3. Для целей профилактики преступлений, в том числе совершаемых с применением охотничьего оружия, перспективным является проведение криминологического ЛП-анализа, понятие о котором впервые введено в настоящей статье.

4. Как и в любой системе, в минимальной ЛП-системе изменение любого из ее элементов ведет к коррекции системы в целом. Отсутствие в схеме минимальной ЛП-системы любого из элементов свидетельствует о том, что преступления совершено не было.

5. Посредством криминологического анализа минимальной ЛП-системы возможно проведение экспресс-диагностики той или иной потенциально криминогенной ситуации. Такая диагностика может быть построена на фиксации положительно или отри-

цательно превалирующих качеств «Л1» и «Л2». Если у «Л1» преобладают качества со знаком «плюс», то необходимо акцентировать внимание на профилактике неосторожных преступлений. Если «Л1» с явным «минусом», то его поведение следует корректировать посредством принятия мер профилактики с целью недопущения умышленных преступлений. Отрицательный показатель «Л2» свидетельствует о наличии виктимности в его поведении.

6. Выделив в настоящей статье минимальную криминологическую ЛП-систему, следует сказать о существовании, как минимум, еще двух видов минимальных ЛП-систем – криминалистической и уголовно-правовой. Данные характеристики также вводятся впервые. Особенность криминалистической минимальной ЛП-системы заключается в том, что ее построение направлено в первую очередь на раскрытие преступлений, включая совершенных с применением охотничьего оружия. Предупредительная функция имеет в криминалистической минимальной ЛП-системе факультативное значение. Имея схематичное изображение противоправного деяния, намного легче давать уголовно-правовую квалификацию сложным случаям (уголовно-правовая минимальная ЛП-система).

7. Наряду с минимальной ЛП-системой существуют сдвоенная ЛП-система (бисистема), а также ЛП-полисистема и ЛП-подсистема.

8. Ценность предлагаемого нового вида криминологического анализа в том, что построение ЛП-системы позволяет на первоначальном этапе в общих чертах оценить складывающуюся ситуацию, провести экспресс-анализ решаемой проблемы. Данний подход не требует никаких дополнительных материальных затрат, компьютерной техники и специальных условий. Единственное, что необходимо и достаточно для проведения криминологического ЛП-анализа при наличии необходимых фактических данных – интеллектуальные усилия, которые будут вознаграждены предупреждением преступлений.

9. Совершение любого аморального (не говоря уже о противоправном) поступка должно сразу же служить сигналом необходимости немедленного усиления профилактического воздействия со стороны субъектов профилактики. Если же преступление с использованием охотничьего оружия все же совершено, то говорить о профилактике уже поздно. Она оказалась неэффективной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сведения о преступлениях, зарегистрированных на территории Брестской области, совершенных с применением огнестрельного оружия, а также сведения о количестве владельцев охотничьего оружия, зарегистрированных в ОВД области на 01.03.2018 г. : данные ИЦ УВД Брест. облисполкома от 26.03.2018 г., исх. № 5/3667. – Брест, 2018. – 5 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-3 : ред. от 18.07.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Боровой, А. Розыск: мужчина совершил двойное убийство под Минском и скрылся [Электронный ресурс] / А. Боровой. – Режим доступа: <https://people.onliner-by/2015/09/11/rozysk>. – Дата доступа: 06.06.2017.

4. Правила ведения охотничьего хозяйства и охоты [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 08.12.2005 г., № 580 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь, 01.12.2014 г., № 552 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 05.12.2013 г., № 551 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г., № 358-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Об утверждении Инструкции по организации деятельности участкового инспектора милиции [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 24.01.2012 г., № 20 : ред. от 30.03.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 04.01.2014 г., № 122-З : в ред. от 09.01.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8. Массовое убийство в США: подросток расстрелял 17 школьников во Флориде [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/201802-15/1514657862.html>. – Дата доступа: 15.02.2018.

9. Бецко, Е. Свыше 900 единиц оружия изъято за время проведения «Арсенала» [Электронный ресурс] / Е. Бецко // УИОС МВД. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=186815>. – Дата доступа: 28.03.2018.

10. Альтшуллер, Г. С. Найти идею. Введение в ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач / Г. Альтшуллер. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 400 с.

11. Житель Ивацевич убил своего брата, приняв его за дикое животное – идет следствие [Электронный ресурс] // УСК по Брестской области. – 2017. – Режим доступа: <http://sk.gov.by/ru/news-usk-brest-ru/view/zhitel-ivatsevich-ubil-svoego-brata-prinjav-ego-za-dikoe-zhivotnoe-idet-sledstvie-71/>. – Дата доступа: 27.01.2018.

12. Архив Верховного Суда Республики Калмыкия за 2017 г. – Уголовное дело № 2-1/2017.

13. Тихонова, А. В Сенненском районе сельчанин застрелил приехавшего в гости зятя из охотничьего ружья [Электронный ресурс] / А. Тихонова. – Режим доступа: <http://m.belta.by/incident/view/v-sennenskom-rajone-selchanin-zastrelil-priehavshego-v-gosti-zyatja-iz-ohotnichjego-ruzhjja-233215-2017>. – Дата доступа: 06.01.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.03.2018

Chramov S.M. Areas of Prevention of Crime, Committed with the use of Hunting Weapons

The article deals with the problematic issues of preventing crimes committed with the use of hunting weapons. Based on the analysis of judicial practice, ways of improving the preventive impact in this area are outlined. For the implementation of complex criminological, forensic and criminally-legal analysis, the author introduces the concepts «minimal LP-system», «LP-analysis», describes and discloses the content of these terms. The conclusion is made about the expediency of early detection of persons with deviant behavior.

УДК 349.6(476)(075.8)

Г.И. Зайчук

канд. юрид. наук, доц., доц. каф. гражданского-правовых дисциплин
Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина
e-mail: g.zaichuk@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА ПОЗИТИВНОГО И НЕГАТИВНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

*На основе анализа предметов правового регулирования двух комплексных отраслей эквайромен-
тального права – природоресурсного и природоохранного (экологического), которыми, соответственно,
в природоресурсном праве являются общественные отношения, возникающие в области использования
природных ресурсов и охраны права пользования, а в экологическом праве – общественные отношения
в области охраны и защиты окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности,
рассматриваются вопросы признаков, определения понятий и разграничения права общего и специаль-
ного позитивного, права общего и специального негативного природопользования.*

Введение

Потребление естественно-природных форм свойственно всем живым организмам, в том числе и человеку как биосоциальному существу. С экономической точки зрения по отношению к нему природа выступает в качестве средства производства либо пространственного базиса при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, а с экологической – в качестве «резервуара» – пространства для размещения газообразных, жидких, твердых отходов как побочных результатов потребления и производства – и естественной среды проживания. Складывающиеся по поводу указанных процессов социальные связи регламентируются природоресурсным и природоохранным правом соответственно. При этом природоресурсным правом регулируются общественные отношения, возникающие в области использования природных ресурсов и охраны права пользования, а экологическим – общественные отношения, складывающиеся по вопросам охраны и защиты окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» [1] (далее – Закон «Об охране окружающей среды»), под природопользованием понимается хозяйственная и иная деятельность, в процессе которой используются природные ресурсы и оказывается воздействие на окружающую среду. Следовательно, природопользование осуществляется по двум основным направлениям: первое связано с эксплуатацией природных ресурсов для получения выгоды, дохода, прибыли, достижения социального эффекта, второе является побочным результатом осуществления хозяйственной и иной деятельности и заключается во вредном воздействии на окружающую среду. В.П. Балезин справедливо определил их как право позитивного и право негативного природопользования [2, с. 39–69]. Это положение впоследствии получило развитие в некоторых российских учебниках по экологическому праву: «По способам воздействия на природную среду разделяют, во-первых, позитивное природопользование, связанное с извлечением полезных свойств природных объектов, и, во-вторых, негативное природопользование, состоящее в негативном воздействиии на окружающую среду в процессе хозяйственной деятельности» [3, с. 137].

Признаки права общего и специального природопользования применительно к позитивному природопользованию фрагментарно закреплены в ст. 16 Закона «Об охране окружающей среды», да и то с оговоркой «за исключением случаев, предусмотренных законодательством», согласно которому в самых общих чертах гражданам га-

рантируется право общего пользования природными ресурсами для удовлетворения их потребностей безвозмездно, без закрепления этих ресурсов за ними и без разрешений; специальное же природопользование в процессе экономической деятельности осуществляется юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями за плату на основании решений государственных органов, договора аренды, комплексного природоохранного разрешения. В ст. 16 Закона «Об охране окружающей среды» разграничение права общего и права специального позитивного природопользования проведено по лицам (граждане и субъекты хозяйствования) и целям пользования – личным и экономическим (без учета интересов хозяйственного оборота и опыта предшествующего регулирования аналогичных отношений), что порождает коллизии с действующим природоресурсным и природоохранным законодательством.

В частности, ст. 25 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З «О животном мире» [4] любительскую охоту необоснованно относит к праву общего пользования животным миром, хотя любительская охота осуществляется на основании специального разрешения (охотничьего билета, путевки) и является платной. Наоборот, заготовка древесины для личных нужд гражданами, например, при строительстве жилого дома, согласно ст. 37 Лесного кодекса Республики Беларусь от 24 декабря 2015 г. № 332-З [5], отнесена к праву специального лесопользования. Пунктом 1 ст. 29 Водного кодекса Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-З [6] (далее – Водный кодекс) установлено право общего водопользования. Им является использование организациями и гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями, водных объектов безвозмездно и без правоустанавливающих документов. Право общего землепользования в виде прохода либо нахождения на чужом земельном участке определено не земельным законодательством, а ст. 263 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З [7]. Кроме того, ст. 7 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З [8] (далее – Кодекс о земле) выделены земли под дорогами и земли общего пользования, к которым отнесены земли, занятые улицами, проспектами, площадями, проездами, набережными, бульварами, скверами, парками и другими общественными местами.

Действующим законодательством также выделены сухопутные и водные магистрали общего пользования. В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 2 декабря 1994 г. № 3434-XII «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности» [9] указаны автомобильные дороги общего пользования, предназначенные для использования любыми лицами, а в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 6 января 1999 г. № 237-З «О железнодорожном транспорте» [10] – железнодорожные пути общего пользования, расположенные на территории железнодорожных станций и (или) соединяющие такие станции, предназначенные для бесперебойной деятельности железнодорожного транспорта общего пользования. Согласно ст. 12 Кодекса внутреннего водного транспорта Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 118-З [11], реки, озера, водохранилища, каналы и иные поверхностные водные объекты являются внутренними водными путями общего пользования. Причем в соответствии с п. 1.4 ст. 194 Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь от 29 декабря 2009 г. № 71-З [12] (далее – Налоговый кодекс) от уплаты земельного налога освобождаются земельные участки, занятые автомобильными дорогами общего пользования и железнодорожными путями общего пользования (включая земляное полотно, верхнее строение пути, искусственные сооружения), полоса отвода.

Основой для формирования современного права общего и специального позитивного природопользования послужило римское право, право Великого княжества Литовского и российское дореволюционное право. Римские юристы выделяли вещи, которые не могли находиться ни у кого в собственности и поэтому являлись достоянием

всех римлян. Так, македонские авторы (со ссылкой на Гая) пишут, что вещами, не подлежащими частному присвоению, согласно предписаниям человеческого права (*res extra patrimonium humanijuris*), были: *res publicae*, *res universitatis* и *res communes*. *Res publicae* были вещи, необходимые и для функционирования государства и для развития общественной жизни граждан: общественные реки (*flumina*), общественные дороги (*vitaes consulares* и *praetoriae*), пристани (*portus*), общественные площади, общественные парки, стадионы и т.д.; все это было собственностью римского государства. *Res universitatis* были в основном теми же, что и *res publicae*, но служили для выполнения основных задач разных самоуправляющихся единиц (*civitates*, *municipia*, *colonie*). Для этих вещей существовал особый правовой режим, и они находились в собственности самоуправляющихся органов. *Res communes omnium* (вещи, общие для всех людей) были вещи, которые по своей сути или по количеству существования в природе были не пригодны для присвоения. Содержание этой группы вещей изменялось в ходе истории. В классическом и постклассическом праве вещами, общими для всех, были: воздух (*aer*), вода, которая течет (*aqua profluens*), море (*mare*) и морской берег (*litora maris*) до границы наивысшего зимнего прилива [13, с. 137].

В Статуте Великого княжества Литовского 1588 г. [14, с. 358] достаточно подробно регламентировался правовой режим объектов общего пользования – стародавних дорог и судоходных (портовых) рек. Причем это осуществлялось в разделе I, который назывался «О персоне нашей государевой», что подчеркивает государственную и общественную значимость этих путей сообщения. Согласно арт. 29, посвященному ограничениям взимания пошлин в имениях шляхетских, великим князем устанавливалось, «чтобы ни один человек в Великом княжестве Литовском не смел новых пошлин выдумывать, ни на дорогах, ни на мостах, ни на плотинах, ни на реках, ни на перевозах в имениях своих, кроме тех, которые бывали со стародавних времен установлены, или имели на то листы предков наших, либо наши». За нарушение этого предписания устанавливалась довольно суровая мера ответственности: «Если бы кто-либо осмелился пошлину подорожную новую какую-либо сам без нашего пожалования в своем имении выдумывать и устанавливать, либо сверх старинного обычая и нашей дарственной повышать, тогда то имение, в котором то будет делать, где бы это оказалось и надлежаще было доказано, утрачивает, и переходит то имение государству и к нам государю, в пользу нашего Великого княжества Литовского».

Пошлины и мостовое в своих имениях разрешалось брать только тем, кто за собственные средства в тех имениях своих ремонтировал дороги. «А где бы кто мостов, гатей, плотин исправных не имел, а для того бы переход был трудный, а кому бы на тех местах случился бы вред, тому тот же пан, кто пошлину берет, обязан будет вред возместить и с добавкой, что потерпевший потребует». Указанные требования по содержанию дорог, взиманию на них платежей и возмещению не только реального ущерба, но и упущеной выгоды распространялись не только на шляхетские, но и на великокняжеские земли.

«А которые бы также князья, паны, земяне, шляхта старые дороги своими плотинами затопили или перепахали, присваивая себе пользу, таковые дороги новые должны быть проложены не в ущерб людям проезжающим, но как можно были бы прямее, и так, чтобы были обустроены, чтоб с тяжелыми возами везде был безопасный проезд. А к тому иные стародавние дороги на имениях и на землях в необходимых местах и топких поправлять, мосты мостить, гати гатить, те, которые издавна людьми то делались, и в будущем будут обязаны. А где бы чьем имении или земле плохой проезд был, а шляхтич хотел бы его поправить, а с того себе за свои расходы свою выгоду иметь, тогда тот должен к нам, государю, обратиться, а мы, узнав о том через комиссаров наших, к тому именем соседних, разрешим ему установить от купцов и иных проезжаю-

ших людей, кроме сословий, от этого настоящим статутом освобожденных, как о том ниже описано, пошлину или плату в соответствии с величиной затрат его и милости нашей государевой.

А на реках портовых, и на которых порт может быть где-либо в государстве нашем Великом княжестве, никто плотин новых ставить и плотин насыпать во вред порту и стоку не должны. А если бы кто занял, тогда свободное место для порта должен оставить. Также и езы на реках портовых, где издавна бывали, кто быставил, тогда прежде всего должен оставлять надлежащее, чтобы езом или заграждением никому не был причинен вред. А новых пошлин чтобы на реках портовых и плотинах не было. Также на езах чтобы необходимые проходы без затруднений были оставлены».

Посвященный прочищению портовых рек арт. 31 гласил: «Учитывая пользу не меньшую людей народу шляхетского, также и городов наших главных, в которые было бы легче живность и другие нужды водными путями доставлять, устанавливаем, что если бы в котором краю, в этом государстве нашем Великом княжестве Литовском река портовая была, которой бы в города наши главные путь мог бы быть, а прочищение потребовалось бы, тогда старосты, державцы наших имений, где такая река через земли наши проходит, поданными нашими обязаны будут эту реку вычистить и порт отремонтировать так, чтобы по ней суда водные и плоты дерева, на строительство и на дрова пригодного, без помех могли проходить. Также все сословия, как духовные, так и светские, от наивысшей до низшей особы обязаны будут так поступать, и таковые реки портовые, через имение и земли их протекающие, вычищать и поправлять, как выше указано. Когда ж это не без пользы для них будет, ибо то, что должен был бы посыпать на ста подводах в город наш главный продукты питания, не использованные в имении и оставленные для продажи, может на судне водным путем только несколькими людьми отправить. А кто пуши свои около портов имеет, сплавляя дерево, на строительство и на дрова пригодное, большую пользу себе прибавит. А где через имение общее такая река шла, а один бы участник, либо несколько их, хотели бы ту реку для сплава подготовить, а другие бы участники их тому одному или нескольким помохи в очистке такой реки не хотели оказать, тогда те, которые вычистят, должны туда поветового подкомория привести.

А подкоморий должен те их расходы при надлежащих доказательствах оценить и нам об этом своим листом сообщить. А мы, государь, должны тому, либо тем осо-бам, которые ту реку вычистят, за их расходы дать право взимать пошлину от тех, которые той рекой зерно и иные товары сплавлять на продажу будут. Однако до того времени ту пошлину им позволяем взыскивать, пока свои расходы, понесенные на очистку реки, выберут».

Ширина больших дорог, гостинев, согласно арт. 32 р. IX, устанавливалась «по ста-родавнему обычаю» такой ширины, «чтобы на полтора прута быть могли», – более 7 м.

Российскому дореволюционному законодательству было известно право участия общего, которое рассматривалось в качестве ограничения права собственности в общественных интересах для обеспечения сообщения в виде свободного прохода, проезда по чужой земле [15, с. 175], либо осуществления судоходства [16; 3, с. 7] по водам, находящимся в частной собственности.

В самых общих чертах в Риме, ВКЛ и России собственность на природные ре-сурсы была государственной, коммунальной (общинной) и частной. Право специально-го позитивного природопользования в основном осуществлялось на титулах права собственности, аренды и сервитута. Государственная собственность служила казенным ин-тересам либо удовлетворяла общественные потребности; коммунальная собственность удовлетворяла интересы общины; частная служила потребностям отдельных лиц при условии несения ими военной либо гражданской службы.

Таким образом, анализ исторических источников права и действующего национального законодательства показывает, что право общего и специального позитивного природопользования предоставлялось и предоставляется как физическим лицам для удовлетворения личных потребностей, так и субъектам хозяйствования в коммерческих целях. Поэтому оправданно дать следующие формулировки права общего и специального позитивного природопользования: *правом общего природопользования является ограниченное либо связанное с передвижением использование природных ресурсов физическими лицами, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами безвозмездно, без правоустанавливающих документов и без закрепления этих ресурсов за ними для удовлетворения личных нужд граждан либо потребностей субъектов хозяйствования; к праву специального природопользования относится использование природных ресурсов физическими лицами, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами за плату, на основании специального разрешения (договора аренды, комплексного природоохранного разрешения), с закреплением этих ресурсов за ними для удовлетворения личных нужд граждан либо экономических потребностей субъектов хозяйствования.*

Право негативного природопользования также может быть общим и специальным. В Риме, Великом княжестве Литовском и Российской империи права специально негативного природопользования не существовало, а право общего негативного природопользования осуществлялось фактически. Однако при его реализации для субъектов хозяйствования были введены некоторые ограничения. Так, во Врачебном уставе 1905 г. в гл. «Об охране чистоты воздуха» (ст. 655) устанавливалось, что « заводы, мануфактурные, фабричные и иные заведения, вредные чистоте воздуха и воды, должны быть устраиваемы по особым правилам, изложенным в Уставах о Промышленности и Строительстве». Запрещалось строительство фабрик и заводов, наносящих вред чистоте воздуха, в городах и выше городов по течению рек и проток (ст. 165) [17, с. 19–20].

Такое положение дел наглядно характеризуется выступлением на конференции по международной охране природы (Берн, 1913 г.) делегата от России профессора Г.А. Кожевникова, который отметил: «В России не существует специального закона для охраны природы. Причиной этому является то, что до последнего времени Россия обладала и обладает таким количеством диких животных, что сама мысль об охране природы была чужда как народу, так и правительству» [18, с. 66].

В Республике Беларусь на праве общего негативного природопользования, согласно п. 2.3 ст. 30 Водного кодекса, граждане могут в установленных законодательством пределах использовать печное отопление, разжигать костры в незапрещенных местах, производить сброс сточных вод в окружающую среду, громко слушать музыку и т.п. При этом ограничения для них установлены только на осуществление некоторых видов деятельности. Так, Типовыми правилами распорядка садоводческих товариществ, утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 1048 [19], определено, что члены товарищества могут осуществлять на своем земельном участке работы, производящие шум, уровень которого не должен превышать установленные санитарные нормы, с 9:00 до 19:00 часов. Проект Закона Республики Беларусь «Об обращении с животными» [20] обязывает владельцев животных принимать меры по обеспечению тишины в квартирах многоквартирных и блокированных жилых домов, одноквартирных жилых домах, в которых проживают несколько нанимателей (собственников), а также на придомовых территориях многоквартирных и блокированных жилых домов с 23:00 до 7:00 часов.

В отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц право общего негативного природопользования установлено для бюджетных организаций и в случае осуществления ими деятельности, оказывающей ограниченное воздействие на ок-

ружающую среду. В частности, согласно ст. 205 Особенной части Налогового кодекса, объектами налогообложения экологическим налогом не признаются: выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, указанные в комплексных природоохранных разрешениях, при общих суммарных объемах выбросов менее 3 т в год; сброс сточных вод, отводимых в окружающую среду системой дождевой канализации с территории, на которой они образовались в результате выпадения атмосферных осадков; хранение отходов производства на объектах обезвреживания и (или) использования таких отходов, предназначенных к обезвреживанию и (или) использованию, в количестве, соответствующем технологическому регламенту этих объектов; захоронение отходов производства, подобных отходам жизнедеятельности населения, при общем объеме захоронения отходов производства 50 и менее тонн в год. Поэтому право общего негативного природопользования в Республике Беларусь можно характеризовать как установленный экологическим законодательством порядок безвозмездного размещения в окружающей среде физическими лицами, индивидуальными предпринимателями и организациями ограниченного количества выбросов, сбросов и отходов, а также физическое воздействие на нее в пределах установленных нормативов.

Негативное воздействие на окружающую среду на праве специального природопользования производится в соответствии с разрешениями, выдаваемыми на основании указа Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2011 г. № 528 «О комплексных природоохранных разрешениях» [21], который является единым документом, удостоверяющим право на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сброс сточных вод в водные объекты, хранение и захоронение отходов производства на период от 5 до 15 лет, что является платным, так как подлежит обложению экологическим налогом. Следовательно, право специального негативного природопользования осуществляется индивидуальными предпринимателями и организациями на основании комплексного природоохранного разрешения, является срочным, возмездным, производится без предоставления обособленного природного ресурса в пользование, осуществляется в месте нахождения источника вредного воздействия на окружающую среду.

Профессор В.В. Петров к праву общего пользования справедливо относил возможность граждан пользоваться чистой, здоровой окружающей средой [22, с. 92]. Обращает на себя внимание то, что право на благоприятную окружающую среду в ст. 14 Закона «Об охране окружающей среды» сформулировано под влиянием естественно-правовых взглядов римских юристов, так как оно определено как принадлежащее гражданину от рождения личное неимущественное право. В частности, Ульпиан писал: «Естественное право (*jus naturale*) – это то, которому природа научала все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам» [23, с. 157].

Анализ ст. 16 Закона «Об охране окружающей среды» и иного законодательства Республики Беларусь позволяет более подробно установить особенности права на благоприятную окружающую среду как разновидности права общего природопользования. Содержание понятия «благоприятная окружающая среда» раскрыто в ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды»: это среда, качество которой обеспечивает экологическую безопасность, т.е. состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Основные признаки понятия «благоприятная окружающая среда»:

- 1) оно закреплено и осуществляется на основании закона;
- 2) производится в месте нахождения гражданина одновременно в отношении всех природных ресурсов для удовлетворения его личных экологических потребностей и бесплатно;

- 3) не требует предоставления обособленного природного ресурса и получения специального разрешения;
- 4) является естественным, прирожденным, неотчуждаемым правом;
- 5) носит публично-правовой характер, ибо установлено в интересах всех и каждого.

Заключение

В целях ликвидации пробелов и коллизий в регулировании отношений в области природопользования оправданно изложить ст. 16 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» в новой редакции:

Ст. 16. Право природопользования.

Природные ресурсы могут предоставляться в пользование в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь. Право пользования природными ресурсами может быть общим и специальным, позитивным и негативным.

Правом общего позитивного природопользования является ограниченное либо связанное с передвижением использование природных ресурсов физическими лицами, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами безвозмездно, без правоустанавливающих документов и без закрепления этих ресурсов за ними для удовлетворения личных нужд граждан либо потребностей субъектов хозяйствования, а также право граждан на благоприятную окружающую среду.

К праву специального позитивного природопользования относится использование природных ресурсов физическими лицами, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами за плату, на основании специального разрешения (договора аренды, комплексного природоохранного разрешения), с закреплением этих ресурсов за ними для удовлетворения личных нужд граждан либо экономических потребностей субъектов хозяйствования.

Правом общего негативного природопользования является установленный экологическим законодательством порядок безвозмездного размещения в окружающей среде физическими лицами, индивидуальными предпринимателями и организациями ограниченного количества выбросов, сбросов и отходов, а также физическое воздействие на нее в пределах установленных нормативов.

Право специального негативного природопользования осуществляется индивидуальными предпринимателями и организациями на основании комплексного природоохранного разрешения, является срочным, возмездным, производится без предоставления обособленного природного ресурса в пользование, осуществляется в месте нахождения источника вредного воздействия на окружающую среду.

Кроме того, оправданно принять общерегулятивный Закон Республики Беларусь «Об использовании природных ресурсов», в который включить право общего и специального позитивного природопользования, так как они относятся к природоресурсному праву, а право общего и специального негативного природопользования и право на благоприятную окружающую среду должны остаться в Законе «Об охране окружающей среды», т.к. они принадлежат к природоохранному (экологическому) праву.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-XII : с изм. и доп. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19201982>. – Дата доступа: 22.02.2018.

2. Балезин, В. П. Право природопользования в СССР / В. П. Балезин // Научно-технический прогресс и правовая охрана природы. Проблемы совершенствования при-

родаохранного законодательства в условиях научно-технического прогресса / В. П. Балезин [и др.] ; под ред. В. В. Петрова. – М. : Изд-во МГУ, 1978. – 192 с.

3. Мисник, Г. А. Экологическое право : учебник для высш. учеб. заведений / Г. А. Мисник, Н. Н. Мисник, Е. В. Нарежная. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 576 с.

4. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257-З : с изм. и доп. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700257>. – Дата доступа: 25.01.2018.

5. Лесной кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 24 дек. 2015 г., № 332-З : с изм. и доп. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk1500332>. – Дата доступа: 18.02.2018.

6. Водный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 30 апр. 2014 г., № 149-З : с изм. и доп. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1400-149&p1=1>. – Дата доступа: 18.02.2018.

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998, № 218-З : с изм. и доп. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>. – Дата доступа: 18.02.2018.

8. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г., № 425-З : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

9. Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 2 дек. 1994 г., № 3434-XII : с изм. и доп. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 19.02.2018.

10. О железнодорожном транспорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 1999 г., № 237-З : с изм. и доп. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 20.02.2018.

11. Кодекс внутреннего водного транспорта Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 июня 2002 г., № 118-З // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://etalonli-ne.by/?type=text&regnum=Hk0200118#load_text_none_1_. – Дата доступа: 25.01.2018.

12. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 29 дек. 2009 г., № 71-З : с изм. и доп. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0900071>. – Дата доступа: 24.02.2018.

13. Пухан, И. Римское право : учебник / И. Пухан ; пер. с макед. В. А. Томсина и Ю. В. Филиппова ; под ред. В. А. Томсина. – М. : Зерцало-М, 2003. – 448 с.

14. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. // Савец. Энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл., 1989. – 573 с.

15. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Спарт, 1995. – 556 с.

16. Никольский, Ф. Воды общего пользования по русскому законодательству / Ф. Никольский. – СПб. : Тип. М-ва Путей Сообщения, 1883. – 154 с.

17. Малышко, Н. И. Государственный контроль за охраной атмосферного воздуха / Н. И. Малышко. – Киев : Наук. думка, 1982. – 131 с.

18. Бринчук, М. М. Экологическое право : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / М. М. Бринчук. – М. : Юристъ, 2005. – 670 с.
19. О некоторых вопросах реализации Указа Президента Республики Беларусь 28 янв. 2008 г., № 50 : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 июля 2008., № 1048 : с изм. и доп. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic14/text570.htm>. – Дата доступа: 25.01.2018.
20. Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3951&p0=2015095001>. – Дата доступа: 22.02.2018.
21. О комплексных природоохранных разрешениях [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 нояб. 2011, № 528 : с изм. и доп. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.02.2018.
22. Петров, В. В. Правовая охрана природы в СССР : учебник / В. В. Петров. – М. : Юрид. лит., 1984. – 384 с.
23. Памятники римского права : Законы XII таблиц. Институции Гая. Диагесты Юстиниана. – М. : Зерцало, 1997. – 608 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.03.2018

Zaychuk G.I. Problems of Differentiation of Positive and Negative Law of Nature

On the basis of the analysis of subjects of legal regulation of two complex branches of the environmental law – natural resource and nature protection (ecological) which respectively are, in the natural resource law – the public relations arising in the field of use of natural resources and protection of the right of use, in the ecological law – the public relations in the field of protection and protection of environment and ensuring ecological safety, questions of signs, definitions of concepts and differentiation of the right of the general and special positive, the right of the general and special negative nature use are considered.

В.И. Резюк

ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: rezyuk@tut.by

**ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ
ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ:
ВЫДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ
КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ИХ СПЕЦИФИКА**

Рассматриваются общие и применяемые для оценки отдельных видов преступности основные количественные показатели и выявляется их недостаточность для криминологической характеристики хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями. Выделяются основные криминологические количественные показатели хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями. Предложена методика определения и использования новых количественных показателей: коэффициента хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями; коэффициента сохранности бюджетных средств от хищений путем злоупотребления служебными полномочиями; коэффициента похищенных путем злоупотребления служебными полномочиями бюджетных средств.

Введение

Оценка криминологических количественных показателей преступности является базой криминологических исследований. На их основе выделяются тенденции развития преступности и некоторых социальных явлений – детерминантов преступности (особенности характеристики личности преступника), определяются количественно-качественные и качественные показатели, а также планируются и реализуются предупредительно-профилактические мероприятия. По мнению В.П. Шиенка, любой количественный рост преступности является сигналом о необходимости изменений общественных отношений и «отношений индивидуумов и социума к окружающему миру». Это предупреждение о необходимости корректировки направлений развития общества [1, с. 155].

Институт криминологических количественных показателей преступности можно назвать сложившимся и достаточно консервативным: для различных видов преступности в основном выделяются одни и те же показатели. Однако, по мнению А.И. Алексеева, для тех, кто исследует современную преступность, все меньше «остается вечных истин», простых, самоочевидных положений, которые могут быть приняты априори [2, с. 44–45; 3, с. 157]. Особую актуальность подобный подход имеет при криминологической характеристике новых и (или) неисследованных видов преступности, к которым относятся хищения бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями. Это обуславливает анализ и оценку сложившихся в криминологии основных количественных показателей преступности и определение их достаточности и точности для криминологической характеристики хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями, и, как следствие, выделение основных количественных показателей указанного вида преступности.

С самого начала криминологических исследований была выделена важность количественных показателей. Один из основоположников криминологических исследований французский экономист и политик П. Лафарг в работе «Преступность во Франции с 1849 по 1886 г., исследование ее причин и развития» показал потенциал и значение статистических исследований преступности [4, с. 1405]. А.Я. Эстрин, характеризуя «теорию факторов преступности», выделял рассмотрение преступности «не как какого-

то особого свойства, а... как совокупности преступлений», которая «может получить научное значение» [4, с. 1403–1405]. М.В. Духовский исследовал «процент преступников» (аналог уровня преступности) в белорусских губерниях Российской империи в 1860–1868 гг.: в Могилевской губернии – 0,7; в Виленской и Минской – 1,1; в Гродненской – 1,3; в Витебской – 1,6. На основании этого он пришел к выводу о зависимости преступности от экономических факторов: в благополучных губерниях преступность ниже, чем в менее благополучных [5, с. 20–21].

Количественные показатели преступности отражают как преступную активность, так и результативность правоохранительной деятельности, в частности по выявлению и пресечению преступлений; они являются базовыми критериями оценки некоторых явлений и активности определенных видов деятельности.

Важной является унификация количественных показателей: еще в 1853 г. на Первом международном статистическом конгрессе А. Кетле впервые поднял вопрос, который в дальнейшем широко обсуждался в течение длительного периода и касался использования уголовно-статистических данных; в 1911 г. была предложена единая система криминологических показателей для сравнительных исследований [6, с. 4–5].

В настоящее время по общему правилу, сложившемуся в криминологии, к основным количественным показателям относят:

1) состояние преступности (количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории в течение определенного периода);

2) уровень преступности, или коэффициент преступности (отношение числа совершенных (или зарегистрированных преступлений, или лиц, совершивших преступления) в течение определенного периода на конкретной территории преступлений к численности жителей соответствующей территории, достигших возраста уголовной ответственности).

В отношении конкретных видов преступности могут устанавливаться и другие количественные показатели, позволяющие более полно и точно ее охарактеризовать (например, уровень судимости, характер преступности и др.), но состояние и уровень (коэффициент) преступности можно назвать основными и общими для всех.

Состояние преступности как показатель преступности является системообразующим: большая часть других показателей, связанных с характеристикой преступности, определяется на основании состояния преступности. Не являются исключением и хищения бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями.

Состояние хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями отражает количество выявленных и зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 210 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь (хищение путем злоупотребления служебными полномочиям). На основании данных о количестве выявленных и зарегистрированных преступлений может быть определена большая часть качественных и количественно-качественных показателей (о структуре преступности, ее динамике и др.). Определение количества зарегистрированных по частям 1–4 указанной статьи позволяет заложить основу для определения данных о количестве хищений бюджетных средств, совершенных повторно, группой лиц, а также в крупном и особо крупном размере. Это важно при характеристике структуры преступности и определении некоторых иных криминологических показателей.

Большое значение имеет определение числа преступлений, совершенных на территории административно-территориальных единиц: в Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской, Могилевской областях и городе Минске. На основании этих данных может быть охарактеризована география преступности, определены иные качественные и количественно-качественные показатели.

Таким образом, состояние преступности следует считать базовым криминологическим показателем хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями.

Уровень преступности (коэффициент преступности) является важным и весьма информативным количественным криминологическим показателем, определяемым как соотношение состояния преступности к численности населения (лиц, достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность), позволяющим учитывать не только состояние преступности в течение определенного периода времени и на определенной территории, но и условную вероятность его совершения ввиду использования в расчетах значений данных о численности населения. Это особенно актуально и информативно при оценке краж, хулиганств и многих иных преступлений. Так, рост численности населения при сохранении показателей состояния преступности позволяет говорить об улучшении криминогенной обстановки (значение уровня (коэффициента) преступности в этом случае будет снижаться), а, например, незначительное снижение состояния преступности при существенном снижении численности населения, не позволяло бы сделать подобную оценку (значение уровня (коэффициента) преступности в этом случае будет расти). Подобные выводы становятся возможными вследствие отражения соответствующих процессов в значении уровня (коэффициента) преступности. Данный количественный показатель особенно важен для характеристики таких преступлений, элементы криминологических характеристик которых непосредственно связаны со значениями, используемыми при расчетах уровня (коэффициента) преступности. Например, субъект преступления, предусмотренного ст. 205 УК Республики Беларусь, общий, это вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет. Безусловно, очень важно выделять, сколько лиц в указанном возрасте совершают подобные противоправные деяния (или сколько преступлений приходится на определенное количество населения).

Несколько иную актуальность и информативность уровень (коэффициент) преступности имеет для хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями, субъектом которого является должностное лицо, а предметом – бюджетные средства. В рамках традиционного для криминологии подхода этот показатель имеет не более чем общий характер. Так, на определенной территории может увеличиваться количество жителей, но не обязательно – количество должностных лиц.

Таким образом, факторы, которые реально необходимо учитывать при оценке криминогенной обстановки, связанной с хищениями бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями (прежде всего объем бюджетного финансирования наряду с количеством преступлений и суммой похищенного), в расчетах уровня (коэффициента) преступности (хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями) не используются. Представляется, что показатель уровня (коэффициента) хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями может быть использован в случае параллельного исследования отдельных видов преступности, оценки и сравнения аналогичных и характеризующих все эти виды преступности показателей. Однако это не решает проблемы получения более точного и информативного (кроме состояния преступности) количественного показателя (показателей) хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями.

По мнению В.В. Лунеева, основным критерием оценки отдельных явлений в криминологии должна быть «степень их криминогенности или антикриминогенности» [6, с. 213], которые часто сложно оценить, используя только получившие широкое применение в криминологии средства, в частности количественные показатели. В этой связи в криминологических исследованиях необходим показатель, более точно отражающий реальную криминогенность ситуации, связанной с расходованием бюджетных

средств. Выделенные в настоящее время криминологические показатели подобными свойствами в достаточном объеме не обладают.

Предлагаем использование новых, обладающих необходимыми качествами количественных показателей хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиям: 1) коэффициент хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями; 2) коэффициент сохранности бюджетных средств от хищений путем злоупотребления служебными полномочиями; 3) коэффициент похищенных путем злоупотребления служебными полномочиями бюджетных средств.

Коэффициент хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями (K_x) определяется по формуле 1:

$$K_x = \frac{C}{P}, \quad (1)$$

где C – состояние преступности (хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями), P – бюджетные расходы или объем расходованных бюджетных средств (млн руб. или иное).

Значение коэффициента хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями прямо пропорционально состоянию преступности и обратно пропорционально бюджетным расходам, отражает криминогенность бюджетных расходов, риски криминологического характера, связанные с преступными посягательствами должностных лиц – распорядителей и получателей бюджетных средств, уполномоченных осуществлять расходование бюджетных средств. Так, увеличение бюджетных расходов при снижении показателя состояния преступности позволяет говорить о снижение криминогенности в рассматриваемой сфере (что отражается также в снижающемся коэффициенте хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями). По своей информативности коэффициент хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями весьма схож с уровнем (коэффициентом) преступности для других видов преступности.

Также высокий потенциал использования в криминологии имеет коэффициент сохранности бюджетных средств от хищений путем злоупотребления служебными полномочиями (K_s), определяемый по формуле 2:

$$K_s = \frac{P}{3\pi}, \quad (2)$$

где P – объем бюджетных расходов (млн руб. или иное), 3π – количество зарегистрированных на соответствующей территории преступлений (хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями).

Значение коэффициента сохранности бюджетных средств от хищений путем злоупотребления служебными полномочиями прямо пропорционально бюджетным расходам и обратно пропорционально количеству зарегистрированных хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями и отражает результативность деятельности по обеспечению сохранности бюджетных средств. Так, увеличение объема расходуемых бюджетных средств при одновременном неувеличении количества зарегистрированных хищений отражает повышение степени сохранности бюджетных средств от хищений путем злоупотребления служебными полномочиями. Значение коэффициента в этих условиях также увеличивается.

Результаты криминологических исследований показывают определенную зависимость роста состояния преступности (хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями) от увеличения объема бюджетного финансирования [7]. Выделенные коэффициент хищений бюджетных средств путем злоупотреб-

ления служебными полномочиями и коэффициент сохранности бюджетных средств от хищений путем злоупотребления служебными полномочиями отражают эти факторы (аналогичным детерминирующим фактором, влияющим на состояние преступности общего характера (хулиганство, кражи и др.), является рост числа лиц, достигших возраста уголовной ответственности). Таким образом, по своей значимости и точности коэффициент хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями и коэффициент сохранности бюджетных средств от хищений путем злоупотребления служебными полномочиями весьма близки к коэффициенту (уровню) преступности, но учитывают специфику соответствующего вида преступности.

Расширение аппарата основных количественных показателей хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями позволяет:

1) повысить качество криминологической характеристики хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями в силу отражения в соответствующих количественных показателях комплекса актуальных данных и сведений;

2) создать условия для повышения эффективности предупредительно-профилактического воздействия, планирования соответствующих мероприятий в силу отражения в соответствующих количественных показателях непосредственно коррелирующих с их итоговыми значениями данных, содержащих детерминанты хищений;

3) повысить качество и точность прогнозирования специфичного вида преступности в силу комплексного отражения в соответствующих количественных показателях данных, прямо и обратно пропорциональных итоговым значениям.

Так, анализ статистических данных показал рост состояния хищений бюджетных средств, был отмечен рост и уровня преступности. Вместе с тем в течение выделенного периода изменялись и бюджетные расходы: на определенном отрезке значение коэффициента хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями снизилось, а значение коэффициента сохранности бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями, наоборот, увеличилось; на ином отрезке складывалась обратная ситуация. Прогностическое экстраполирование на основе выделенных коэффициентов показало большую точность прогнозирования по сравнению с использованием данных о состоянии и уровне преступности [7].

Помимо указанных и предлагаемых количественных показателей хищений бюджетных средств имеют потенциал практического использования и такие, как объем похищенных бюджетных средств, в том числе его соотношение к бюджетным расходам (коэффициент похищенных бюджетных средств, увеличивающийся при росте усиления криминогенности соответствующей сферы деятельности), иные показатели, не выделяемые при оценке иных видах преступности.

Так, коэффициент похищенных бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями (Кп) определяется по формуле 3:

$$Кп = \frac{\Pi}{P} \times 100 \%, \quad (3)$$

где Π – объем похищенных бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями (млн руб. или иное, но аналогичное единице измерения P), P – объем бюджетных расходов (млн руб. или иное).

Значение коэффициента похищенных путем злоупотребления служебными полномочиями бюджетных средств позволяет определить долю похищенных указанным способом бюджетных средств, которая наряду с иным отражает как общую криминогенность соответствующих отраслей, так и эффективность предупредительно-профилактических мероприятий.

Характеризуя методологические проблемы современной криминологии, В.П. Шиенок выделил отдельные из них «в области научных исследований вопросов предупреждения преступности, взаимодействия науки и практики» [1, с. 162]. Их градус способны снизить, в частности, расширение аппарата количественных показателей, используемого для криминологической характеристики хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями.

Использование коэффициента хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями, коэффициента сохранности бюджетных средств от хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, коэффициента похищенных путем злоупотребления служебными полномочиями бюджетных средств обусловлено корреляцией их значений с некоторыми детерминантами данного вида преступности (чем в меньшей степени, в частности, характеризуется уровень (коэффициент) преступности).

Заключение

Наряду с широко используемыми в криминологии основными количественными показателями: состояние преступности и уровень (коэффициент) преступности – при характеристике хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями видим необходимость использования иных показателей (коэффициента хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями, коэффициента сохранности бюджетных средств от хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, коэффициента похищенных бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями) и предлагаем их обозначение и методику расчета.

В этой связи среди количественных показателей хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями следует выделить основные и обозначить их специфику.

1. Состояние преступности.

Необходимо определение количества зарегистрированных преступлений как по республике, так и по ее административно-территориальным единицам. Это является основой дальнейших криминологических исследований и определения иных количественных, качественных и количественно-качественных показателей.

2. Уровень (коэффициент) преступности.

Этот показатель имеет прежде всего общий характер и может использоваться в сравнительной оценке (в сравнительных исследованиях с иными видами преступности).

3. Коэффициент хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями.

Данный показатель позволяет более точно охарактеризовать криминогенность соответствующих направлений бюджетных расходов. Он имеет потенциал использования при характеристике и исследовании иных видов преступности, связанных с централизованным и иным финансированием.

4. Коэффициент сохранности бюджетных средств от хищений путем злоупотребления служебными полномочиями.

Этот количественный показатель позволяет охарактеризовать качество деятельности (управленческой, иной), направленной на обеспечение сохранности бюджетных средств. Он имеет потенциал использования в характеристике иных видов преступности, связанных с использованием материальных ресурсов.

5. Коэффициент похищенных бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями.

Данный количественный показатель позволяет определить долю похищенных бюджетных средств и оценить качество расходования должностными лицами бюджет-

ных средств, а также эффективность противодействия указанному виду преступности. Этот показатель может использоваться в исследовании иных видов преступности, связанной с управлением финансовыми и другими материальными ресурсами.

Предложенная методика расчета выделенных количественных показателей может использоваться в исследовании иных видов должностной, экономической преступности, связанной с распределением и иным использованием определенного фонда финансовых и других материальных ресурсов, построенных на централизованных и иных началах.

Выделение указанного перечня основных количественных криминологических показателей хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями в вопросе поиска новых решений отражает сущность криминологии, проявившейся еще у истоков науки, в вопросе расширения методологии соответствует современным трендам развития криминологии и, наконец, способно решить отдельные проблемы криминологической характеристики, включая новые и неисследованные или недостаточно исследованные виды преступности, к которым относится хищение бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиенок, В. П. Очерки гуманистической методологии и национальной юриспруденции : монография / В. П. Шиенок. – Минск : МИТСО, 2017. – 238 с.
2. Алексеев, А. И. Криминология : курс лекций / А. И. Алексеев. – М. : Щит-М, 1999. – 340 с.
3. Резюк, В. И. Правоотношения, связанные с исполнением бюджетных обязательств: специфика юридической оценки в контексте криминологического анализа / В. И. Резюк // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2018. – № 1. – С. 157–163.
4. Энциклопедия государства и права : в 3 т. / под ред. П. Стучка. – М. : Изд-во Коммунист. Акад., 1925–1927. – Т. 3 : Энциклопедия государства и права. – 1927. – 1671 с.
5. Духовской, М. В. Задачи науки уголовного права. Вступительная лекция, читанная 3 октября 1872 года и. о. доцента М. В. Духовским // Временник Демид. Юрид. Лицея. – Ярославль, 1873. – Кн. 4. – С. 220–252.
6. Лунеев, В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. – М. : Волтерс Клювер, 2005. – 912 с.
7. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений [Электронный ресурс] // Единый гос. банк данных о правонарушениях / Информ. центр МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.09.2018

Rezyuk V.I. Misappropriations and Embezzlements of Budgetary Funds by Abuse of Official Powers: the Selection of the Basic Criminological Quantitative Indicators and their Specifics

The article examines general quantitative indicators used for the assessment of individual types of criminality and reveals their inadequacy for the criminological description of the misappropriation and embezzlement of budget funds by abuse of official powers. The main criminological quantitative indicators are proposed of misappropriations and embezzlements of budget funds are distinguished by abuse of official powers. The author suggests, reveals the potential and methodology of definition, justifies the use of new quantitative indicators – the coefficient of embezzlement of budgetary funds by abuse of official powers, the safety factor of budget funds from embezzlement by abuse of official powers, the coefficient of abducted by misuse of official powers of budgetary funds.

УДК 341.17

Т.А.Горупа¹, Т.З. Шалаева², И.П. Пашкевич³

¹канд. юрид. наук, доц., зав. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²канд. юрид. наук, доц. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

³ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: ¹gorupa.brsu@mail.ru; ²t.shalaeva@mail.ru; ³crimlaw@brsu.brest.by

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Систематизированы наднациональные и национальные правовые средства, которые необходимы для формирования общего финансового рынка ЕАЭС. Выявлены проблемы, которые препятствуют включению Республики Беларусь в общий финансовый рынок, предложены конкретные изменения и дополнения в национальное законодательство.

Введение

Глобализационные угрозы XXI в. неизбежно поставили государства – члены Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) перед необходимостью формирования единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза. Однако среди названных свобод именно свобода перемещения капиталов является базовой, так как ее реализация дает возможность развиваться не только банковскому сектору, но и вообще предпринимательской деятельности. Свобода капитала обеспечивает возможность заключения трансграничных сделок по оказанию услуг, позволяет трудовым мигрантам свободно перевести свою заработную плату на родину, а также способствует постепенному формированию общего рынка финансовых услуг.

На современном этапе развития евразийских интеграционных процессов общий финансовый рынок только формируется. Экономисты констатируют «существенные различия по структуре и объемам проводимых банковских операций» [5, с. 39] в государствах – членах ЕАЭС, дают пессимистичные прогнозы, что «процесс сближения фондовых рынков приведет к поглощению российским рынком ценных бумаг рынков Беларуси, Армении и Кыргыстана, а не их интеграции» [5, с. 43]. Формирование общего финансового рынка является логическим продолжением уже созданного общего рынка товаров и общего рынка отдельных видов услуг, но, безусловно, с учетом экономических реалий и показателей и на основе постепенности интеграционных процессов,звешенности и обоснованности применения соответствующих правовых средств.

Целью данного исследования является систематизация правовых средств, обеспечивающих формирование общего финансового рынка в ЕАЭС, и выявление проблем, препятствующих включению в этот процесс Республики Беларусь.

По мнению А.В. Малько, правовые средства – это правовые явления, выражющиеся в инструментах (установления) и действиях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально-полезных целей [6, с. 7]. В целом можно согласиться с таким подходом к определению правовых средств, однако при этом необходимо констатировать, что он отражает субъектный подход. Правовые средства, используемые для регулирования региональных

интеграционных процессов в финансовой сфере, будут иметь свою специфику, так как субъектам интеграционного объединения необходимо одновременно построить и общий финансовый рынок и защитить собственную экономическую систему, которой приходится конкурировать с системами всех других государств-членов. Представляется, что для объективности научного исследования необходимо использовать и *целевой подход* в определении правовых средств по формированию общего финансового рынка. Ведь именно специфика цели использования правовых средств по формированию общего финансового рынка дает понимание, что в таких отношениях не может использоваться классический вариант принудительной силы государства как одного из признаков правовых средств. ЕАЭС – это сумма суверенных государств, здесь может быть использовано только добровольное согласие государств по исполнению международных обязательств. Поэтому добровольно признав необходимость выполнения международных обязательства, государство-член может использовать принудительную силу по их исполнению только на территории своего государства.

В данном исследовании под правовыми средствами будем понимать совокупность международных и национальных юридических инструментов, закрепленных наднациональными (международными) или национальными нормативными правовыми актами, которые используются в целях создания общего финансового рынка. При системном подходе можно классифицировать правовые средства по формированию общего финансового рынка в зависимости от территории их действия на *наднациональные средства правового регулирования и национальные средства правового регулирования*.

Основным источником наднационального правового регулирования общего рынка финансовых услуг в ЕАЭС и базовых основ его формирования является Раздел XVI «Регулирование финансовых рынков» и Протокол по финансовым услугам (Приложение № 17 к Договору о ЕАЭС) [1], где определен категориальный аппарат в этой сфере. Под финансовыми услугами понимают прежде всего страховые, банковские услуги и услуги на рынке ценных бумаг.

Примечательно, что национальное законодательство Республики Беларусь вообще не дает трактовки данного понятия, а отдельные нормативные правовые акты лишь определяют категории «услуга», «финансовый рынок», «финансовая грамотность населения» и др. Для формирования официальной статистической информации органами государственной статистики используется Общегосударственный классификатор Республики Беларусь «Виды экономической деятельности», где секция «К» посвящена финансовым услугам, включающим страхование, перестрахование и дополнительное пенсионное обеспечение, а также вспомогательную деятельность в сфере финансовых услуг и страхования. В вышеназванном классификаторе структура финансовых услуг выглядит весьма широко и включает валютное регулирование, эмиссию денег, представление денежных средств банкам и др. [1].

В связи со сложившимися различными национальными (белорусскими) и наднациональными (евразийскими) традициями определения структуры финансовых услуг, отсутствием конкретной дефиниций «финансовая услуга», «финансовая организация» как в науке, так и в законодательстве требуется устранение данных противоречий и пробелов. Тем более что законодательства других государств – членов ЕАЭС содержат определение «финансовые услуги» (Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [8], Закон Республики Казахстан от 4 июля 2003 г. № 474-II «О государственном регулировании, контроле и надзоре финансового рынка и финансовых организаций» [7]).

Кроме актов первичного права ЕАЭС, наднациональными средствами правового регулирования общего рынка финансовых услуг должны выступать и акты вторичного права. Однако Концепция формирования общего финансового рынка пока только раз-

рабатывается на основании соответствующего Распоряжения № 6 Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2016 [9]. Соглашение о требованиях к осуществлению деятельности на финансовых рынках заключено так и не было, хотя Решением Коллегии Комиссии № 138 от 12.10.2015 был утвержден его проект [10].

В этом контексте будет уместным обратиться к опыту Европейского союза, в котором интеграционные процессы уже прошли стадию экономического и валютного союза еще в конце прошлого века. Правовое регулирование свободы передвижения капиталов в ЕС осуществляется на уровне как актов первичного права (Договор о ЕС [2], Договор о функционировании ЕС [3]), так и актов вторичного права (акты наднациональных органов). Кроме того, Суд ЕС установил принцип прямого действия ст. 63 Договора о функционировании ЕС относительно свободы передвижения капиталов, чем существенно повысил статус этой свободы в европейских интеграционных отношениях. Сразу отметим, что Суд ЕАЭС подобных решений не выносил, поэтому свобода передвижения капиталов может быть реализована только через принятие соответствующих евразийских актов вторичного права.

Анализ нормативного массива в ЕС, регулирующего свободу перемещения капиталов, показывает детализацию ее нормативного регулирования. К примеру, принятые и действуют Директива 2013/36 «О допуске к осуществлению деятельности кредитных организаций и пруденциальном надзоре за кредитными организациями и инвестиционными фирмами, о внесении изменений в Директиву № 2002/87/ЕС и об отмене Директив № 2006/48/ЕС и 2006/49/ЕС», Регламент (ЕС) № 575/2013 от 26 июня 2013 г. «О пруденциальных требованиях для кредитных организаций и инвестиционных фирм и о внесении изменений в Регламент № 648/2012», Директивы Европейского парламента и Совета ЕС 2007/64/ЕС от 13 ноября 2007 г. «О платежных услугах на внутреннем рынке и о внесении изменений в Директивы 97/7/ЕС, 2002/65/ЕС, 2005/60/ЕС и 2006/48/ЕС и об отмене Директивы 97/5/ЕС», Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза 2009/65/ЕС от 13 июля 2009 г. «О координации законодательных, регламентарных и административных положений в отношении предприятий для коллективного инвестирования в обращающиеся ценные бумаги (Директива о предприятиях коллективного инвестирования в ценные бумаги)», Регламент (ЕС) № 600/2014 Европейского парламента и Совета от 15 мая 2014 г. «О рынках финансовых инструментов и поправки к Регламенту (ЕС) № 648/2012», Директива 2014/65 / ЕС Европейского парламента и Совета от 15 мая 2014 г. «О рынках финансовых инструментов и изменения Директивы 2002/92 / ЕС и Директивы 2011/61 / ЕС, Директива 2018/843 Европейского парламента и Совета от 30 мая 2018 года «О предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денег или финансирования терроризма и внесении поправок в Директивы 2009/138 / ЕС и 2013/36 / ЕС», Директива ЕС 2009/138/ЕС от 25 ноября 2009 г. «О страховом бизнесе и перестраховании» и др.

Таким образом, нормативные правовые акты вторичного права в ЕС принимаются по общим вопросам гармонизации финансового рынка, включая вопросы предотвращения его криминализации, устранения кризисных проявлений, регулирования новых финансовых инструментов (электронных денег, финансовых услуг, оказываемых на расстоянии, криптовалют и др.), по вопросам банковской деятельности, включая реализацию принципа единой банковской лицензии, порядка создания и прекращения деятельности, в том числе банкротства кредитных организаций, о пруденциальном надзоре и др.), по вопросам регулирования рынка ценных бумаг, по вопросам регулирования страхования.

Европейский союз и Евразийский экономический союз имеют разный уровень экономического развития, разные временные рамки существования, поэтому и уровень правового регулирования свободы перемещения капиталов различен. Так, ЕАЭС нахо-

дится только в начальной стадии гармонизации законодательств государств-членов по вопросам формирования общего финансового рынка, и еще предстоит работа по выработке общей стратегии его реализации, принятия соответствующих нормативных правовых актов с учетом многолетнего опыта ЕС. Однако создание нормативной базы общего финансового рынка в ЕАЭС должно учитывать не только предпринимательские интересы в этой сфере, но и потребительские. Евразийское законодательство должно не только гарантировать потребителю защиту его прав вне зависимости от того, в какой части Союза ему оказывается финансовая услуга, но и давать возможность достойно существовать, самостоятельно выбирая такие услуги, исходя из соотношения «цена – качество» в любом государстве-члене. Поэтому именно в ЕС потребительские интересы должны учитывать все другие политики (ст. 12 ДФЕС), что, на наш взгляд, является вполне обоснованным, ибо именно потребление является причиной нового воспроизведенного цикла услуг по законам экономической науки.

Финансовые услуги, как отмечают экономисты, может быть непростой и слишком дорогостоящей задачей для потребителей, порой им не хватает элементарных финансовых знаний для выбора конкретной услуги [4, с. 60–61]. Поэтому права потребителей финансовых услуг предполагают наличие дополнительных правовых средств их реализации и защиты как на наднациональном, так и национальном уровнях. Необходимо отметить, что в настоящее время во многих зарубежных странах активно используются все альтернативные способы разрешения финансовых споров на безвозмездной основе для потребителей (за счет специального фонда, созданного финансовыми организациями) (популярным, например, является введение института уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг).

Думается, что в Республике Беларусь для рассмотрения обращений потребителей финансовых услуг по требованиям имущественного характера, предъявляемых к финансовым организациям, оказавшим им финансовые услуги, необходимо также ввести должность уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг и определить его статус в специальном законе Республики Беларусь «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Кроме того, Министерству финансов и Национальному Банку Республики Беларусь будет целесообразным рассмотреть вопрос о членстве Республики Беларусь в Международной организации по защите прав потребителей финансовых услуг (The International Financial Consumer Protection Organisation (FinCoNet)), чтобы принимать участие в решении самых сложных и важных вопросов по защите прав потребителей финансовых услуг, получать консультации международных экспертов.

Формирование и развитие единого рынка финансовых услуг ЕАЭС в современных условиях возможно исключительно в рамках построения цифровой экономики, что требует активного использования как наднациональных, так и национальных средств правового регулирования.

Следует признать, что наиболее благоприятной юрисдикцией для легального использования технологий цифровой экономики для формирования и развития единого рынка финансовых услуг ЕАЭС является Республика Беларусь в связи с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики».

В Российской Федерации в рамках Программы «Цифровая экономика» Министерство финансов России, несмотря на разногласия с Банком России по ряду существенных позиций, вынес на общественное обсуждение проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах», направленного на создание благоприятных условий по применению цифровых технологий в экономике, в частности системы «блокчейн».

Республика Армения также достаточно эффективно проводит политику цифровизации экономики на основе принятого рамочного документа «Повестка цифровой трансформации Армении до 2030 г.», формирования платформы взаимодействия между системами государственного управления, создания единых центров по предоставлению цифровых финансовых услуг и пр.

Республика Казахстан цифровизацию финансовых услуг видит как одну из целей Программы «Цифровой Казахстан» на 2018–2022 гг., которая в целом направлена на ускорение темпов развития экономики Республики Казахстан и улучшение качества жизни населения, а также создание условий для перехода экономики на принципиально новую траекторию – цифровую экономику будущего.

В Кыргызской Республике принята программа «Таза кoom», обладающая рядом разработанных и внедренных элементов, цифровых активов и возможностей, которые со временем должны быть дополнены и объединены во всеобщее управление – от экономических до социально-бытовых операций. Отметим, что Казахстан и Кыргызстан намерены в ближайшее время объединить усилия по внедрению цифровых повесток развития своих государств, что, безусловно, потребует синхронизации цифровых форматов национальных экономик.

Исходя из обзора и анализа актов законодательства государств – членов ЕАЭС, мониторинга национальной правоприменительной деятельности в сфере цифровизации, отметим, что каждая из стран ЕАЭС накопила свой уникальный опыт и соответствующие компетенции в цифровой экономике, реализуя национальные программы цифровизации. В то же время существуют достаточно противоречивые и несогласованные действия национальных правительств по формированию единых цифровых подходов к формированию единого финансового рынка ЕАЭС, необходима и активизация работы ЕЭК в данном направлении.

По нашему мнению, следует начать теоретико-правовые исследования механизма наднационального правового регулирования отношений по цифровизации финансовых инструментов общего финансового рынка на основе гармонизации национальных подходов к проблемам правового обеспечения цифровизации рынка ценных бумаг, а также банковской, биржевой, страховой, валютной и прочей финансовой деятельности. Стоит заметить, что банковская система расчетов является не единственной сферой, в которой все чаще применяется технология «блокчейн». Но практика показывает, что именно в финансовом секторе экономики в настоящее время проводятся наиболее значимые и важные как технологические разработки, так и ведомственное правовое регулирование. К примеру, появляются проектные разработки и различные юридические решения по регулированию и внедрению новой технологии с использованием системы «блокчейн». В мире создаются соответствующие консорциумы финансовых услуг, мировые финансовые и ИТ-гиганты: UBS, Barclays, Citigroup, Банк России, IBM, Microsoft, которые инвестируют в исследование и внедрение системы «блокчейн» огромные средства. Исследования развития цифровизации финансовых услуг в ЕС, США и среднеазиатском регионе доказывают перспективность этой технологии и доверительное к ней отношение.

Считаем целесообразным разработку соответствующего правового регулирования, направленного на внедрение технологии «блокчейн» в операции с цennыми бумагами, клирингом, краудинвестингом, в реестры имущества и прав собственности, децентрализованное хранение данных, при идентификации пользователей и клиентов, при использовании смарт-контрактов, а также для подтверждения актуальности идентификационных данных.

Как нам представляется, технология «блокчейн» в финансовом секторе ЕАЭС является приоритетным направлением в согласованной нормотворческой деятельности

как национальных, так и наднациональных органов ЕАЭС. В связи с этим наряду с разработкой единых стандартов к формированию общих информационных реестров субъектов финансовых рынков, создания единого финансового (банковского) регулятора, создания наднациональной криптовалюты ЕАЭС, единых электронных форматов финансового взаимодействия и т.п. необходимо на начальном этапе разработать и принять соглашение о введении в ЕАЭС общего платежного пространства, основанного на системе «блокчейн» с использованием системы распределенных реестров (к примеру, российская платформа «Мастерчейн»), что позволит проводить внутри Союза расчетные операции и обмениваться финансовой информацией без необходимости изменять уже существующие платежные системы.

Заключение

Таким образом, использование отдельных методов для проведения научного исследования по вопросу формирования общего рынка финансовых услуг в ЕАЭС позволили сделать ряд следующих выводов.

1. Формирование общего рынка финансовых услуг в ЕАЭС должно проходить постепенно на основе использования наднациональных и национальных правовых средств. Первоочередные меры должны быть приняты относительно унификации категориального аппарата в этой сфере (прежде всего дефиниции «финансовая услуга», «финансовая организация», «кредитная организация», «потребитель финансовых услуг») и закрепления дополнительных гарантий защиты прав потребителей финансовых услуг как в евразийском, так и национальном законодательстве. В перспективе необходимо выходить на новый уровень интеграции через использование правовых средств по гармонизации банковского, страхового законодательства, регулирующего рынок ценных бумаг государств-членов, относительно лицензионных требований к этим видам деятельности, государственной регистрации субъектов, оказывающих финансовые услуги и их финансовой устойчивости, надзорной деятельности, взаимного признания выпуска и обращения ценных бумаг.

2. Необходимо активно использовать все альтернативные способы разрешения финансовых споров на безвозмездной основе для потребителей (за счет специального фонда, созданного финансовыми организациями). Целесообразным представляется принятие закона Республики Беларусь «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг».

3. Целесообразно рассмотреть вопрос возможного членства Республики Беларусь в Международной организации по защите прав потребителей финансовых услуг (The International Financial Consumer Protection Organisation (FinCoNet)) с целью получения доступа к лучшим международным практикам в этой сфере, консультаций международных экспертов.

4. Сравнительно-правовой анализ евразийского и европейского законодательства по вопросу обеспечения свободы перемещения капиталов подтверждает разный уровень правового регулирования свободы. Так, ЕАЭС находится только в начальной точке гармонизации законодательств государств-членов по вопросу формирования общего финансового рынка, и еще предстоит работа по выработке общей стратегии его реализации и принятия соответствующих нормативных правовых актов с учетом многолетнего опыта ЕС.

5. Наряду с разработкой единых стандартов к формированию общих информационных реестров субъектов финансовых рынков, создания единого финансового (банковского) регулятора, создания наднациональной криптовалюты ЕАЭС, единых электронных форматов финансового взаимодействия и т.п. необходимо на начальном этапе разработать и принять соглашение о введении в ЕАЭС общего платежного простран-

ства, основанного на системе «блокчейн» с использованием системы распределенных реестров (например, на основе российской платформы «Мастерчейн»), что позволит проводить внутри Союза расчетные операции и обмениваться финансовой информацией без необходимости изменять уже существующие платежные системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [подписан в Астане 29.05.2014 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Договор о Европейском союзе [Электронный ресурс] : [подписан в г. Маастрихте 7 февр. 1992 г.] : в ред. Лиссабонского договора от 13.12.2007 г. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=43211#098029089-81633827>. – Дата доступа: 01.09.2018.
3. Договор о функционировании Европейского Союза [подписан в Риме 25 марта 1957 г.] : в ред. Лиссабонского договора // Европейский союз. Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комент. / отв. ред. С. Ю. Кашкин. – М. : ИНФРА-М, 2010. – С. 211–390.
4. Жилач, А. Защита прав потребителей финансовых услуг: доверие по закону / А. Жилач // Банк. весн. – 2014. – № 11. – С. 60–65.
5. Кулакова, Е. В. Возможности и перспективы интеграции ЕАЭС в финансовой сфере / Е. В. Кулакова // Мир новой экономики. – 2017. – № 2. – С. 38–45.
6. Малько, А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема / А. В. Малько // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 4–16.
7. О государственном регулировании, контроле и надзоре финансового рынка и финансовых организаций [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 4 июля 2003 г., № 474-II. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1041467. – Дата доступа: 01.09.2018.
8. О защите конкуренции [Электронный ресурс] : Федер. закон, 26 июля 2006 г., № 135-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/. – Дата доступа: 01.09.2018.
9. О разработке Концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС [Электронный ресурс] : распоряжение Высш. Евраз. экон. совета, 26 дек. 2016 г., № 6. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413526/sco_11042017_6. – Дата доступа: 01.09.2018.
10. Проект Соглашения о требованиях к осуществлению деятельности на финансовых рынках [Электронный ресурс] : решение Коллегии Комиссии, 12 окт. 2015 г., № 138. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148740/clcd_131020-15_138. – Дата доступа: 01.09.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.10.2018

Gorupa T.A., Shalaeva T.Z., Pashkevich I.P. Formation of Common Finance Market in the Eurasian Economic Union and Legal System of the Republic of Belarus

In this article the authors systematizes supranational and national legal means, that are necessary for the formation of a common financial market of the EEU. The authors identifies problems that prevent the inclusion of the Republic of Belarus in the general financial market, proposes specific changes and additions to the national legislation.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікованыя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай і рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармат А4 ($21 \times 29,7$ см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальная лінейная памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліографічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэсцацийнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэсцацийнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносак.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтом і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
  - звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
  - назва артыкула (друкуеца вялікім літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
  - анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
  - звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указываюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
  - асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКА да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з паставленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруеца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указаныя іх навізна);
  - спіс выкарыстанай літаратуры;
  - рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронныя адресы для перапіскі і контактныя тэлефоны);
- выпіска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукцыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендаций артыкула да друку;
- рэцэнзія зневяднага ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары К.М. Мароз, Л.М. Калілец

Камп'ютарнае макетаванне С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац

Падпісана ў друк 14.11.2018. Фармат $60 \times 84/8$. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 20,69. Ул.-выд. арк. 16,99.

Тыраж 100 экз. Заказ № 436.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвалініка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.